

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

No. 1 (1) 2020

ISSN: 2707-4870

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

Has been published since 2020

No. 1 (1) 2020

Nur-Sultan

EDITOR-IN-CHIEF:

Doctor of Historical Sciences, Professor
Shaihutdinov M. Y.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Doctor of Historical Sciences, Professor
Kushkumbayev A. K.

EDITORIAL BOARD:

Qydyráli Darhan	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Muminov A.K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Samashev Z. S.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Abuseitova M. K.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
Sabitov Zh. M.	PhD in Political Science (Kazakhstan)
Golden Peter B.	Dr., Professor (USA)
Kradin N.N.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Erdélyi István	Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungary)
Uzelac	PhD in History (Serbia)
Aleksandar	
Mirgaleev I. M.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Zaytsev I. V.	Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
Petrov P.N.	Candidate of Historical Sciences (Russia)
Nagamine	PhD in History (Japan)
Hiroyuki	

Editorial address: 8, Kabanbay Batyr avenue, of.316, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010000
Tel.: (7172) 24-18-52 (ext. 316)
E-mail: medieval-history@isca.kz

Medieval History of Central Eurasia

Owner: International Science Complex Astana
Periodicity: quarterly
Circulation: 500 copies

CONTENT

EDITOR'S COLUMN M.

Y. Shaikhutdinov PROSPECTS OF KAZAKHSTAN'S MEDIEVAL STUDIES: TO THE PROBLEM STATEMENT.....	4
--	---

ETHNOGENESIS. ARCHEOLOGY. LINGUISTICS

N. I. Egorov ACTUAL PROBLEMS OF TURKIC PALEOHISTORY: PROTO-LANGUAGE, PROTO-ETHNOS, AND ANCESTRAL HOMELAND PART ONE	18
---	----

Aleksandar Uzelac NOTES ON THE CAPTURE OF WILLIAM BUCHIER BY THE MONGOLS in HUNGARY	27
---	----

Ya. V. Pylypchuk SABIRS AND PROTO-HUNGARIANS: IS IT POSSIBLE IDENTIFICATION?	35
---	----

HISTORY OF JUICHI ULUS M.T.

Laumulin THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE IN ORIENTALISM: A BRIEF OUTLINE.....	50
---	----

Zh. M. Sabitov KAZAKHSTAN HISTORIOGRAPHY OF STUDYING THE HISTORY OF JUCHI ULUS	74
--	----

A.V. Parunin SHIBANIDES AND TUKA-TIMURIDES IN THE MIDDLE OF THE 15TH CENTURY: ABU-L-HAIR-KHAN WAR WITH MAHMOUD AND AHMAD.....	84
---	----

A. A. Porsin ANTI-JOCHID MOTIVES IN "THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS"	95
--	----

Yu. V. Seleznev PRINCE KOTYAN AND EPIC MEMORY ABOUT HIM.....	112
--	-----

Yu. S. Khudyakov THE ROLE OF ANCIENT TURKS IN THE DEVELOPMENT OF MILITARY AFFAIRS OF MEDIEVAL CENTRAL ASIAN NOMADS.....	120
---	-----

L. A. Bobrov, A. K. Kushkumbayev THE SABER OF THE MONGOL TIME FROM AKMOLA REGIONAL HISTORICAL AND LOCAL MUSEUM.....	122
---	-----

Yu.S. Khudyakov, A.Yu. Borisenko BONE ARROWS' TIPS FROM EXCAVATIONS AT THE BURIAL GROUND ULUG-CHOLTUH.....	133
--	-----

IRSTI 03.09.25

PROSPECTS OF KAZAKHSTAN'S MEDIEVAL STUDIES: TO THE PROBLEM STATEMENT

M. Y. Shaikhutdinov
Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract. The article deals with topical issues of formation of Kazakhstan's medieval studies in the context of the development of world historical science. The author notes that foreign medieval studies went through a series of stages in its development, gradually transitioning from political and military history to economic history, "new social history", cultural history, historical demography, etc. Thus, an extensive collection of historical sources has been published, and different national school of medieval studies has been formed.

The article presents author's view on the main issues of studying the Kazakh and Turkic Middle Ages, including the chronology and periodization, the state of the source base, the research level of various problems of national history. It is noted that the history of Kazakh Middle Ages can be divided into three main periods: 1) the era of the Turkic empires (*VI-XII centuries*), 2) the era of the Mongol conquests and the Ulus of Jochi (*XIII-XV centuries*) and 3) the era of the unified Kazakh khanate (*XVI – early XVIII centuries*). Modern Kazakh statehood is the successor of all the above-mentioned historical epochs.

National medieval studies are in the process of formation, so it needs to simultaneously develop both traditional and modern perspectives, expand the source studies base on the history of the Kazakh Middle Ages, master the latest theoretical and methodological approaches, and form a unique national school of medieval studies. At the same time, it is important to develop a dialogue with foreign specialized research centers and universities, as well as with the world's leading medievalists.

Keywords: medieval studies, source studies, historiography, history of the Middle Ages, ethnogenesis, Turkic empires, Jochi Ulus.

Introduction. In the recent centuries, a long-standing tradition of studying Middle Ages developed within the world historical science. At the early stages of the research of world medieval studies, the main attention was paid to the political and military history of the Middle Ages, the activities of monarchs, feudal nobles and prominent commanders. In the nineteenth century, Western scholars attempted to link political and social history together by studying economic history and social institutions.

At the turn of the XIX-XX centuries, interest in medieval culture increased, as evidenced, in particular, by the fundamental work of the Dutch historian Johan Huizinga "The Autumn of the Middle Ages" (1919), in which issues of social hierarchy, chivalrous idea, religious experiences, art and aesthetics came to the forefront [64]. Five years later, a representative of the British school of social history Eileen Power published the work "Medieval People", in which she points out that 'there is often as much material for reconstructing the life of some ordinary person as there is for writing a history of Robert of Normandy or Philippa of Hainault; and the lives of ordinary people so reconstructed are, if less spectacular, certainly not less interesting' [43, p. 7].

In 1929, Lucien Febvre and Marc Bloch founded "Annales d'histoire économique et sociale" journal and established a 'new social history'. Due to the "Annales", such promising perspectives as 'longer time spans', historical anthropology, historical demography, gender studies, the history of everyday life, microhistory, history of 'mentalities' (*modes of consciousness*), political reading of non-verbal forms of communication, etc. were developed [55, p. 459-460]. Modern medievalism combines efforts not only by historians, but also

archaeologists, sociologists, cultural anthropologists, literary critics, linguists, psychologists, art historians, philosophers, theologians, and others.

The Annales school sought to cover the phenomenon of the Middle Ages in all of its diversity, without dividing it into separate countries. This is exactly how Mark Bloch [13], Georges Duby [23], Jacques Le Goff [37], Fernand Braudel [14] and others created their works. The Annales school is characterized by a broad view on history, a free scientific search, and a critical approach to established opinions. For example, Jacques Le Goff tried to rehabilitate political history [39] and at the same time questioned the need for strict periodization of the historical process [38]. In the same spirit, Bernard Guenée argues: 'Every medievalist knows today that the Middle Ages never existed, and even more so, there was never the spirit of the Middle Ages. Who would want to put the people and institutions of the seventh, eleventh, and fourteenth centuries in the same bag? ... The more general is periodization, the more controversial it becomes. This is no more than a shadow, just a word, that is convenient for denoting a certain chronological layer, but it is dangerous to put any other meaning into it, and you should not be deceived by this word' [19, p. 13].

The tradition of Jacques Le Goff is also developed by the French philosopher Alain de Libera, author of the work "Medieval philosophy", dedicated to the analysis of the 'latent relevance' of medieval thought – 'the relevance of philosophical decisions that imperceptibly, without being recognized, secretly guide our perspectives' [21, p. 31]. Like Le Goff, Alain de Libera recognizes that Arab culture was a mediator between Antiquity and Gothic, but de Libera considers the contribution of Arab thought to the European philosophy more significant, and the Arab world being more active in creativity.

Among the latest Western writings, the work of the British historian Chris Wickham "Medieval Europe" deserves a special attention, in which the Middle Ages is considered as an integral whole. The main focus Wickham put on turning points, including – the fall of the Western Roman Empire in the V century, the crisis of the Eastern Roman Empire in the VII century, the Carolingian's project at the turn of VIII-IX centuries, the spread of Christianity in Northern and Eastern Europe in the X century, the radical decentralization of political power in the West in the XI century, demographic and economic growth from X to XIII centuries, the restoration of political and religious power in the West in the XII-XIII centuries, the decline of Byzantium in the same period, the Black death and the development of public authorities in the XIV century, the involvement of wider segments of the population into the public sphere at the turn of XIV-XV centuries [56, c. 23].

Reinterpretation of the tasks and goals of medieval studies is scrutinized in the work by modern German historian Hans-Werner Goetz named "New medieval studies: the state and prospects of Medieval studies" [1], in which the concept of 'the Middle Ages' is examined. The book reveals the role of auxiliary historical disciplines and source study analysis, and underlines the growing interest of German historians towards the problems of everyday history, analysis of social conflicts, attitudes, constitutional structures and historical anthropology (*mentality, 'psychohistory and medieval studies', medieval studies as a science of cultural history, etc.*).

Russian medievalism study has as well made a significant progress. The publication of the "Middle Ages" journal, founded in 1942, continues. In 1992, the 2nd volume of "The History of Europe", dedicated to the Middle Ages was published [26]. This was immediately followed by the publication of the 2nd volume of "The History of the East", dedicated to the medieval East [25], and in 2012 by unorthodox in structure and content the 2nd volume of "The World History"-"Medieval civilizations of the West and East" [18]. In this context, it is also important to mention the works of O.S.Voskoboynikov [17], L.Vasiliev [15] and other Russian researchers.

Discussion. Kazakhstan's medieval studies also have its own history and traditions. Even in the Soviet era, there were departments of World History within the History Faculties of universities, where the history of the Middle Ages was studied. Kazakhstan's Middle Ages was studied in the departments of Ancient and Medieval history and Oriental studies of the Institute of history, archeology and ethnography of the Kazakh Soviet Socialist Republic's Academy of Sciences. Unfortunately, in recent decades, the interest of Kazakh researchers in the history of the Middle Ages has decreased, a new generation of historians has switched to the problems of Modern history, geopolitics and international relations, as a result the problem of succession of generations has arisen in Kazakhstan's medieval studies.

In this context, it is important to re-draw the attention of Kazakh historians to the history of Central Eurasia, which includes not only the territory of Kazakhstan and Central Asia, but also other areas where the Turkic peoples lived. The history of these peoples is of particular interest and requires joint efforts of historians, archaeologists, ethnographers, linguists, geneticists and other specialists. It is important to take into account that during this historical period numerous steppe States emerged, flourished and then collapsed, whilst actively interacting with the surrounding world – Europe, Russia, China, Persia and other countries and regions. This interaction was not always peaceful, conflicts often arose, but at the same time there was a vigorous cultural and civilizational dialogue, economic relations developed, intercontinental trade routes (*the Great Silk road*) evolved, etc.

A comprehensive research of the Turkic Middle Ages requires *a holistic approach towards all types of historical sources*. In recent years, Kazakh historians have made a significant contribution to the study of sources. For example, under the editorship of G.S.Sadvokasov and K.Sh.Hafizova, a work called "Documents and materials on the history of Kazakhstan, Central Asia and East Turkestan" was published [31]. M.H.Abuseitova and Yu.G.Baranova issued a new edition of "Utemish-Haji. Chingiz-nama" [58], as well as "The written sources on the history and culture of Kazakhstan and Central Asia in the XIII-XVIII centuries" [3]. M.Kh.Abuseitova and L.N.Dodkhudoeva published the work "History of Kazakhstan in Oriental miniatures" [4].

In addition, M.Kh.Abuseitova and Zh.M.Tulibayeva drafted a new edition of the "History of Kazakhstan in Persian sources" [27]. Zh.M.Tulibayeva published "Persian-Language sources on the history of Kazakhs and Kazakhstan of the XIII-XIX centuries" [54], "Treatise on Sairam" [52], "Anthology on the history of interstate relations and diplomacy in Central Asia of the XIII-XV centuries" [65], as well as the work "Methods of describing Central Asian manuscripts" [53].

One of the most important theoretical and methodological problems facing Kazakhstan's medieval studies is the *periodization of the Kazakh and Turkic Middle Ages*, which should be an integral part of the periodization of the entire Kazakh history from ancient times to the present day. Currently, there is no consensus on this issue among Kazakhstan's historians, which is due to various theoretical and methodological approaches.

For example, S.G.Klyashtorny and T.I.Sultanov divide the Central Asian Middle Ages into Early (*VI-XIII centuries*) and Later (*XIII-XV centuries*) [28]. According to Zh.Artykbayeva, the Kazakh Middle Ages covers the Era of the Huns, the ancient Turkic era and the Golden Horde, while the emergence of the Kazakh khanate falls under to Modern times [6]. E.A.Abil divides the Kazakh Middle Ages into four stages: 1) the stage of the Hun nomadic empire (*III century BC – V century AD*); 2) the stage of the Turkic nomadic empire (*VI – early XIII centuries*); 3) the stage of the Mongol-Kipchak nomadic empire (*early XIII – late XVI centuries*) and 4) the stage of the unified Kazakh khanate (*early XVII – early XVIII centuries*) [2, p.13-14]. N.S.Lapin believes that the Kazakh Middle Ages covers the period from the middle of the VI century AD until the beginning of the XVIII century, and includes three main stages – the Turkic khaganate, the Mongol conquest and the unified Kazakh khanate [36].

A.E.Daniyarova identifies three periods in the history of medieval Kazakhstan:

1) States of the early and developed Middle Ages (*VI-XII centuries*), namely, the Turkic and Western Turkic khaganates, Turgesh and Karluk khaganates, Kara-Khanid khanate, the Oguz khaganate, the Kimak and Kipchak States, as well as the Naiman and Kereit Ulus;

2) Medieval Kazakhstan (*the beginning of the XIII – first half of the XV century*) - the time of the Mongol conquests, as well as the formation and development of such States as the Golden Horde, White Horde, Mogolistan, Abulkhair khanate and Nogai Horde;

3) Kazakhstan in the late Middle Ages (*XV-early XVIII centuries*) - the period of formation of the Kazakh nation, as well as the emergence and development of the Kazakh khanate [20]. This periodization takes into account the world context, regional features, and the uniqueness of Kazakhstan's history. That is why this periodization deserves to be taken as a basis with due regard for valuable ideas from other scholars.

An extremely important place in the history of Kazakh statehood is occupied by the *era of the Turkic empires*, which began after the collapse of the Hunnic empire. This historical period insufficiently explored by Kazakh historians, but there is a certain body of knowledge.

In particular, the authors of "History of Kazakhstan and Central Asia" noted that in the second half of the I Millennium BC Turkic tribes had created a number of large state formations on the territory of South Siberia, Central and Middle Asia, the Lower Volga region and the North Caucasus: the first Turkic khaganate (551-630), the East Turkic khaganate, the West Turkic khaganate, Turgesh khaganate, the Uyghur khaganate and the state of the Yenisei Kyrgyz, Karluks, Kimaks and Aral Oguz [28, c. 74-75]. During this particular era ethnopolitical associations that became the predecessors and ancestors of modern Turkic-speaking nations had emerged, the Turkic writing system had developed, and the Turkic tribes had attained to Buddhism, Manichaeism, Christianity, and Islam. In the conditions of nomadic and semi-nomadic life, and sometimes while transitioning to settled and urban life (*for example, in the Zhetysu region*), an original Turkic culture was created [28, p. 75]. Researchers emphasize the following: 'the Turkic-speaking nations of Eurasia, as well as their predecessors, for many centuries had a common history and a common culture, which became their common heritage. The change in the historical arena of some tribal associations by others did not mean their complete disappearance. Ancient tribes persisted in newly emerged ethnic and political structures, often under different names, and formed new peoples that underwent their own deformations. The fate of each of them is inseparable from the fate of their neighbors and kindred' [28, p. 75].

At the end of the era of the Turkic empires, the Kipchaks created The Kipchak khanate, and the Karluks founded the Kara-Khanid khanate, which included the territories of Southern and South-Eastern Kazakhstan. In the early XII century the territory of Zhetysu (*Semirechye*) was part of the Qara Khitai. Kara-khanids were replaced by new Turkic dynasty of Khwarazmian dynasty founded by commander Anush Tigin Gharchai. It was this dynasty and the Kipchaks who took the brunt of the Mongol cavalry.

It is important to note that these states were inhabited by both nomads and settled farmers. On the territory of Central Eurasia and Kazakhstan, urban culture was successfully developed, which was actively studied by prominent Kazakh historians and archaeologists such as A.H.Margulan, K.A.Akisev, K.M.Baypakov, E.A.Smagulov, and others.

Back in 1950, A.H.Margulan published a monograph "From the history of cities and construction art of ancient Kazakhstan" [40]. In 1966, K.M.Baypakov received his PhD with his thesis being on "Medieval cities and settlements of the Semirechye (*VII-XII centuries*)", and in 1986 completed his doctoral thesis on "Medieval urban culture of southern Kazakhstan and the Semirechye of the VI – beginning of the XII century (*dynamics and main stages of development*)". In 1998, he published the work "Medieval cities of Kazakhstan on the Great Silk road" [12], and in 2012-2016 – the monograph "Ancient and medieval urbanization of

Kazakhstan", which covers the urbanization of Kazakhstan in the Bronze Age and early Middle Ages [8], in the IX – early XIII century [9], in the XIII – early XV century [10] and in the second half of the XV – XVIII centuries [11].

At present D.Talapov, A.M.Sadykova, G.M.Utkelbaeva and O.E.Bekbayev scrutinize the problem of localization of medieval towns of Southern Kazakhstan [50], A.A.Nurzhanov and A.Aitbayeva study the results of excavations by A.N.Bernshtam, in the South of Kazakhstan and Zhetysu in the 1940s [42], U.A.Ergaliyev explores the archaeological science of Kazakhstan in the post-Soviet time, with special attention to the Middle Ages. He notes that in recent years have been developed typologies of ancient cities and settlements of the Talas valley and the interfluvium of the river Chu and Talas of the VI-XIII centuries, Central Kazakhstan of the VIII-XVII centuries, the Aral sea region of the XII-XVIII centuries, the North-Eastern Semirechye and the Keles steppe. The architecture of medieval cities of southern Kazakhstan and Semirechye of the VII-VIII centuries is explored. [24] There are also works devoted to the historiography of urbanism in Kazakhstan [5].

Currently, a new generation of Kazakh scientists is gradually being formed, who are engaged in the study of the era of the Turkic empires. For example, N.H.Utibayev traces the evolution of medieval state formations on the territory of Western Kazakhstan [59]. The focus of attention of A.N.Dogalov, D.A.Seitkhozina and A.R.Bizhanov is on the issues of interregional cooperation in medieval state entities on the territory of Kazakhstan [22]. A.E.Rogozhinsky studies property and power signs of ancient and medieval inhabitants of the Kazakh steppe, including signs of the ancient Turkic period (*late VI-VII centuries*), the Turgesh period (*first half of the VIII century*), the Karluk and early Kara-Khanid periods (*second half of the VIII – early XI century*), etc. [45] This work is consistent with the trends of modern world medieval studies, which attach great importance to symbols of power, political rituals, etc. Nevertheless, it must be acknowledged that Kazakhstan's historical science has made only the first steps towards studying proto-Kazakh medieval state formations. Further progress on this path requires new scientific approaches, in-depth study of historical sources and foreign historiography.

An important milestone in the history of Kazakhstan is the *era of the Mongol Empire and the Ulus of Jochi (the Golden Horde)*. According to historians, the statehood of Ulus of Jochi originated mainly within the territory of modern Kazakhstan. In 1269, the Talas Kurultai de facto recognized the political independence of the Ulus of Jochi and confirmed the will of the nomads of the Great Steppe to freedom and independence. The rule of the Jochi dynasty lasted until the middle of the XIX century, and the longest it preserved on the territory of Kazakhstan (*Zhangir Khan ruled the Bukey Horde until 1845, and Kenesary Khan until 1847*). By the XIV century, the ethnogenesis of nomadic peoples, including the Kazakh nation, had mostly forged. During this period, the Kazakh identity is formed and the basis of the Kazakh statehood is created, which is being successor of both the Ulus of Jochi and the former Turkic empires.

It should be noted that the history of Ulus of Jochi has long been the subject of political speculation and pseudo-scientific research. In Soviet times, the study of the Golden Horde was actually prohibited by a special resolution of the Central Committee of the CPSU (b) in 1944, in which the Golden Horde was described as a "parasitic" military and political entity that oppressed the Russian and other peoples of Eurasia, with the collapse of which arose the Moscow Principality and post-Golden Horde khanates – Kazakh, Kazan, Crimean, Qasim, Astrakhan, Siberia, Bukhara, Khiva, etc.

Over the years since Independence, the study of Ulus of Jochi in Kazakhstan was conducted unevenly, fragmentally, sometimes tendentiously, while many studies included only small historiographical reviews. Nevertheless, there is already a certain framework for a serious study of Ulus of Jochi in the coming years.

In particular, Kazakh researchers A.K.Kushkumbayev and Zh.M.Sabitov criticized the traditional thesis that the White Horde (*Ulus of Orda Ichen*) is the 'prototype of the Kazakh khanate' and re-substantiated V.P.Yudin's thesis about the succession of the Kazakh khanate from the Golden Horde, which, in their opinion, is proven:

- *geographically*: more than 40% of the territories of the Golden Horde (*Ulus of Jochi*) currently belong to the territory of modern Kazakhstan. Blue Horde and half of White Horde are included in the territory of modern Kazakhstan;

- *ethnically*: of the 92 tribes that were part of the Golden Horde and mentioned in a number of sources (*list of ilatiya tribes*), more than 20 are present in the Kazakhs, the rest are present in other Turkic peoples of the former Dasht-i Kipchak;

- *dynastically*: the Kazakh Genghisid dynasty was descended from the Tuqa-Timur (*a branch of the Jochi descendents*), who ruled in different parts of the Golden Horde (*Mangyshlak, Crimea, Kazan, Astrakhan, etc.*), and not from the Orda Ichen, the elder brother of Batu, who ruled only on the Irtysh (*East Kazakhstan*);

- *anthropologically*: modern Kazakhs are anthropologically no different from the nomadic population of the Golden Horde of the XIII century;

- *genetically*: the genetic homogeneity of Kazakh tribes is 70-90%, and the confidence level of Shezhire (*direct blood ancestors*) exceeds 90% (*Shezhire data are mostly confirmed by population genetics data and TMRCA calculations*);

- *chronologically*: the formation and wide spread of Kazakh tribes date back to the times of the Golden Horde, and the founders of the Kazakh tribes were emirs and Karachi-beks of the Golden Horde khans;

- *folklore-based*: almost all ethos and folklore of the Kazakhs date back to the times of the Golden Horde, or to the times of the post-Golden Horde khanates that arose later [46, p. 846-847]. At the same time, Kazakh scientists do not claim that the Kazakhs are the 'one and only' heirs of the Golden Horde and emphasize that: 'Ulus of Jochi, in a broad historical perspective, was a common "ancestor" for both the Kazakhs, and equally for the Crimean, Polish-Lithuanian, Astrakhan, Siberian, Kazan Tatars, Bashkirs, Nogais, Karakalpaks, part of the Uzbeks, etc., the same as Kievan Rus for such peoples as Ukrainians, Belarusians, Russians and Rusyns' [46, p. 848].

Currently, Zh.M.Sabitov Zh. M. explores the political history of the Ulus of Jochi [47]. A.K.Kushkumbayev and Zh.M.Sabitov examine ulus system of the the Golden Horde [49]. A.K.Kushkumbayev and A.Sh.Nurmanova analyze Kazakh epigraphic monuments on the genealogy of the Ulus of Jochi elite [34]. However, to a large extent A.K.Kushkumbayev is focused on the issues of military history [16] military tactics of the Turkic-Mongol armies of the XIII-XV centuries [33] and historiography of military affairs of the nomads of Ulus of Jochi [32].

A significant contribution to the study of Ulus of Jochi was made by K.Z.Uskenbai, who published the work "Eastern Dasht-i Kipchak in the XIII-early XV century. Problems of ethnopolitical history of Ulus of Jochi" [57]. On the other hand, in 2014, Z.Kinayatuly drafted a monograph "Qazaq memleketi zhane Zhoshy Khan" ("the Kazakh state and Jochi Khan") [35], which received some criticism from national historians [48, p. 213].

According to A.E.Daniyarova, the combination of historical, archaeological, ethnographic, anthropological, linguistic sources allows us to assert that the process of formation of the Kazakh nation was mostly completed at the turn of the XIV-XV centuries [20, p. 64]. According to the researcher, during the process of the Kazakh nation's evolvement its ethnic territory has been formed, which occupies the arid zone of steppes, semi-deserts, deserts of the temperate belt of Eurasia, with distinct natural borders: 'By the mountain chains of the Altai, Tarbagatai, Tien Shan in the East, the Caspian and Aral seas in the West and South-West of the

Syr Darya, the Western spurs of the Tien Shan and the Karatau ridge in the South, the rivers of Ural, Tobol, Ishim and Irtysh in the North' [20, c. 64].

As argued by this short review, the period of Ulus of Jochi occupies an important place in modern Kazakh historiography, but the national historical science still faces many unexplored areas and unsolved tasks.

Firstly, the paradigm of succession of the Kazakh khanate from the Golden Horde proposed by a new generation of historians needs more fundamental elaboration. It is necessary to follow strictly scientific (*and not journalistic style*) justification of ethno-cultural, trade-economic, political-legal continuity and interrelation of Ulus of Jochi and the Kazakh khanate. In this context, the Golden Horde epoch is of particular value not only as a basic element of the formation of the Kazakh khanate, but also as an important legacy for subsequent periods of Kazakh history and modern Kazakhstan.

Secondly, unlike Western and Russian medieval studies, which have already "fed up" with the problems of the political history of the Middle Ages and began to focus on the history of political symbols, political rituals, the history of everyday life, gender history, the emerging Kazakh medieval studies can not neglect political, military, ethnopolitical and religious issues. In particular, the following issues of the Ulus of Jochi are of exceptional interest:

- trade and economic relations;
- tax, customs services and money circulation;
- the ethno-political history and the tribal composition;
- political institutions and state structure;
- issues of foreign policy and diplomacy;
- study of the military history and military organization;
- state law and legislation;
- material and spiritual culture;
- the role of the religious factor, etc.

Third, Kazakhstan medieval studies needs a fresh look at historical sources. We need professional translation and new scientific interpretation of Turkic, Arabic, Russian, Chinese and European sources. In particular, this refers to such valuable sources as "Jami' al-tawarikh", "Majmu al-tawarikh" and many other medieval chronicles and historical works.

The final phase of the Kazakh Middle Ages is the *era of the unified Kazakh khanate*. In chronological terms, this important period of history (*XVI – early XVIII centuries*) corresponds to the early Western European Modern time (*if one follows the periodization of the modern British historian Helmut Koenigsberger*) [30]. For this period of Kazakhstan's history, there is a fairly wide range of written historical sources, many of which are stored in foreign countries. Russia possesses Russian-language (*handwritten and printed*) sources compiled by native Russian speakers themselves, as well as numerous Russian translations of various Oriental materials, along with their originals written in Chagatai, Persian, and Mongolian. These include official addresses of the rulers of the Kazakh, Dzungarian, Kalmyk and Central Asian khanates to the tsarist government, lineage lists and graphic schemes of the genealogy of the ruling elite of these states, individual geographical maps, official reports and travel diaries of Russian Muslim officials, bilingual records of Kazakh folk traditions and other materials [41, p. 275-276].

To date, there are a number of works on the history of the Kazakh khanate, but many problems have not yet been solved. In particular, as follows from the previous narrative, the question of the origin of the Kazakh khanate is still relevant. One part of Russian historians believes that the prototype of the Kazakh khanate was the White Horde, the other part defends the thesis of the continuity of the Kazakh khanate from the Golden Horde. Every year the scales are gradually tipped in favor of the second version, but, in our opinion, Kazakhstan and foreign

scholars still have to do painstaking research and sharp discussions on this fundamentally important historical problem.

In recent years, a number of interesting works have been published – for example, a collection of articles by K.A.Pishchulina "Essays on the history of the Kazakh khanate" [44], a book by R.D.Temirgaliyev "History of the Kazakh khanate" [51], etc.

A number of works of national historians are devoted to the political history of the Kazakh khanate, including a significant part of the third section of the collective work "History of Kazakhstan and Central Asia" [28, p. 276-353]. In particular, M.Kh.Abuseitova et al recognize that the Kazakh khanate was founded by sultans Kerei and Janibek, who fled the Uzbek khanate, but note that the question of the date of formation of the Kazakh khanate is still controversial [28, p. 279]. Historians state: 'from 1470-1471 until the liquidation of the Khan's power in the XIX century in the expanses of the Kazakh steppes, some descendants of Jochi's Urus Khan succeeded others, but political domination no longer passed to representatives of another branch of the Genghisids. Individual members of the dynasty of Kazakh sultans also ruled in Khiva as substitute khans for almost the entire XVIII century' [28, p. 280]. Researchers emphasize: 'the Reigning ruler of the Kazakhs had the monarchical title of Khan, and their country was called Kazakstan. The Kazakh state, like all nomad States, was considered the property of the entire reigning family (*sultans*) and was divided into a number of large and small uluses-possessiones. In the XVI century. the Kazakh khanate comprised about twenty ordinary, or three fortified, ulus" [28, p. 280]. Already in the early seventeenth century, the Kazakh nation was consisted of three zhuzes, which got its name not by the number of the nomads belonged to them, but by the seniority of tribes constituting them. The Elder Zhuz occupied the easternmost part of the Kazakh khanate, the Younger Zhuz – the westernmost, and the Central Zhuz – the middle territory. The origin of the zhuzes is considered by the authors of "History of Kazakhstan and Central Asia" to be 'one of the main mysteries of Kazakh history' [28, p. 281].

Zh.Artykbayev and S.Razdykov believe that the rapid change of the military power of the khanate, the collapse of the military-political union at the very beginning of the birth of the Kazakh khanate predetermined its division into separate administrative parts – zhuzes, which gradually turned into relatively autonomous regions as economic, cultural and territorial associations [7, p. 126]. According to scholars, the formation of zhuzes coincided with the formation of the Kazakh ethnic group and was not a one-time act: 'the basis of the unification of these tribes, close in traditions, culture, life, language and type of economic activity, are complex social, geographical and political reasons. But it is this common origin that has been a factor in the consolidation of tribes into a single ethnic group. For the Kazakh ethnic group, "zhuzes" were territorial and administrative associations of tribes that considered themselves representatives of a single ethnic group' [7, p. 126].

The foreign policy of the Kazakh khanate is also in the spotlight for national historians. Special attention deserves the works by K.Sh.Hafizova such as "The Qing Empire and the Kazakh khanates" [66], "Chinese diplomacy in Central Asia. XIV-XIX centuries" [62], "Kazakh strategy of the Qing Empire" [61], "Dialogue of civilizations on the Silk road (*historical stories*)" [60] and "Steppe rulers and their diplomacy in the XVIII-XIX centuries " [63]. It is also important to mention the work of Zh.M.Tulibayeva "Kazakhstan and Bukhara khanate in the XVIII – first half XIX centuries" [29].

Thus, the issues of ethnopolitical history of Kazakhstan are at the core of modern national historiography. For instance, one of the leading research centers in Kazakhstan the Institute of history and ethnology named after Ch.Ch.Valikhanov is currently developing a promising research topic "History of the ethnopolitical community of Kazakhs in the XIII-XVIII centuries".

In sum, it can be argued that the following issues of fundamental importance come to the fore in the study of the history of the final period of the Kazakh Middle Ages – the era of the unified Kazakh khanate:

- development of a holistic concept of the history of the Kazakh khanate in the pre-Imperial period;
- further expansion of the source base, as well as a new interpretation of sources on the history of the unified Kazakh khanate
- issues of historical succession and continuity of the Kazakh khanate with the state entities of the Mongol era (*the Golden Horde, etc.*);
- the problem of concrete date of the origin of the Kazakh khanate;
- issues of ethnogenesis of Kazakhs and ethnopolitical history of the Kazakh khanate;
- the problem of the origin of the Kazakh zhuzes and their role in the Kazakh history;
- in-depth study of the socio-economic, political, military and cultural history of the Kazakh khanate;
- research of foreign policy and diplomacy of the Kazakh khanate, etc.

Conclusion. Further progress of Kazakhstan's medieval studies requires close interaction of various national research centers, including the Institute of history and ethnology named after Ch.Ch.Valikhanov, the Institute of Oriental studies named after R.B. Suleimenov, scientific-research center "Uly Dala" of Astana International University, historical faculties of the al-Farabi Kazakh National University and Eurasian National University named after L.N.Gumilyov, etc.

National medievalists should also not be limited to studying only the Kazakh Middle Ages. It is necessary to thoroughly study the Western and Eastern Middle Ages, that will allow to conduct comparative historical research, identify common and specific features of the Middle Ages in various regions of the world. The government is taking measures to train a new generation of Kazakh medievalists.

In this context, it is important to establish a close dialogue with leading foreign scientific centers, including the Institute of Oriental studies and the Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences, the Institute of history named after Sh.Mardzhani, the Institute of nomadic civilization and the Institute of history of Mongolian Academy of Sciences, Institute of Oriental studies named after Abu Rayhan al-Beruni, the Institute of history of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Institute of history, archaeology and ethnology named after B.Jamgyrchiev of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic etc.

Filling in the gaps in the traditional perspectives of the Kazakh Middle Ages (*issues of ethnogenesis and ethnopolitics; political and economic history; cultural history; foreign policy and military history, etc.*), Kazakhstan's medieval studies will step by step expand the source base, develop auxiliary historical disciplines, master modern theoretical and methodological approaches and new research spaces (*"the history of everyday life", historical urbanism, political symbols, "the history of mentalities", rituals and ceremonies, "the history of memory", etc.*).

ПЕРСПЕКТИВЫ КАЗАХСТАНСКОЙ МЕДИЕВИСТИКИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

М.Е.Шайхутдинов

доктор исторических наук, профессор, Научный руководитель
Международного научного комплекса Астана, г.Нур-Султан, Казахстан

В статье рассматриваются актуальные вопросы становления казахстанской медиевистики в контексте развития мировой исторической науки. Автор отмечает, что зарубежная медиевистика прошла ряд этапов в своём развитии, постепенно переходя от вопросов политической и военной истории к истории экономики, «новой социальной истории», истории культуры, исторической демографии и т.д. Изданы обширные собрания

исторических источников, сложились национальные школы медиевистики. Приведена авторская позиция по основным вопросам изучения казахского и тюркского Средневековья, в том числе по хронологии и периодизации, состоянию источниковой базы, степени изученности различных проблем национальной истории. Отмечено, что историю казахстанского Средневековья можно разделить на три основных периода: 1) эпоха тюркских империй (VI-XII вв.), 2) эпоха монгольских завоеваний и Улуса Джучи (XIII-XV вв.) и 3) эпоха единого Казахского ханства (XVI – начало XVIII вв.). Современная казахстанская государственность является преемницей всех вышеназванных исторических эпох. Отечественная медиевистика находится в стадии становления, поэтому ей необходимо параллельно развивать и традиционную, и современную проблематику, расширять источниковедческую базу по истории казахстанского Средневековья, осваивать новейшие теоретико-методологические подходы, формировать оригинальную национальную школу медиевистики. При этом важно развивать диалог с зарубежными профильными научно-исследовательскими центрами и университетами, с ведущими мировыми медиевистами.

Ключевые слова: медиевистика, источниковедение, историография, история Средних веков, этногенез, тюркские империи, Улус Джучи.

REFERENCES

1. Goetz H.-W. *Moderne Mediävistik. Stand und Perspektiven der Mittelalterforschung.* – Darmstadt: Wissenschaftliche Buch-Gesellschaft, 2002. 412 p.
2. Abil E.A. *Istoriya gosudarstva i prava Kazaxstana: Kurs lekcij [History of the state and law of Kazakhstan].* (3d ed). Karaganda: TOO «Uchebnaya kniga». 2005. 256 p. [in Russian].
3. Abuseitova M.X., Baranova Yu.G. *Pis`menny`e istochniki po istorii i kul`ture Kazaxstana i Central`noj Azii v XIII-XVIII vv. [Written sources on the history and culture of Kazakhstan and Central Asia in the XIII-XVIII centuries.].* Alma-Ata: Dajk-Press. 2001. 426 p. [in Russian].
4. Abuseitova M.X., Dodxudoeva L.N. *Istoriya Kazaxstana v vostochny`x miniatyurax [History of Kazakhstan in Oriental miniatures].* Almaty: Dajk-Press. 2010. 258 s. [in Russian].
5. Alpyspaeva G.A. *Istoricheskaya urbanistika Kazaxstana: istoriograficheskiy obzor [Historical urbanism of Kazakhstan: a historiographical overview].* Historical urbanism: past and present of the city: Sbornik nauchnyx statej Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem (g. Surgut, SurGU, 14 noyabrya 2014 g.). In Zhiromskaya V.B. (eds.). Kurgan. 2015. p.47-60. [in Russian].
6. Artykbaev Zh. *Istoriya Kazahstana: uchebnik [History of Kazakhstan].* Astana: Foliant. 2013. 352 p. [in Russian].
7. Artykbaev Zh., Razdykov S. *Istoriya Kazahstana: uchebnik [History of Kazakhstan].* 2-e izd: Astana: Foliant. 2010. 344 p. [in Russian].
8. Bajpakov K.M. *Drevnjaja i srednevekovaja urbanizacija Kazahstana (po materialam issledovanij Juzhno-Kazahstanskoj kompleksnoj arheologicheskoj jekspedicii) [Ancient and medieval urbanization of Kazakhstan (based on the research materials of the South Kazakhstan complex archaeological expedition)].* Vol.I. Urbanizacija v jepohu bronzy – rannem srednevekov'e. [Urbanisation in the bronze age – early middle ages]. Almaty. 2012. 392 p. [in Russian].
9. Bajpakov K.M. *Drevnjaja i srednevekovaja urbanizacija Kazahstana (po materialam issledovanij Juzhno-Kazahstanskoj kompleksnoj arheologicheskoj jekspedicii).* Vol. II. Urbanizacija Kazahstana v IX – nachale XIII v. [Urbanization of Kazakhstan in the IX-early XIII century]. Almaty. 2013. 516 p. [in Russian].

10. Bajpakov K.M. Drevnjaja i srednevekovaja urbanizacija Kazahstana (po materialam issledovanij Juzhno-Kazahstanskoj kompleksnoj arheologicheskoj jekspedicii). Vol. III. Chast' I. Urbanizacija Kazahstana v XIII – nachale XV v. [Urbanization of Kazakhstan in the XIII-early XV century]. Almaty. 2016. 596 p. [in Russian].
11. Bajpakov K.M. Drevnjaja i srednevekovaja urbanizacija Kazahstana (po materialam issledovanij Juzhno-Kazahstanskoj kompleksnoj arheologicheskoj jekspedicii). Vol. III. Part.II. Urbanizacija Kazahskogo hanstva vo vtoroj polovine XV-XVIII v. [Urbanization of the Kazakh khanate in the second half of the XV-XVIII century]. Almaty 2014. 534 p. [in Russian].
12. Bajpakov K.M. Srednevekovye goroda Kazahstana na Velikom Shjolkovom puti [Medieval cities of Kazakhstan on the great Silk road]. Almaty: Gylym. 1998. – 216 p. [in Russian].
13. Blok M. Feodal'noe obshhestvo [Feudal society]. (M.Ju. Kozhevnikova. Trans.) M.: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh. 2003. 504 p. [in Russian].
14. Brodel' F. Grammatika civilizacij [The grammar of civilizations]. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 2008. 552 p. [in Russian].
15. Vasil'ev L. Srednevekovyj Vostok [Medieval East]. M.: Lomonosov. 2019. 232 p. [in Russian].
16. Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov [Military Affairs Of ulus Jochi and his heirs]. Sbornik nauchnyh statej. A.K. Kushkumbaev (Ed.). Astana: Foliant. 2012. 376 p. [in Russian].
17. Voskoboynikov O.S. Tysjacheletnee carstvo (300-1300). Oчерk hristianskoj kul'tury Zapada [The millennial Kingdom (300-1300). An essay on the Christian culture of the West]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie 2014. 568 p. [in Russian].
18. Vsemirnaja istorija [World history] Vol.2: Srednevekovye civilizacii Zapada i Vostoka. [Medieval civilizations of the West and East]. In P.Ju. Uvarov (ed.). M.: Nauka 2012. 894 p. [in Russian].
19. Gene B. Istorija i istoricheskaja kul'tura srednevekovogo Zapadi [History and historical culture of the medieval West]. (E.V.Bayevski. Trans.) In. Sokolova I.I. (ed). M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2002. 494 p. [in Russian].
20. Danijarova A.E. Oчерki po drevnej, drevnej i srednevekovoj istorii Kazahstana: Ucheb. posobie. [Essays on the most ancient, ancient and medieval history of Kazakhstan]. Karaganda: KarGTU. 2009. 97 p. [in Russian].
21. De Libera A. Srednevekovoe myshlenie [Medieval thinking] (O.V. Golova, A.M. Rutkevich. Trans.). M.: Praksis. 2004. 368 p. [in Russian].
22. Dogalov A.N., Sejthozhina D.A., Bizhanov A.R. Istoricheskie aspekty jekonomicheskoi politiki po mezhhregional'nomu sotrudnichestvu v srednevekovyh gosudarstvennyh obrazovanijah na territorii Kazahstana [Historical aspects of economic policy on interregional cooperation in medieval state entities on the territory of Kazakhstan]. Sinergija, 6, 25-34. 2017. 6. p.25-34. [in Russian].
23. Djubi Zh. Evropa v Srednie veka [Europe in the Middle ages]. Smolensk: «POLIGRAMMA». 1994. 316 p. [in Russian].
24. Yergaliev U.A. Arheologija Kazahstana za gody posle raspada SSSR [Archeology of Kazakhstan in the years after the collapse of the USSR]. Vestnik Prikaspija: arheologija, istorija, jetnologija, 2013. Vol.4, pp. 18-21 [in Russian].
25. Alaev L.B. (Eds.). Istorija Vostoka [History Of The East] (Vols 1-6). Vol. 2. Vostok v srednie veka [East in the Middle ages]. M.: «Vostochnaja literatura». 1999. 716 p. [in Russian].

26. Istorija Evropy. T.2. Srednevekovaja Evropa / red. kolegija E.V. Gutnova (otv. red.), Z.V. Udal'cova (otv. red.), O.R. Borodin, G.G. Litavrin, A.P. Novosel'cev, I.S. Pichushina (otv. sekretar'), S.A. Pletneva, A.A. Svanidze, V.I. Ukolova, N.A. Hachaturjan, V.L. Janin. M.: Nauka, 1992. 808 p. [in Russian].
27. Istorija Kazahstana v persidskih istochnikah. [The history of Kazakhstan in Persian sources] Vol IV. A collection of materials related to the history of the Golden Horde. Extracts from Persian works collected by V.G. Tizengauzen and processed A.A. Romaskevich and S.L. Wolin. In M.H. Abuseitova (eds). Almaty: Almaty: Dajk-Press, 2006. 620 p. [in Russian].
28. Abuseitova M.H. (Eds.). Istorija Kazahstana i Central'noj Azii: Ucheb. Posobie [History of Kazakhstan and Central Asia]. Almaty: Dajk-Press. 2001. 616 p. [in Russian].
29. Tulibaeva Zh. M. Kazahstan i Buharskoe hanstvo v XVIII – pervoj polovine XIX v.: nauchnoe izdanie [Kazakhstan and the Bukhara Khanate in the XVIII - first half of the XIX century]. Almaty : Dajk-Press. 2001. – 156 p. [in Russian].
30. Kjonigsberger G. Evropa rannego Novogo vremeni, 1500-1789 [Early Modern Europe, 1500-1789]. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir» 2006. – 320 p. [in Russian].
31. Kitajskie dokumenty i materialy po istorii Vostochnogo Turkestana, Srednej Azii i Kazahstana XIV-XIX vv. [Chinese documents and materials on the history of East Turkestan, Central Asia and Kazakhstan XIV-XIX centuries]. In K.S. Sadvokasova, G.Sh. Hafizova (eds.). Almaty: Gylym, 1994. 272 p. [in Russian].
32. Kushkumbaev A.K. Istoriografija istorii voennogo dela kochevnikov Ulusa Dzhuchi [Historiography of the history of military affairs of nomads Ulus Jochi]. Proceedings from Warfare of the Golden Horde: problems and prospects of study: *Materialy Kruglogo stola, provedennogo v ramkah Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Foruma. Ser. «Istorija i kul'tura Zolotoj Ordj»* 6-22. 2011. pp.6-22. [in Russian].
33. Kushkumbaev A.K. Oblavnaja taktika v voennom iskusstve tjurko-mongol'skih armij XIII-XV vv. [Regional tactics in the military art of the Turkic-Mongol armies of the 13th-15th centuries]. *Zolotoordynskaja civilizacija - Golden Horde civilization*, 2, 49-68 2009. 2.pp.49-68. [in Russian].
34. Kushkumbaev A.K., Nurmanova A.Sh. Kazahskie jepigraficheskie pamjatniki kak istochnik po genealogii Dzhuchidskoj jelity [Kazakh epigraphic monuments as a source for the genealogy of the Juchid elite]. Proceedings from Nogai: XXI century. History. Tongue. The culture. From the beginnings to the future: *Materialy Tret'ej Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii*, 95-104. 2019. pp.95-104. [in Russian].
35. Kinajatuly Z. Qazaq memleketi zhōne Zhoshy han [The Kazakh state and Jochi khan]. Almaty: Eltanym baspasy. 2014. 360 p. [in Russian].
36. Lapin N. O periodizacii Novoj i Novejshej istorii Kazahstana [On the periodization of New and Modern History of Kazakhstan] // <http://www.history-state.kz/periodization.php>.
37. Le Goff Zh. Rozhdenie Evropy [Birth of Europe]. Serija «Stanovlenie Evropy» / (Popova A.I. Trans.). SPb.: «Aleksandrija». 2007. – 398 p. [in Russian].
38. Le Goff Zh. Stoit li rezat' istoriju na kuski? [Is it worth cutting the story into pieces] (Nekrasov M.Ju. Trans.). SPb.: Evrazija. 2018. – 188 p. [in Russian].
39. Le Goff Zh. Javljaetsja li vse zhe političeskaja istorija stanovym hrebtom istorii? [Whether everything is the same as the political history of the standard ridge of history?]. THESIS. 1994. Vol. 4.pp.177-192. [in Russian].
40. Margulan A.Kh. Iz istorii gorodov i stroitel'nogo iskusstva drevnego Kazahstana [From the history of cities and construction art of ancient Kazakhstan]. Alma-Ata: Akad. nauk KazSSR. 1950. 122 p. [in Russian].

41. Muhamadeev T.M., Muhamadeeva I.A. Istochnikovedcheskij obzor issledovanija voennoj istorii Kazahstana [Source study review of the military history of Kazakhstan]. Vestnik Omskogo regional'nogo instituta [Bulletin of the Omsk Regional Institute], 1, 273-282. 2019. 1. pp.273-282. [in Russian].
42. Nurzhanov A.A., Ajtbaeva A. Arheologicheskie issledovanija A.N. Bernstama v Talasskoj doline [Archaeological research A.N. Bernstam in the Talas Valley]. Vestnik KazNPU im. Abaja. Serija «Istoricheskie i social'no-politicheskie nauki» [Bulletin of Abay KazNPU. Series "Historical and socio-political sciences", 2016. 1 (48), pp. 254-258 [in Russian].
43. Paujer Je. Ljudi Srednevekov'ja [People of the Middle Ages]. (Lamanova E.V. Trans). M.: ZAO Izdatel'stvo Centrpoligraf. 2010. 223 p. [in Russian].
44. Pishhulina K.A. Oчерki istorii Kazahskogo hanstva [Essays on the history of the Kazakh Khanate] / Sbornik statej Vstup. st., sost. K.Z. Uskenbaja. Almaty: In-t istorii i jetnologii im. Almaty. Almaty: 2016. – 348 p. [in Russian].
45. Rogozhinskij A.E. Znaki sobstvennosti i vlasti drevnih i srednevekovyh obitatelej kazahskoj stepi [Signs of property and authority of the ancient and medieval inhabitants of the Kazakh steppe]. *Arheologicheskoe nasledie Sibiri i Central'noj Azii (problemy interpretacii i sohraneniija) - Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (Problems of Interpretation and Preservation)*. Materialy mezhdunarodnoj konferencii. Otvetstvennyj redaktor V.V. Bobrov. 2016. pp 53-64. [in Russian].
46. Sabitov Zh.M. Zolotaja Orda – «padcherica» kazahstanskoj istoriografii [Golden Horde - "stepdaughter" of Kazakhstani historiography]. *Molodoj uchenyj*, 2015. 24 (104). pp. 842-851. [in Russian].
47. Sabitov Zh.M. Politicheskaja istorija Ulusa Dzhuchi v 1256-1263 godah [The Political History of Ulus Jochi in 1256-1263]. *Zolotoordynskoe obozrenie*, 2015. 2. pp. 51-64. [in Russian].
48. Sabitov Zh.M. Recenzija na monografiju Zardyhana Kinajatuly «Kazak memleketi zhәne Zhoshy han» («Kazahskoe gosudarstvo i Dzhuchi han») [Review of the monograph of Zardyhan Kinayatuly “The Kazakh state and Jochi Khan”]. *Zolotoordynskoe obozrenie - Golden Horde Review*. 2015. 3. pp. 202-213 [in Russian].
49. Sabitov Zh.M., Kushkumbaev A.K. Ulusnaja sistema Zolotoj Ordy v XIII-XIV vekah: k voprosu o lokalizacii Ak Ordy i Kok Ordy [Ulus system of the Golden Horde in the XIII-XIV centuries: on the issue of localization of the Ak Horde and Kok Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie - Golden Horde Review*, 2013. 2, pp. 60-72 [in Russian].
50. Tapalov D., Sadykova A.M., Utkel'baeva G.M., Bekbaev O.E. Problemy lokalizacii srednevekovyh gorodov Juzhnogo Kazahstana [Problems of localization of medieval cities of Southern Kazakhstan]. *Vestnik nauki i obrazovanija – Bulletin of science and educatio*, 2018. 14-1 (50), pp. 22-23 [in Russian].
51. Temirgaliev R.D. Ak-Orda. Istorija Kazahskogo hanstva [Ak Orda. History of the Kazakh Khanate]. Almaty. 2019. 424 p. [in Russian].
52. Traktat o Sajrame. (Zh.M. Tulibaeva. Trans). Astana: Izdatel'stvo Nacional'nogo centra arheografii i istochnikovedeniija. 2007. 60 p. [in Russian].
53. Tulibaeva Zh.M. Metodika opisaniija sredneaziatskih rukopisej [Methodology for the description of Central Asian manuscripts]. Astana. 2008. 164 p. [in Russian].
54. Tulibaeva Zh.M. Persojazychnye istochniki po istorii kazahov i Kazahstana XIII-XIX vv. Astana: Evrazijskij nacional'nyj universitet im. L.N. Gumileva, 2006. 256 p. [in Russian].
55. Uvarov P.Ju. Social'naja istorija v tematicheskom vypuske zhurnala «Annaly» [Social history in the thematic issue of the Annals magazine]. *Srednie veka – Middle Ages*, 2015. 3-4. pp.459-473. [in Russian].

56. Uikhem K. Srednevekovaja Evropa; Ot padenija Rima do Reformacii [Medieval Europe; From the fall of Rome to the Reformation]. (Kris Uikhem. Trans). M.: Al'pina non-fikshn. 2019. 536 p. [in Russian].
57. Uskenbaj K.Z. Vostochnyj Dasht-i Kypchak v XIII – nachale XV veka. Problemy jetnopoliticheskoj istorii Ulusa Dzhuchi [Eastern Dasht-i Kipchak in the XIII - early XV century. Problems of Ethnopolitical History of Ulus Jochi] In. I.M. Mirgaleev (ed.).Kazan: Izd-vo «Fjen» AN RT. 2013. 288 p. [in Russian].
58. Utemish-hadzhi. Chingiz-name. Faksimile, perevod, transkripcija, tekstologicheskie primechanija, issledovanie V.P. Judina, Podgotovila k izdaniju Ju.G. Baranova, Kommentarii i ukazateli M.H. Abuseitovoj. Alma-Ata, 1992. 243 p. [in Russian].
59. Utibaev N.H. Srednevekovaja istorija Zapadnogo Kazahstana [Medieval History of Western Kazakhstan]. *Vestnik Prikaspija: arheologija, istorija, jetnologija - Bulletin of the Caspian region: archeology, history, ethnology*, 2016. 6. pp.174-179. [in Russian].
60. Hafizova K.Sh. Dialog civilizacij na Shelkovom puti (istoricheskie sjuzhety) [Dialogue of civilizations on the Silk Road (historical subjects)]. 2015. Astana: Gylym baspasy. 415 p. [in Russian].
61. Hafizova K.Sh. Kazahskaja strategija Cinskoj imperii [Kazakh strategy of the Qing Empire]. Almaty. 2007. [in Russian].
62. Hafizova K.Sh. Kitajskaja diplomatija v Central'noj Azii (XIV-XIX vv.) [Chinese diplomacy in Central Asia (XIV-XIX centuries)]. Almaty. 1995. [in Russian].
63. Hafizova K.Sh. Stepnye vlastiteli i ih diplomatija v XVIII–XIX vekah. Monografija. [Steppe rulers and their diplomacy in the XVIII–XIX centuries]. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK, 2019. 476 p. [in Russian].
64. Hjojzinga J. Osen' Srednevekov'ja [Autumn of the Middle Ages] Izd. 7-e, ispr. (D.V. Sil'vestrov. Trans., D.Je. Haritonovich. Komment.). SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2016. 768 p. [in Russian].
65. Hrestomatija po istorii mezhgosudarstvennyh otnoshenij i diplomatii v Central'noj Azii XIII-XV vv. [A reader on the history of interstate relations and diplomacy in Central Asia of the XIII-XV centuries]. Astana: Izdatel'stvo Nacional'nogo centra arheografii i istochnikovedenija 2008. 192 p. [in Russian].
66. Cinskaja imperija i kazahskie hanstva. Vtoraja polovina XVIII – pervaja tret' XIX v. [The Qing Empire and the Kazakh Khanates. The second half of the XVIII - the first third of the XIX century] / Sost. K.Sh. Hafizova, V.A. Moiseev. Vol.1., Alma-Ata. 1989. [in Russian].

Information about the author:

Marat Y. Shaikhutdinov, Doctor of Historical Sciences, professor, Scientific supervisor of the International Science complex Astana, Nur-Sultan, Kazakhstan

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЮРКСКОЙ ПАЛЕОИСТОРИИ: ПРАЯЗЫК, ПРАЭТНОС, ПРАРОДИНА. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Н. И. Егоров

Чебоксары, Чувашская Республика, Россия

Аннотация. Вынесенная на суд благонамеренного читателя публикация посвящена актуальным проблемам изучения истории прототюркского этнолингвокультурного универсума накануне его первичного распада, локализации исконной тюркской прародины в пространственно-временном континууме, выяснению причин распада прототюркской общности в середине I тысячелетия до н. э. на две филы – огузскую (пратюркскую) и огурскую (прабулгарскую), а также связанных с ними более частных вопросов. По мнению автора, прототюркский этнолингвокультурный универсум на рубеже II–I тысячелетий до н. э. представлял собой определённую совокупность тюркоязычных племен бродячих лесных охотников-собирателей. А сформировался он в юго-восточном секторе Циркумгобийской историко-культурной провинции в эпоху энеолита-палеометалла. С конца II тысячелетия до н. э. на территорию, занятую прототюркскими популяциями, перманентно докатываются с запада волны индоиранских и восточноиранских пасторальных племён. Симбиоз автохтонных прототюркских (ди китайских источников) и пришлых с северо-запада восточноиранских племён скифо-сакского круга (жунов китайских источников) к середине I тысячелетия до н. э. приводит к распаду прототюркской общности на лесных охотников (линху китайских источников) и степных кочевых скотоводов (дунху китайских источников). В статье приводится 7 блоков наиболее актуальных, с точки зрения автора, проблем, стоящих перед современной тюркской палеоисторией. Решение обозначенных узловых проблем тюркской предыстории возможно только путём интеграции релевантных социально-гуманитарных дисциплин и кооперации усилий наиболее подготовленных и компетентных специалистов в области изучения палеоистории прототюркского этнолингвокультурного универсума.

Ключевые слова: прототюркский этнолингвокультурный универсум, прародина, Циркумгобийская историко-культурная провинция, жуны и ди, жунди, дунху, праогузы и праогуры, огурский этнолингвокультурный горизонт в истории Евразии.

Введение. Происхождение народов, языков и этнических культур, проблематика их эволюции в доисторическую эпоху, вопросы их взаимоотношений с другими этнолингвокультурными сообществами, межэтнических взаимосвязей, взаимодействий, взаимовлияний и т. п. всегда находились в центре внимания социально-гуманитарных наук. Вопросы палеоистории, праэтноса, праязыка, прародины – это общетюркологические вопросы, ибо мы имеем дело с общими истоками, общим наследием, общей историей. Ещё в начале XX века в социально-гуманитарной сфере наук значительное внимание уделялось отдельным аспектам этнолингвокультурогенеза. Уже тогда довольно активно изучались вопросы происхождения и эволюции конкретных языков (лингвогенез) и языковых семей (глоттогенез), культур (археологи стали обращать внимание на культурогенез), антропологических типов (расогенез) и т. д. Но только в середине XX века возродился интерес к проблемам этногенеза как такового. Обращение к проблематике тюркской палеоистории – хороший повод к началу обсуждения наболевших проблем социально-гуманитарных наук, а конкретнее – с современных позиций обсудить наиболее актуальные вопросы тюркского праязыка, праэтноса, прародины. Одним из парадоксов современной исторической тюркологии и тюркской историографии является

не решённая до сих пор проблема определения и пространственно-временной локализации географического ареала и экологической ниши, в которой формировался прототюркский этнолингвокультурный континуум. В последние десятилетия в связи с появлением качественно новых источников, методик и технологий исследование палеоистории народов стало особенно актуальным. Представители различных социально-гуманитарных научных дисциплин пробиваются к изучению покрытых завесом времён сокровенных проблем этнолингвокультурогенеза с позиций этноархеологии, диахронической лингвистической компаративистики, этнологии, физической антропологии, геногеографии и т. д. При этом археологи пытаются установить происхождение этноса по остаткам материальной культуры, лингвисты-компаративисты – по генетической принадлежности материальных элементов языка и его историческим контактам, антропологи – по расовым особенностям краниологических останков, генетики – по мутации митохондриальной ДНК и Y-хромосомы и изменению генетических ландшафтов... Трудно найти (если это в принципе возможно) обязательное и полное совпадение всех составляющих компонентов этнолингвокультурного универсума. Вместе с тем, частичные совпадения линий развития языка, культуры и генофонда встречаются довольно часто. Специалистам, разрабатывающим сложнейшие проблемы этнолингвогенеза и палеоистории этнических сообществ, ещё предстоит выявить, при каких условиях это происходит, по каким признакам можно их установить и т. д.

Всестороннее изучение и освещение проблем палеоистории прототюркского этнолингвокультурного универсума в новом тысячелетии становится всё более интенсивным и многогранным. Об этом, в частности, свидетельствует появление множества новых гипотез, так или иначе затрагивающих проблематику тюркской палеоистории и предыстории, вопросов реконструкции прототюркского языка, воссоздания культурных контуров тюркского праэтноса, пространственно-временной локализации прототюркской прародины и т. д. Сегодня, на заре XXI века, очередной задачей изучения тюркской палеоистории является научная обработка, систематизация, критическое осмысление и анализ всей совокупности, накопленной за прошлые века репрезентативной эмпирической базы, сведение воедино данных, собранных специалистами самых различных отраслей социально-гуманитарной науки о тюрках, их предшественниках, а также о других исторически контактировавших с древними тюрками народах Средней Евразии и сопредельных территорий. Первостатейным историческим источником является язык, вернее, данные, полученные в результате всестороннего сравнительного историко-генетического изучения его материальных и структурных элементов, прежде всего, лексики. Этнокультурологический аспект диахронической лингвистической компаративистики даёт возможность гуманитариям выйти за пределы собственно лингвистической сферы и вплотную подойти к решению актуальных проблем палеоистории.

Изучение доисторических этнолингвокультурологических явлений и процессов должно проводиться в рамках таких фундаментальных для социально-гуманитарных наук понятий, как «этнос», «этничность», «этнолингвокультурная общность» «археологическая культура» «историко-культурная провинция (зона, область)», «культурно-историческая общность / область» и т. п. Однако при этом надо иметь в виду, что термины этнологии и термины археологии наполнены разнопорядковым предметно-понятийным содержанием. Если этапы культурной эволюции археологически выявляются более или менее успешно, то корреляции, связи и взаимоотношения «этнолингвокультурной общности» с «археологической культурой» или «культурно-исторической общностью» в их динамике в пространственно-временном континууме выявляются не всегда доказательно и корректно. Ещё сложнее выявить в понятиях «этнолингвокультурный универсум» и «археологическая культура» этноопределяющие элементы, меру и степень «этнического».

И чем глубже мы опускаемся вглубь времён, тем больше эта сложность усугубляется. Выход из этого затруднительного положения, по представлениям некоторых исследователей, находится в ретроспекции на археологическую культуру выработанных на материале актуальной этнографической современности основных теоретических постулатов и методологических установок этнологии. Однако прямой и безоговорочный перенос сложившихся в современной этнологии концепций этноса на прототюркскую древность вряд ли можно признать корректным. По моему глубокому убеждению, доисторический «этнос – это одно, а современный этнос – это совершенно другое. И когда речь заходит о палеоистории тюрков, мы имеем в виду прежде всего этнокультурные общности во многих отношениях ещё иллюзорной прототюркской эпохи, удаленные от нас как минимум тремя тысячелетиями. Индивиды прото- и пратюркских этнолингвокультурных общностей заведомо общались на родоплеменных идиомах разной степени близости. Естественно, исследователи при этом подразумевают, что прототюрки обладали некоторой единой культурой, в том числе и материальной. Но всё же прототюркский этнолингвокультурный континуум представлял собой далеко не то, что мы вкладываем в современное научное понятие «этнос».

Надо иметь в виду и то, что в тюркологии ещё не сложилась традиция чёткого разграничения *пратюркской* диахронической страты и *прототюркской*. В тюркском языкознании о необходимости разграничения разных диахронических уровней праязыка и выделения «периода, предшествующего тюркскому праязыку» впервые заявил Э.Р. Тенишев и отметил, что «этот период можно было бы назвать прототюркским» [5, с. 8]. Действительно, пратюркское и прототюркское состояния – это «две большие разницы». Нельзя рассматривать *прототюркскую* страту тюркского этнолингвокультурного континуума как простое углубление и расширение пратюркского, а *пратюркскую* – как *древнетюркскую*. На самом деле это три совершенно разных аспекта тюркской историософии, хотя между ними существуют не только важные точки соприкосновения, но и отношения генетической преемственности. Разграничение этих трёх разных хронотопов тюркской палеоистории и предыстории опирается на операциональные и социофункциональные критерии и в принципе должно объединять оба эти подхода. Согласно операциональному критерию, *праязык* – это «реконструкт, искусственное образование, базирующееся на обобщении генетически тождественных, хотя и частично различающихся по форме и / или значению элементов (морфем, фонем, лексем, синтаксем), реально существующих и / или существовавших языков потомков в единых (идентичных) формах-архетипах, принимаемых в качестве исходных для последующего развития» [4, с. 265]. В этой связи И.В. Кормушин подчёркивает, что «определение *протоязыка* (здесь и ниже выделено мною. – Н.Е.) опирается на операциональные критерии, но контрастивного свойства: *протоязык* – это то, что ещё не *праязык*, обрисованный реконструкциями, но и то, что уже обрело черты языковой определённости из размытого многообразия древнейших гиперсемей» [4, с. 266]. Это определение протоязыка с некоторыми необходимыми оговорками можно перенести и на протозтнос.

В современной тюркской историографии появилось множество разных взглядов на проблемы тюркской палеоистории. Нарастающий произвол в толковании исторических фактов, событий и процессов, допускающий выдвигание политизированных националистических версий этногенеза и этнической истории, свидетельствует о нездоровой этнополитической ситуации в некоторых регионах и национальной ангажированности отдельных исследователей. Это не может вызвать у профессиональных историков беспокойство и тревогу за судьбу дальнейших подлинно научных исследований тюркской палеоистории, ибо вирус национализма может поразить

следующие поколения исследователей ещё сильнее. Выдвижение политизированных этногенетических и этноисторических мифов, в свою очередь, может создать идеологическую основу для межэтнической конфронтации и политической нестабильности [подробнее об этом см.: 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13 и др.]. Поэтому исследователям этнолингвокультурной истории, особенно её ранних, дописьменных этапов, где ещё остаётся много простора для вольного манипулирования с фактами, необходимо обращать особое внимание на объективность и корректность результатов своего труда. Вместо того, чтобы стремиться «подмять под себя», растаскивать общее наследие прототюркского этнолингвокультурного универсума по современным национальным квартирам, куда конструктивней было бы всем тюркологам заниматься историческими проблемами сообща, изучать общее наследие вместе, объединив заинтересованных специалистов всех стран и народов. Очень хочется надеяться, что VIII Международный Тюркологический Конгресс «Тюркская цивилизация: от корней до современности» положит начало новому этапу кооперации специалистов самых разных отраслей тюркологии для изучения общих для всех тюркоязычных народов проблем палеоистории, праэтноса, праязыка, прародины.

В исследованиях проблем этнолингвокультурогенеза и этнической палеоистории прежде всего необходимо обеспечить интеграцию релевантных дисциплин, взаимопонимание и взаимодействие специалистов смежных отраслей социально-гуманитарных и естественных наук, синтез репрезентативного эмпирического материала археологии, социально-культурной антропологии, этнологии, диахронической лингвистической компаративистики, геногеографии, палеогеографии, палеобиологии и т. д. Все социально-гуманитарные науки в той или иной мере связаны друг с другом, они сотрудничают, обмениваются друг с другом эмпирическими данными и научными идеями. Комплексный этнолингвокультурологический подход к исследованию тюркской палеоистории заключается не только в объединении усилий разных наук, но и в признании самостоятельности и равноценности данных всех релевантных научных дисциплин в решении поставленных задач. Междисциплинарная кооперация, интеграция научно-теоретических и методологических разработок ряда релевантных смежных наук сулят огромные возможности для поднятия на новый уровень исследования сложнейших проблем происхождения и эволюции народов, языков и культур. Следовательно, изучение прототюркского универсума необходимо вести в рамках комплексной социально-гуманитарной дисциплины, которую можно обозначить как диахроническая этнолингвокультурная компаративистика.

Состояние прототюркского этнолингвокультурного универсума накануне его распада исследуется по четырём основным направлениям: 1) разработка хронологической шкалы (по совокупности археологических, палеолингвистических и исторических данных); 2) изучение особенностей культуры прототюрков (путём сопоставления данных археологии, реконструкции прототюркского лексического фонда и свидетельств китайских нарративных источников); 3) изучение этнолингвокультурных контактов прототюрков с индоиранскими, палеоазиатскими, сино-тибетскими, уральскими и др. универсумами (по методам диахронической лингвистической компаративистики); 4) выяснение причины и особенностей первичного распада прототюркской общности и т. п.

По моему убеждению, главный, стержневой вопрос всей социально-гуманитарной отрасли тюркологии в первую очередь должен свестись к проблеме воссоздания тюркской палеоистории – доисторического прошлого общих предков всех тюркоязычных народов. Перед современной тюркологией стоит задача всестороннего изучения этнолингвокультурной истории всего Тюркского Мира на всём доступном обозрении пространственно-временном континууме. Объективное решение этой задачи имеет не

только научную ценность, но и определённую практическую, идеологическую и политическую значимость.

Обсуждение. *Тюркская палеоистория: взгляд с высоты птичьего полёта.* Тюркская палеоистория базируется на комплексной реконструкции так называемого прототюркского архетипа – праязыка, праэтноса, прародины – и представляет собой многогранную междисциплинарную науку, основания которой опираются на краеугольные камни ряда смежных социально-гуманитарных дисциплин, таких как археология, диахроническая лингвистическая компаративистика, этнология, физическая антропология, палеогенетика, социальная культурология, палеобиология, палеогеография, палеоклиматология и т. д. В каждой из этих вполне самостоятельных дисциплин происходит стремительное накопление новых данных и, вместе с тем, разгораются собственные страстные дискуссии по частным узкоспециальным вопросам. Естественно, палеоистория должна развиваться по пути широкого охвата смежных тем, проблем, этносов, языков, археологических культур, культурно-исторических зон, провинций, областей, географических ареалов – для того, чтобы получить как можно больше репрезентативного эмпирического материала и досконально разобраться в хитросплетениях праязыка, праэтноса, прародины. Круг интересов тюркской палеоистории не может скромно замыкаться на исследовании и описании одного только тюркского этнолингвокультурного континуума, а должен распространяться на все исторически контактировавшие нетюркские народы Центральной Азии и Евразийского континента.

Новый виток всестороннего и глубокого изучения прототюркского пространственно-временного континуума (прародины) и ранних этапов этнолингвокультурной истории основных пратюркских сообществ требует внимательного критического пересмотра всего имеющегося источникового фонда и его значительного пополнения новыми, ранее не содействованными фактами. Это является залогом успешного изучения всей доступной репрезентативной эмпирической базы с использованием широкого спектра методических возможностей, которые предполагают широкий междисциплинарный подход, интеграцию смежных наук, синтез данных релевантных научных дисциплин и кооперацию усилий всех заинтересованных специалистов по самым разным отраслям социально-гуманитарных знаний. Каждая отрасль социально-гуманитарной науки развивается по своим особым законам и традициям, имеет свою эмпирическую базу и методологию анализа репрезентативного фактуального материала, располагает собственным арсеналом данных, научно-теоретических наработок и возможностей для новых палеоисторических этнолингвокультурных реконструкций. Поэтому исключительно актуальной проблемой тюркской гуманитаристики в настоящее время является кооперация всех релевантных и заинтересованных общественных и естественных наук для разработки научно-теоретических основ интеграции разных, подчас и противоречивых, источников, методов, технологий, теорий, способствующих объективному воссозданию тюркской палеоистории.

Представленная на суд научной общественности работа призвана оживить интерес тюркологов и, шире, ориенталистов к проблемам истории прототюркского этнолингвокультурного универсума. Она призвана вовлечь историков, археологов, социокультурных антропологов, этнологов, лингвистов-компаративистов, палеогенетиков и других специалистов в конструктивную научную дискуссию по актуальным вопросам тюркского праязыка, праэтноса, прародины, по сложнейшим вопросам исторического взаимодействия прототюркских этнолингвокультурных общностей с их социальным и природным окружением в рамках многотысячелетнего временного диапазона практически

на всём пространстве Срединной Евразии и сопредельных регионов. Наиболее актуальными и вместе с тем архисложными задачами тюркской палеоистории (предыстории, преистории, доистории) являются: научно обоснованная пространственно-временная локализация исходной тюркской прародины; выявление закономерностей взаимодействия дивергентных и конвергентных процессов в эволюции прототюркского этнолингвокультурного универсума; установление миграционных путей отдельных пратюркских (праогузских и праогурских) общностей; хронотопологическая локализация промежуточных прародин тюркских племён и племенных объединений до того момента, когда они попадают в те места, где их застаёт история.

Историческая прародина тюркских народов, или первоначальный очаг формирования прототюркского этнолингвокультурного континуума, в настоящее время практически всеми компетентными исследователями локализуется в Центральной (Внутренней, Срединной) Азии, конкретнее, правда, без достаточного обоснования эмпирической базой, размещается то в Ордосе, то в Саяно-Алтайском нагорье, то в южном секторе обширного Циркумбайкальского региона. В современной тюркской историографии прочно утвердилось априорное представление о том, что «золотой колыбелью Тюркского Мира» является Алтай. В тюркологии принято считать, что именно с Алтая первые тюрки пришли в Монголию и в бассейне реки Орхон основали Первый Тюркский каганат, и там же оставили «на вечном камне» свои рукописные памятники VIII–IX веков. Увы, это далеко не так. Тюркологам сначала следует основательно разобраться, действительно ли Алтай является прародиной тюрков (вернее, той этнолингвокультурной общности, которую суйские (581–619 гг.) и танские (618–907 гг.) хронисты репрезентировали этнонимическим термином *туцзюэ*). Если «да», то какой Алтай имели в виду китайские историки под географическим термином *Цзиньшань* – «Золотые горы»: Горный (Российский), Монгольский или Гобийский? Ответ на этот основной вопрос будет найден только тогда, когда специалистам удастся точно определить местоположение «Золотых гор» китайских источников. Увы, их там наберётся больше двух десятков. А это значит, что перед исследователями открывается широкий простор для критического анализа источников [подробнее об этом см.: 2, с. 43-80].

Поэтому нет ничего неожиданного в том, что на страницах научных, паранаучных и псевдонаучных публикаций существуют различные точки зрения на проблему пространственно-временной локализации прародины прототюрков, которые основываются на данных диахронической лингвистической компаративистики, археологии, физической и социально-культурной антропологии, а также на свидетельствах древних китайских нарративных источников. На сегодняшний день известно более десяти основных концептов хронотопологической локализации прототюркского этнолингвокультурного универсума [подробнее о существующих версиях локализации прародины тюрков см.: 3, с. 58-61; 1]. В методологическом плане такой разброс мнений свидетельствует об отсутствии общепринятой «царицы доказательств». По существу, в хронотопе прародины сливаются все «ландшафты»: и географический, и лингвистический, и археологический, и этнокультурный, и антропологический, и генетический (генеогеографический). Проблема тюркской прародины обсуждается в социально-гуманитарной науке без малого полтора столетия. Лингвисты-компаративисты, этнологи, археологи, антропологи предлагают разные концепции и гипотезы, но пока в основном каждый остаётся при своём мнении и тянет лоскутное одеяло на себя. Чтобы найти новый путь решения проблемы, нужно уйти со старой дороги.

Тюркологам, разрабатывающим проблемы палеоистории, ещё предстоит собрать, сконцентрировать в одном месте, синтезировать, сравнивать, анализировать, картографировать и оценивать «ландшафты» самых разных отраслей знания, а это требует интеграции целого ряда социально-гуманитарных и естественных наук. Перед

тюркологией стоит чрезвычайно трудная задача – нужно освоить эмпирию, методику и принципы комплексного междисциплинарного анализа репрезентативного эмпирического материала самых разных научных дисциплин и самой разной природы – общественных, с одной стороны, естественных и точных – с другой.

Исторический подход к изучению этносоциальных и этнополитических проблем был и остаётся одним из основных и наиболее конструктивных в социально-гуманитарной сфере наук. Проблемы праязыка, праэтнуса, прародины и древнейших межэтнических, интерлингвистических и кросскультурных исторических контактов вот уже многие десятилетия будоражат умы тюркологов-компаративистов, но всё ещё далеки от решения, которое бы примирило большую часть специалистов по социально-гуманитарным отраслям тюркологии. В истории исследований проблем происхождения и предыстории прототюркского этнолингвокультурного континуума, насчитывающей без малого полтора столетия, никогда не было согласия между исследователями в вопросе пространственно-временной локализации прародины. К сожалению, нет его и сейчас. Однако в недрах вялотекущей и, пожалуй, одной из самых продолжительных в истории тюркологии дискуссий по проблеме хронотопологизации прародины прототюркского этнолингвокультурного универсума, в арсенале науки постепенно накапливались новые факты, системы аргументации, усовершенствовалась методика палеоисторических исследований, отдельные сопутствующие аспекты исследования переходили в самостоятельные направления. По мере накопления новых данных сложившаяся система аргументации хронотопологической локализации тюркской прародины естественным образом будет расширяться и корректироваться. К сожалению, на современном уровне развития тюркской историософии этногенетические, ареально-географические и социально-культурные характеристики прототюркского этнолингвокультурного универсума (праэтнуса) обнаруживаются с трудом, далеко не все и всегда. Тем не менее, в арсенале современной тюркской историографии имеются достаточно объективные разработки отдельных вопросов палеоистории, хотя их пока крайне мало. Накопленные сравнительно-историческим языкознанием, археологией, геногеографией и некоторыми другими дисциплинами наработки не всегда удовлетворяют современному уровню гуманитаристики и требуют серьёзного критического отбора, чтобы на их основе можно было разработать какие-то серьёзные глобальные выводы. Надуманные за последние десятилетия дилетантами всевозможные хитросплетения интуитивно-умозрительных гипотез намертво опутали тюркскую историософию. Разрубить эти путы непросто, на расчистку квазиисторических дебрей понадобится уйма времени и не одно поколение высокообразованных специалистов по всем отраслям тюркологии. Предпринимаемые некоторыми ретивыми исследователями поиски предков прототюрков в глубине веков и тысячелетий, в эпохах палеолита, мезолита и неолита – исключительно декларативны и в настоящее время находятся за пределами научного знания. Сложившаяся в социально-гуманитарной сфере тюркологии привычная схема предыстории тюркских народов является сооружением ветхим, требующим либо капитального ремонта, либо полного сноса и замены зданием, построенным по совершенно новому проекту.

Проблема происхождения прототюрков и вопросы палеоистории тюркского этнолингвокультурного континуума, тюркской атрибуции тех или иных археологических культур Центральной Азии, тюркской самоидентификации социумов и тюркской этничности постоянно находятся в центре внимания заинтересованной публики. Они вызывают острый общественный интерес и дискуссии не только в научных и социально-политических кругах общества, но и широко обсуждаются в социальных сетях Интернета. На современном уровне развития тюркской лингвокомпаративистики, этноархеологии и этнологической палеоистории наметились пока только общие контуры прототюркского

этнолингвокультурного универсума – праязыка, праэтноса и прародины. К сожалению, многие из существующих палеоисторических и этноархеологических построений пока ещё настолько призрачны, что строить на них какие-либо серьёзные гипотезы чревато: стоит только ошибиться хоть раз (а это неизбежно на все сто процентов) – и вся цепь логических построений может развернуться в обратном направлении. И все последующие самые правильные доказательства будут уводить всё дальше и дальше от реальных фактов и событий далёкого прошлого... Но всё же историческая тюркология продвигается вперёд, и многие аспекты тюркской палеоистории проясняются всё рельефнее. Однако и в наше время, несмотря на значительный прогресс археологических и этноисторических исследований, ощущается, с одной стороны, острый дефицит научных разработок по узловым проблемам теории и методологии тюркской палеоистории, с другой – их несовершенство и ущербность: не преодолена неравномерность в аналитических исследованиях различных аспектов этнолингвокультурогенеза прототюрков; отсутствуют единые теоретические критерии и методологические установки для синтеза данных археологии, диахронической лингвистической компаративистики, антропологии и т. д.

Выводы. Основная задача тюркской палеоистории в ближайшей перспективе, надеюсь, будет заключаться в дальнейшем изучении проблематики тюркского праязыка, праэтноса и прародины уже в деталях, отталкиваясь от пунктирно начертанного здесь теоретического плацдарма. Разумеется, он потребует серьёзных уточнений, углублений и расширений в процессе дальнейшего накопления новых репрезентативных данных, разработки новых методик, а также кооперации усилий специалистов всех релевантных для палеоисторических исследований научных дисциплин. Уже само многообразие аспектов и ракурсов изучения прототюркского этнолингвокультурного универсума, предполагает необходимость междисциплинарного подхода к разработке проблем палеоистории тюрков. На современном этапе развития палеоисторических исследований ни у кого из профессиональных специалистов не вызывает сомнений необходимость интеграции имеющихся в арсенале самых разных социально-гуманитарных наук разработок.

Проблематика тюркской палеоистории исключительно широка и многогранна, поэтому изучить все её аспекты силами только одной какой-либо науки невозможно. Следовательно, фундаментальные исследования в области тюркской палеоистории следует развивать на основе интеграции многих так или иначе сопричастных к проблематике доисторического прошлого Срединной Евразии смежных социально-гуманитарных научных дисциплин – этноархеологии, палеоантропологии, диахронической лингвистической компаративистики, популяционной генетики и геногеографии, палеогеографии, палеобиологии и т. д. Всё это, в свою очередь, требует привлечения к реализации данного проекта специалистов самых разных наук – лингвистов-компаративистов, историков, археологов, социально-культурных антропологов, этнологов, культурологов и т. д. Но, к большому сожалению, среди тюркологов пока нет квалифицированных специалистов, способных синтезировать чрезвычайно разнообразный и разрозненный эмпирический материал целого ряда социально-гуманитарных, естественных и прочих релевантных наук для объективного решения насущных проблем этнолингвокультурогенеза и этнической палеоистории.

ACTUAL PROBLEMS OF TURKIC PALEOHISTORY: PROTO-LANGUAGE, PROTO-ETHNOS, AND ANCESTRAL HOMELAND. PART ONE

N. I. Egorov

Cheboksary, Chuvash Republic, Russia

Abstract. Publication submitted to a well-meaning reader, is devoted to the relevant problems of studying the history of proto-ethnolinguocultural universe on the eve of its primary decomposition, localization of Turkic ancestral homeland in the space-time continuum, to ascertain the causes of the collapse of the proto-community in the middle of I Millennium BC on two FILA – Oguz (prototurkish) and Agursky (probusgasse), as well as its related more specific questions. According to the author, the proto-Turkic ethnic, linguistic and cultural universe at the turn of the II-I millennia BC. represented a certain set of Turkic-speaking tribes of wandering forest hunter-gatherers. And it was established in the South-Eastern sector Circumgenital historical and cultural province in the Eneolithic-paleometal. Since the end of the second Millennium BC, waves of Indo-Iranian and East-Iranian pastoral tribes have been permanently moving to the territory occupied by proto-Turkic populations from the West. The symbiosis of autochthonous proto-Turkic (di Chinese sources) and East Iranian tribes from the North-West of the Scytho-Saka circle (juns of Chinese sources) by the middle of the first Millennium BC. it leads to the disintegration of the proto-Turkic community into forest hunters (linhu of Chinese sources) and steppe nomadic pastoralists (dunhu of Chinese sources). The article presents 7 blocks of the most relevant, from the author's point of view, problems facing modern Turkic paleohistory. The solution of the identified nodal problems of the Turkic prehistory is possible only by integrating relevant social and humanitarian disciplines and cooperating the efforts of the most trained and competent specialists in the field of studying the paleohistory of the proto-Turkic ethno-linguistic and cultural universe.

Keywords: proto-ethnolinguocultural universe, the ancestral home, Circumambieny historical and cultural province, junas and di, gundi, Donghu, proto-oghuz and proto-oghurs, ogur ethnic, linguistic and cultural horizon in the history of Eurasia.

REFERENCES

1. Gumbatov G.N. Istoricheskaya prarodina tyurkov: Ot Arana do Altaya [The historical ancestral home of the Turks: From Aran to Altai]. Baku: Elm i takhsil. 2012. 447 p. [in Russian].
2. Egorov N.I. Mifologicheskaya osnova drevnetyurkskix genealogicheskix predanij [The mythological basis of the ancient Turkic genealogical traditions] Proceedings from “The legacy of Serikbol Kondybay: new views on the development of world mythology”: *Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii (K 50-letiyu uchyonogo-mifologa Serikbola Kondy`baya) (6–8 iyunya 2018 g.)* Karaganda: «Ekozhan». 2018. pp 43–80 [in Russian].
3. Zakiev M.Z. Istoriya tatarskogo naroda: (E`tnicheskie korni, formirovanie i razvitie) [History of the Tatar people: (Ethnic roots, formation and development)]. M.: INSAN. 2008. 560 p. [in Russian].
4. Kormushin I.V. K rekonstrukcii grammaticheskix kategorij glagola [On the reconstruction of the grammatical categories of the verb] *Comparative-historical grammar of Turkic languages: Praturk-based language. A picture of the world of the Praturk ethnic group according to the language*. M.: Nauka, 2006/ pp. 240-268 [in Russian].
5. Sravnitel`no-istoricheskaya grammatika tyurkskix yazy`kov: Fonetika. M.: Nauka. 1984/ 284 p.; Sintaksis. M.: Nauka. 1986. 284 p.; Morfologiya. M.: Nauka. 1988. 560 p. Leksika. M.: Nauka. 1997. 800 p.; Leksika. M.: Nauka. 2001.822 p.; Regionalnye rekonstrukcii. M.: Nauka. 2002. 767 p; Praturkskij yazyk-osnova. Kartina mira praturkskogo e`tnosa. M.: Nauka. 2006. 908 p [in Russian].

-
6. Shnirelman V.A. Mezhdisciplinarnyj podxod i e`tnogenez [Interdisciplinary approach and ethnogenesis] *The phenomenon of interdisciplinarity in domestic ethnology*. M.: IE`A RAN. 2016. pp.258-284 [in Russian].
  7. Shnirelman V.A. Arijcy ili tyurki? Bor`ba za predkov v Central`noj Azii [Aryans or Turks? The struggle for ancestors in Central Asia]. *Political conceptology*. M., 2009. Vol.4, pp.192-212. [in Russian].
  8. Shnirelman V.A. Arxeologicheskaya kul`tura i social`naya real`nost` (problema interpretacii keramicheskix arealov) [Archaeological culture and social reality (the problem of interpreting ceramic areas)]. Ekaterinburg: UrO RAN. 1993. 40 p. [in Russian].
  9. Shnirelman V.A. Arxeologiya i e`tnografiya: problemy` korrelyacii [Archeology and Ethnography: Problems of Correlation] *Moya izbrannicza nauka, nauka, bez kotoroj mne ne zhit` - My chosen one is science, a science without which I cannot live*. Barnaul. 1995. pp.141-152. [in Russian].
  10. Shnirelman V.A. By`t` alanami: Intellektualy` i politika na Severnom Kavkaze v XX veke [Being Alans: Intellectuals and Politics in the North Caucasus in the 20th Century]. M.: NLO. 2006. 696 p.[in Russian].
  11. Shnirelman V.A. (2012). Xazarskij mif: Ideologiya politicheskogo radikalizma v Rossii i ego istoki [Khazar myth: The ideology of political radicalism in Russia and its origins]. M.; Ierusalim: Mosty kultury; Gescharim. 2012. 312 p. [in Russian].
  12. Shnirelman V.A. (2000) Cennost proshlogo: etnocentricheskie istoricheskie mify, identichnost i etnopolitika [The value of the past: ethnocentric historical myths, identity and ethnopolitics] *Real`nost` e`tnicheskix mifov - The reality of ethnic myths*. M.: Gendalf. 2000. pp. 12-34 [in Russian].
  13. Shnirelman V.A. (2003) Vojny pamyati: mify`, identichnost` i politika v Zakavkaz`e [Memory wars: myths, identity and politics in the Caucasus]. M.: Akademkniga. 2003. 592 p. [in Russian].

Information about the authors:

Nikolay I. Egorov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Cheboksary, Chuvash Republic, Russia, E-mail: emigulay@mail.ru

NOTES ON THE CAPTURE OF WILLIAM BUCHIER BY THE MONGOLS in HUNGARY

Aleksandar Uzelac
Belgrade, Serbia

Abstract. In 1254, during his stay at Karakorum, Franciscan traveler William of Rubruck met Parisian born mastersmith William Buchier. Rubruck recorded that Buchier was captured in Hungary, during the Mongol invasion, by a half-brother of the Great khan *Möngke* (1251–1259), in a city called ‘Belegrave’. So far, the identification of the Mongol commander who had captured William Buchier largely remained out of the interest of the researchers. The city where he had been taken captive was frequently, and erroneously, identified as Belgrade, capital of modern Serbia. This article is dedicated to the subject “who was the half-brother of Möngke that captured William Buchier, and where and when it happened”. On the basis of the Rubruck’s report and other western and oriental sources related to the Mongol military campaign in central Europe, it is concluded that Buchier was captured by prince Böček in Alba Iulia (*Gyulafehérvár, Bălgrad*), modern Romania, in the early spring of 1241.

Keywords: William Buchier, William of Rubruck, Böček, Mongol invasion of Hungary, 1241, Belgrade, Alba Iulia, *Székesfehérvár*, Mongol captives

Introduction. In his itinerary to the court of Great Khan Möngke (1251–1259), Franciscan traveler William of Rubruck described how he encountered in Karakorum a small colony of Mongol captives from Hungary. The most prominent among them was a Parisian born mastersmith William Buchier (‘Willelmus nomine, oriundus Parisius; cognomen eius est Buchier’). According to Rubruck, Buchier was captured during the Mongol invasion, “by one of the khan’s brothers on the father’s side, in a city called Belegrave, in Hungary, where there was a Norman bishop from Belevile, near Rouen, along with a nephew of the bishop, whom I saw there in Karakorum” [15, p. 234; 41, p. 223–224; 44, p. 287]. Afterwards, Buchier distinguished himself in the court of Möngke and he made a marvelous tree-shape fountain of alcoholic beverages for the khan.

Destiny of William Buchier and the fate of other Mongol captives from central Europe, which Rubruck recorded, are important for historians due to numerous reasons. It offers vivid insight into the presence of newcomers from Western Europe in the urban centers of medieval Hungarian kingdom and reveals the Mongol treatment of their captives during and after the Western campaign. Therefore, it is not surprising that Buchier, and his fountain in Karakorum, became an object of several studies [16, p. 143–146; 27; 33, p. 123–128; 39].

Equally intriguing information, about master William’s place of residence in Hungary was not left aside. The name ‘Belegrave’ was correctly emended as ‘Belgrade’, and since the pioneer work on Mongol History by baron Abraham Constantine Mouradzea d’Ohsson [9, p. 305], commentators and translators of the Rubruck’s report identified it with the namesake city at the confluence of the Sava and Danube rivers, the modern capital of Serbia [15, p. 468; 40, p. 223; 41, p. 224; 44, p. 287]. Recently, the information about the capture of master William was also acknowledged in Serbian historiography as an important information related to the history of Belgrade in the thirteenth century [30].

However, the identification of Rubruck’s ‘Belegrave’ with Belgrade in Serbia is faced with many difficulties. Some scholars, among them prominent French orientalist Paul Pelliot, expressed doubts in such identification [28, p. 199]. Moreover, Romanian historian Aurelian Sacerdoteanu suggested that Buchier was actually captured in Alba Iulia, Transylvania [34, p.

277–279], and such identification is also sometimes present in the works of Hungarian or Romanian historians [38, p. 318–319; 39, p. 79].

On the following pages, our intention is to return to this issue once more. Besides the master William's residence in Hungary, the attention will be focused to the identification of his captor. The latter issue, inseparably tied with the former, is less complicated. Nonetheless, with an exception of a short remark made by English orientalist John Andrew Boyle [1, p. 269; 4, p. 147], it was left on the margins of researches. Therefore, we will first discuss who was the unnamed "khan's brother on the father's side" who captured William Buchier in Hungary.

Discussion. William of Rubruck did not record the name of the Mongol commander who captured Buchier, but the information he provided is sufficient to identify him. Rubruck stated that "Möngke has eight brothers, three by the same mother and five on the father's side only" [15, p. 233; 41, p. 223–224; 44, p. 287]. This statement is in accordance with Chingisid genealogies recorded in oriental sources. It is known that Tolui, the youngest son of Chingis Khan, and his chief wife Sorkaktani Beki had besides, Möngke, three more sons who gained a fame in the Mongol history: Kubilai, Hülegü and Arik Böke. Persian historian Ata-Malik Juvayni (1226–1283) mentions that Tolui had four more descendants: Möge, Böček, Sögetü and Sübedei [1, p. 571], while his compatriot and contemporary Rashīd al-Dīn (1247–1318) adds another two: Jorike, and Kutuktu, stating that the former died young without descendants [31, p. 104–107]. All of them, except Jorike, are also enumerated as Tolui's sons in Yuán Shǐ, official history of the Mongol dynasty in China [18, p. 88–89]. Therefore, it is certain that five half-brothers of Möngke that Rubruck had in mind were Möge, Böček, Sögetü, Sübedei and Kutuktu.

According to Rashīd al-Dīn, just one of them took part in the Mongol campaign in the West (1236–1242). It was Böček [31, p. 37]. His participation in the campaign is confirmed by John of Plano-Carpini and his companion monk C. de Bridia [20, p. 18; 44, p. 69], but also by a number of Slavic and oriental sources. As sources do not mention any other brother or half-brother of Möngke in these events, it is certain that the Mongol prince, who captured William Buchier, was indeed Böček.

Böček's activities in the Western campaign also deserve a mention here. According to Juvayni, Böček assisted his brother Möngke in the subjugation of Cumans on the middle Volga in 1237. Allegedly, he was the one who personally slew Cuman leader Bachman, per Möngke's orders [1, p. 553–554]. Two years later, together with princes Shibān and Būri, Böček led a Mongol army to the Crimean Peninsula [31, p. 39]. In 1240, according to Hypatian Chronicle and Rashīd al-Dīn, he took part in the siege and conquest of Kiev [29, p. 785; 31, p. 45]. His achievements in the campaigns against Rus' are also mentioned in the Secret History of the Mongols [42, p. 208].

In late winter / early spring of 1241, when the Mongol invasion of Hungary commenced, Böček was placed at the command of the left wing of the army. According to Rashīd al-Dīn, he passed through the land of Qaraulaq/Wallachia and clashed with local populations of Ulaq/Vlachs [7; 31, p. 45; 35, p. 431]. From there, he penetrated the Carpathian Mountains and entered Transylvania. Besides Rashīd al-Dīn, the passage of his detachment is confirmed by a letter of the Hungarian king Bela IV (1235–1270), sent to pope Innocent IV (1243–1254) in 1247. In the letter, Bela IV stated that one Mongol army penetrated into Hungary at the place where he later settled Knights Hospitaller. Their settlement took place in the Land of Severin, in the "vicinity of Cumans and Bulgarians" on the opposite bank of Danube, according to the king's words [43, p. 208–211, 231]. Therefore, it can be concluded that Böček made his way to Transylvania through one of southwest Carpathian passes (either Vulcan or Mehadia), before he joined his forces with the main Mongol army in eastern parts of the Hungarian kingdom.

The short overview of Böček's movements in early 1241 casts doubts to the identification of Belegrave/Belgrade with the modern Serbian capital. Namely, Böček's

activities were limited to Wallachian plains and South Transylvania, far from Belgrade. Besides, neither written sources, nor archaeological findings, indicate that the Mongols crossed the Danube during 1241, and there is nothing to suggest that their operations in 1242 were carried further south than northern parts of the region of Sarmia (modern Srem) [19, p. 91–100]. Belgrade was out of the reach of Böček's detachment and all other Mongol armies in Hungary.

Second indication that Master William could not have been captured in Belgrade lies in the local political conditions, to which we also have to turn our attention. At the beginning of the thirteenth century, regions of Belgrade and Branicevo, on the right bank of the Danube, were the cause of discord between the two regional powers – Hungarian kingdom and Bulgarian empire. However, since the beginning of the reign of Ivan Asen II (1218–1241) they were under the Bulgarian control. In 1230, the Bulgarian ruler issued his privilege to the traders from Dubrovnik, allowing them to freely conduct their operations in all his lands, including Belgrade and Branicevo [6, p. 30; 21, p. 58–59]. The Hungarian crown did not abandon its claims on the two border regions and two years later, it tried to reconquer the contested territories. The Hungarian attempts are reflected in a letter, written by Pope Gregory IX to bishop of Csanád in Hungary on March 21, 1232, when the pope requested that two Bulgarian Orthodox bishops of Alba (Belgrade) and Brandusium (Branicevo), who previously rejected the union with the Roman catholic church, should return to its arms [43, p. 103–104].

The Papal letter is frequently interpreted as an evidence of the establishment of Hungarian rule in Belgrade and Branicevo, but such interpretation is doubtful. The two orthodox bishops would be hardly able to resist the request for union if their seats were indeed occupied by Hungary. Even if Hungarian attempts to conquer territories south of the Danube were fruitful at that time, the changes were only of a temporary character [8, p. 134; 17, p. 146–148]. Namely, no other source indicates that Belgrade was a Hungarian city on the eve of the Mongol invasion. Quite the contrary, report of the eyewitness of these important events, Roger of Várada (today Oradea, Romania), suggests that the lands on the right bank of Danube remained in Bulgarian hands at the time of the Mongol invasion.

According to Roger's words, the Cumans, who were previously settled in Hungary, rose to arms in the early spring of 1241, after their leader Cuthen was murdered in Pest. They wrought havoc in the south parts of the country, descended to the region of Marchia, or western Sarmia and from there, according to his words, entered "Bulgaria" [19, p. 88–91; 32, p. 176–177; 45, p. 65]. Thus, from Roger's perspective, the rivers of Sava and Danube remained a border between Hungary and Bulgaria in 1241. The similar conclusion may be drawn from the contents of the above-mentioned letter of Bela IV from 1247, according to which, the right bank of Danube, opposite to Hungarian land of Severin belonged to Bulgaria. Evidently before the death of Ivan Asen II, and at the time of the Mongol invasion, Belgrade was not a Hungarian, but a Bulgarian city.

Finally, there is another convincing argument in favor of rejection of Belgrade as the residence of Master William. According to Rubruck, the city where he was captured was the episcopal seat of Roman Catholic church. In Belgrade, there was no Roman catholic bishop neither in 1232, when Gregory IX sent his instructions to the bishop of Csanád, nor immediately after the Mongol invasion. It was only in 1290, long time after the region fell out from Bulgarian rule that the Papal curia took decisive steps to establish a Roman catholic seat in Belgrade [11, p. 355; 25, p. 7–8; 43, p. 366].

Previous remarks related to Böček's activities, political situation and ecclesiastical conditions on the right bank of the Danube at the time of the Mongol invasion show that identification of Rubruck's 'Belegrave' with Belgrade in Serbia should be rejected. In order to find out where Master William was captured, we need to explore the other possibilities. Fortunately, there are only two other possible candidates for Rubruck's 'Belegrave' in the

medieval Kingdom of Hungary that can be taken into account: Alba Iulia in Transylvania, as proposed by Sacerdoteanu, and Székesfehérvár, southwest of Budapest. Namely, both cities are attested in the medieval sources under the Slavic name ‘Belgrade’, and both were attacked by the Mongols during their campaign in central Europe.

Székesfehérvár (literally “white castle with the seat”), founded by Hungarian grand prince Geza in late tenth century, was one of the most important urban centers of medieval Hungary. Alba Iulia, whose Hungarian name Gyulafehérvár (lit. “Gyula’s white castle”) was related to another Hungarian leader from the mid-tenth century, was chief political and ecclesiastical seat in the eastern parts of the Kingdom. Alba Iulia was probably attested under the Slavic form of its name for the first time in 1071, when “Frank, bishop of Belgrade” (‘Francone Bellagradensi pontifice’) is recorded [5, p. 587]. In the beginning of the twelfth century, sources mention certain ‘Vincurius comes Bellegratae’ in Hungary [14, p. 103], whose possession, according to prevalent opinion, should also be equated with Alba Iulia. Nonetheless, it is possible that the domain of Vincurius was Székesfehérvár.

For the travelers and chroniclers of the early Crusades, the name ‘Belgrade’ was frequently pertaining to Székesfehérvár. The city is recorded as ‘Belegrave’ by chronicler Albert of Aachen, with respect to the passage of the Crusaders through Hungary in 1096 [2, p. 46–47]. Moreover, Odo of Deuil, who followed the French King Louis VII in the Second Crusade half a century later, stated that the city at the confluence of the Sava and Danube rivers is named “Bulgarian Belgrade”, in order to distinguish it from the namesake city in Hungary (‘castrum attollit quod Bellagrava dicitur Bogarensis respectu cuiusdam quae in Hungaria est eiusdem nominis civitatis’) [24, p. 170–171; 26, p. 62]. In 1154, Arabic geographer from Sicily al-Idrisi also mentioned Székesfehérvár under its Slavic name B.l.g.rat.h [10, p. 58; 24, p. 171]. In his treatise, Alba Iulia is recorded as Wal.b.h [10, p. 62], which is probably nothing else than a corrupted form of its German name – Weißenburg. Székesfehérvár is once more recorded as ‘castrum Belegrade’ in an ecclesiastical document from 1192 [12, p. 282]. These examples illustrate that the Slavic name has been used for both cities before the Mongol invasion, but more frequently for Székesfehérvár. Alba Iulia is again recorded as ‘Belgrad’ in the sixteenth century [23, p. 36; 36, p. 29], and judging from the frequency of the name occurrence, Székesfehérvár may seem as more likely candidate of Master William’s residence.

However, such conclusion would be premature. Although both cities were attacked by the Mongols, they did not share the same destiny. During the Mongol invasion, Alba Iulia was destroyed and raised to the ground. As an eyewitness, Roger of Várad left a vivid description of its state after the Mongol withdrawal: “there we found nothing save the bones and skulls of the dead, the destroyed and broken walls of basilicas and palaces, soiled by the blood of an enormous numbers of Christians. The earth did not show the blood of the innocent, for it had absorbed it inebriated, but the stones were still cloaked with crimson blood...” [32, p. 224–225].

Székesfehérvár faced the Mongol attack in early 1242. Another contemporary chronicler, Thomas of Spalato (Split), recorded that the leader of the attack was Kadan, son of Great Khan Ögedei (1229–1241). According to his description, after the fall of Esztergom, Kadan marched straight to Székesfehérvár and “immediately on arrival, burnt down all the dwellings outside the walls. He then laid siege to the city, and for several days did his best to attack and storm it. But the site was surrounded by marshes and quite well protected, and there was a very effective garrison of Latins, who had built engines of war to defend it. So, the unholy leader was forced to retire in frustration” [3, p. 288–291].

Unlike Alba Iulia, Székesfehérvár resisted the Mongol onslaught. Besides, the latter city was not attacked by Böček, but by Kadan. In addition, similarly to Belgrade, Székesfehérvár was also not an episcopal seat of the Roman Catholic Church. Despite its political significance, during the Middle Ages, it was subjected to the bishopric of Veszprem [37, p. 209]. All three

arguments are quite convincing in favour of rejection of Székesfehérvár as a place where master William was captured by prince Böček, together with a nephew of the local bishop.

On the other hand, Alba Iulia perfectly fits into all previously discussed details. The city was evidently known as “Belgrade” in the Middle Ages, it was the episcopal seat of Transylvania, it was conquered by the Mongols and finally, its location suggests that it lied along the way of Böček’s detachment after it crossed the Carpathians from Wallachia. The evidence at our disposal is sufficient to conclude, without any doubt, that ‘Belegrave’, the city where William Buchier fell in the Mongol hands, was Alba Iulia.

It needs to be added that, at the time of the Mongol invasion, the bishop of Alba Iulia and diocese of Transylvania was certain Raynald. He was posted at the office before 1222 [13, p. 374; 22, p. 346–347]. He was among those perished in the battle of Muhi, on April 11, 1241, when the Mongol forces utterly crushed the army of Bela IV [32, p. 186–187]. Obviously, Raynald was none other than “Norman bishop from Belevile, near Rouen”, recorded in the itinerary of William of Rubruck.

Conclusion. Despite the extent of destruction Alba Iulia suffered, not all of its residents perished in the Mongol onslaught. Besides Master William, the nephew of bishop Raynald was also captured by Böček. Probably, other captives from Hungary that formed the small western colony in Karakorum at the time of Rubruck’s travels, were also taken in Alba Iulia, or in other neighboring Transylvanian towns.

More than a decade later, Rubruck met William Buchier in Karakorum, and heard from him about his capture and the subsequent fate. Thus, it is known that Böček, “gave Master William to Möngke’s mother (Sorkaktani), since she strongly insisted on having him; and after her death Master William devolved upon Ariq Böke together with everything else that belonged to his mother’s residence. And by him he was brought to the notice of Möngke, who after the completion of the work bestowed on the master smith one hundred iascot (ingots of silver), namely a thousand marks” [15, p. 234; 41, p. 224; 44. p. 287–288].

In such a way, William Buchier, experienced French mastersmith, captured in the spring of 1241 in Transylvanian city of Alba Iulia by Böček, brother of the future great khan Möngke, made a fortune in the capital of the Mongol empire.

ПРИМЕЧАНИЯ О ПЛЕНЕНИИ ГИЙОМА БУШЕ МОНГОЛАМИ В ВЕНГРИИ

Александар Узелац

PhD, Старший научный сотрудник, Институт истории, Белград, Сербия

e-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

Аннотация: В 1254 г., во время своего пребывания в Каракоруме, францисканский путешественник Гийом Рубрук встретил Гийома Буше, французского мастера который родился в Париже. Согласно Рубруку, Буше был захвачен в Венгрии во время монгольского нашествия сводным братом великого хана Мунке (1251–1259) в городе «Белеграве». До сих пор, идентификация монгольского полководца, который захватил мастера Гийома, в значительной степени оставалась вне внимания исследователей. С другой стороны, город, в котором он был захвачен, часто ошибочно идентифицируется как Белград, современная столица Сербии. Данная статья посвящена следующим вопросам: кто был сводным братом Мунке, который захватил мастера Гийома, и где и когда это произошло. На основании сведений Рубрука и других западных и восточных источников, связанных с монгольской военной кампанией в центральной Европе, в статье

сделан вывод, что Буше был захвачен принцем Бучеком в городе Альба-Юлия (Дьюлафехервар, Белград), современная Румыния, ранней весной 1241 г.

Ключевые слова: Гийом Буше, Гийом Рубрук, Бучек, Монгольское вторжение в Венгрию, 1241 г, Белград, Алба-Юлия, Секешфехервар, монгольские пленники

REFERENCES

1. ‘Ala-ad-Din ‘Ata-Malik Juvaini. *Genghis Khan – The History of the World Conqueror*, ed. & trans. J. A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997. lxxvii + 763 p.
2. Albert of Aachen. *Historia Ierosolimitana – History of the Journey to Jerusalem*, ed. & trans. S. Edington. Oxford: Clarendon Press, 2007. xli + 949 p. (In English and Latin)
3. *Archdeacon Thomas of Split History of bishops of Salona and Split / Thomae archidiaconi Spalatensis Historia Salonitarum atque Spalatinorum Pontificum*, eds. & trans. O. Perić, D. Karbić, M. Matijević-Sokol and J. R. Sweeney. Budapest – New York: Central European University Press, 2006. xxxv + 404 p. (In English and Latin)
4. Boyle J. A. On the Titles Given in Juvainī to Certain Mongolian Princes. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1956, no. 19, pp. 146–154.
5. Chronicon S. Huberti Andaginensis, eds. L. C. Bethmann & W. Wattenbach. *Monumenta Germaniae historica, Scriptorum*, vol. 8. Hannoverae: impensis bibliopolii A. Hahniani, 1848, pp. 565–630. (In Latin)
6. Daskalova A. & Raykova M. Gramoti na balgarskite care. Uvod, tekstove, rechnik [Charters of Bulgarian Emperors. Introductions, Text, Glossary]. Sofia: Academic publishing “Prof. Marin Drinov”, 2005. 432 p. (In Bulgarian)
7. Decei A. L’invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos régions selon la Djāmi ot-Tevārīkh de Fāzil ol-lāh Rāšīd od-Dīn. *Revue Roumaine d’Histoire*, 1973, no. 12, pp. 101–121. (In French)
8. Dimitrov H. *Balgaro-ungarski otnosheniya prez srednovekovieto* [Bulgarian-Hungarian Relations in the Middle ages]. Sofia: Academic publishing “Prof. Marin Drinov”, 1998. 417 p. (In Bulgarian)
9. d’Ohsson M. *Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu’a Timour bey ou Tamerlan*, vol. 2. Amsterdam: Frederik Muller, 1852. 651 p. (In French)
10. Elter I. Magyarország Idrīsī földrajzi művében (1154) [Hungary in the Geographical Treatise of Idrīsī (1154)]. *Acta Universitatis Szegediensis: Acta Historica*, 1985, no. 82, pp. 53–63. (In Hungarian)
11. Eubel C. *Hierarchia Catholica Medii Aevi*, vol. 1. Monasterii: sumptibus et typis librariae Regensbergianae, 1913. 558 p. (In Latin)
12. Fejér Gy. *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, vol. 2. Budae: Typis typographiae regiae universitatis Ungaricae, 1829. 464 p. (In Latin)
13. Fejér Gy. *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, vol. 3/1. Budae: Typis typographiae regiae universitatis Ungaricae, 1829. 480 p. (In Latin)
14. Gaufredo Malaterra, *De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi Ducis fratris eius*, ed. E. Pontieri. Raccolta degli storici italiani, vol. 5/1, Bologna: N. Zanichelli, 1928. 172 p. (In Latin)
15. Guglielmo di Rubruk. *Viaggio in Mongolia (Itinerarium)*, ed. P. Chiesa. Milano: Fondazione Lorenzo Valla, Mondadori, 2011. xcvi + 530 p. (In Latin and Italian)
16. Guzman G. European Captives and Craftsmen Among the Mongols, 1231-1255. *The Historian*, 2010, no. 72, no. 1, pp. 122–150.
17. Gyuzelev V. *Papstvoto i balgarite prez srednovekovieto* [The Papacy and Bulgarians in the Middle Ages]. Plovdiv: Bulgarian Historical Heritage, 2009. 487 p. (In Bulgarian)

18. Hambis L. *Le Chapitre CVII du Yuan Che*. T'oung Pao, 1945, suppl. of no. 38. Leiden: Brill, 1945. xii + 181 p. (In French)
19. Hardi Đ. Cumans and Mongols in the Region of Srem in 1241-1242: A Discussion on the Extent of Devastation. *Istraživanja. Journal of Historical Researches*, 2016, no. 27, pp. 84–105.
20. *Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi*, ed. A. Önnersfors. Berlin: Walter de Gruyter 1967, x + 44 p. (In Latin)
21. Kalić-Mijušković J. *Beograd u srednjem veku* [Belgrade in the Middle ages]. Belgrade: Serbian Literary Guild, 1967. 503 p. (In Serbian)
22. Kiss G. 11–13. századi magyar főpapok francia kapcsolatai [French relations of the Hungarian prelates in the eleventh – thirteenth centuries]. *Francia–magyar kapcsolatok a középkorban [French-Hungarian relations in the Middle Ages]*, eds. A. Györkös & G. Kiss. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 2016, pp. 341–350. (In Hungarian)
23. Kristó, Gy. A Kárpát-medence -grad~ -grád utótagú helyneveiről [About the Carpathian toponym suffixes -grad~ -grád in the Carpathian Basin]. *Névtani Értesítő* [Onomastic Report], 1986, no. 11, pp. 31–41. (In Hungarian)
24. Kristó Gy. Székesfehérvár legkorábbi nevééről [The Earliest name of Székesfehérvár]. *A székesfehérvári Boldogasszony bazilika történeti jelentősége* (Közlemények Székesfehérvár város történetéből) [Historical Significance of the Basilica of Virgin Mary in Székesfehérvár (From the History of the city of Székesfehérvár)], ed. G. Farkas. Székesfehérvár: Neményi Zsolt 1996, pp. 163–179. (In Hungarian)
25. Mitrović K. & Koprivica M. Beogradsko-mačvanska episkopija između pravoslavlja i katoličanstva (XI – prve decenije XIV veka) [Belgrade-Machva Bishopric between Orthodoxy and Roman Catholicism (11th – First Decades of 14th Century)]. *Prilozi za književnost, jezik, istoriju i folklor* [Contributions for Literature, Language, History and Folklore], 2016, no. 82, pp. 3–18. (In Serbian)
26. Odonis de Deogilo *Libro de via sancti sepulchri*, ed. G. Waitz. *Monumenta Germanie historica, Scriptores*, vol. 26. Hannoverae: impensis bibliopoliii A. Hahniani, 1882, pp. 59–73. (In Latin)
27. Olschki L. *Guillaume Boucher: A French Artist at the Court of the Khans*, Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1946. viii + 125 p.
28. Pelliot P. *Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient*, vol. 1, ed. J. Dauvillier. Paris: Imprimerie nationale, 1973. 307 p. (In French)
29. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. vol. 2: Ipat'evskaya letopis'* [A Complete Collection of the Russian Chronicles, vol. 2: Hypathian Chronicle]. Sankt-Peterburg: typography of M. A. Aleksandrov, 1908. 937 p. (In Old Russian)
30. Radić R. & Korać D. Beogradski Parižanin na dvoru mongolskog kana [A Belgrade Parisian at the Court of a Mongol khan]. *Slovensko srednjovekovno nasleđe. Zbornik posvećen Đorđu Trifunoviću* [Slavic Medieval Heritage. Proceedings dedicated to Đorđe Trifunović], eds. Z. Vitić, I. Špadijer & T. Jovanović. Belgrade: Čigoja štampa, 2002, pp. 493–503. (In Serbian)
31. Rashid ad-Din Fazlallah. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles], vol. 2, eds & trans. Yu. P. Verhovskij & B. I. Pankratov. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1960. 214 p. (In Russian)
32. Rogerius / Master Roger. Epistle to the Sorrowful Lament upon the Destruction of the Kingdom of Hungary by the Tatars / Magistri Rogerii Epistola in miserabile carmen super destruction Regni Hungarie per tartaros facta, trans. J. M. Bak & M. Rady. *Anonymus and Master Roger*. Budapest - New York: Central European University Press, 2010, pp. 132–231. (In Latin and English)

33. Ruotsala A. *Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century: Encountering the Other*. Helsinki: The Finnish Academy of Science and Letters, 2001. 161 p.
34. Sacerdoteanu A. Guillaume de Rubrouck et les Roumains au milieu du XIIIe siècle. *Mélanges de l'Ecole roumaine en France*, 1929, no. 2, pp. 159–335. (In French)
35. Spinei V. *The Great Migrations in the East and South East of Europe from the Ninth to the Thirteenth Century*. Cluj-Napoca: Romanian Cultural Institute, 2003. 546 p.
36. Suciú C. *Dictionar istoric al localităților din Transilvania*, vol. 1. Bucharest: Academy of the Socialist Republic of Romania, 1967. 431 p. (In Romanian)
37. Szakács B. Z. Town and Cathedral in Medieval Hungary. *Hortus artium medievalium*, 2006, no. 12, pp. 207–220.
38. Szende L. Francia kézművesség az Árpád-kori Magyarországon [French Handicrafts in the Árpadian era in Hungary]. *Francia-magyar kapcsolatok a középkorban* [French-Hungarian relations in the Middle Ages], eds. A. Györkös & G. Kiss. Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó, 2016, pp. 315–326. (In Hungarian)
39. Tatár S. The Iconography of the Karakorum Fountain. *Life and Afterlife & Apocalyptic Concepts in the Altaic World*, eds. M. Knüppel & A. van Tongerloo. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011, pp. 77–105.
40. *The Journey of William of Rubruck to the Eastern parts of the World 1253–55, as narrated by himself, with two accounts of the Earlier Journey of John of Plan de Carpine*, ed. & trans. W. W. Rockhill. London: Hakluyt Society, 1900. xii + 304 p.
41. *The Mission of Friar William of Rubruck: His Journey to the Court of the Great Khan Möngke 1253–1255*, ed. & trans. P. Jackson & D. Morgan. London: Hakluyt Society, 1990. 312 p.
42. *The Secret History of the Mongols*, ed & trans. I. De Rachewiltz, Leiden – Boston: Brill, 2006. cxxvi + 642 p.
43. Theiner A. (ed.) *Vetera monumenta historica Hungariam sacram illustrantia*, vol. 1. Osnabrück: Otto Zeller, 1968. 837 p. (In Latin)
44. van den Wyngaert A. (ed.) *Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV*. Quaracchi – Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1929. 637 p. (In Latin)
45. Vasary I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 230 p.

Information about the authors:

Aleksandar Uzelac, PhD (History), Senior Research Associate, Institute of History, Belgrade (36/II Kneza Mihaila Str., 11000 Belgrade, Serbia); ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0626-2928>. E-mail: aleksandar.uzelac@iib.ac.rs

IRSTI 03.81.35:

САВИРЫ И ПРОТОВЕНГРЫ: ВОЗМОЖНО ЛИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ?

Я.В. Пилипчук

Киев, Украина

Аннотация. Цель - проанализировать сведения археологических исследований о угорских этнических группах Западной Сибири и Приуралья. Материалы исследования. Письменные источники (преимущественно античные и византийские), а также археологические и лингвистические исследования. Результаты и научная новизна. Саргатцы были большой общностью племен разного этнического происхождения -угорского и иранского. Они доминировали над соседними как кочевыми, так и оседлыми племенами, в Западной Сибири и были опасными соседями саков и сарматов. Миграция части саргатцев в I-II в. н.э. в Среднее Поволжье привела к ряду трансформаций в этнической и социальной истории этого региона. Саргатское влияние ощутили, как волжско-финские племена в общем, так и, в частности, древнемордовское население. Крушение саргатской культуры произошло во время миграций хуннских племен и образования гуннского этноса. Часть саргатцев была включена в состав гуннского союза племен и стала известна современникам как сабиры. Они подверглись сильной огуризации. Протовенгры не были савирами, а всего лишь их родственниками. Огурское влияние было заметно и на древних венгров. Часть саргатцев в IV-VI вв. переселилась в район Приуралья и Прикамья. Несмотря на тесные связи и сабиров, и протовенгров с тюрками отождествлять их между собой не можно. Несмотря на тесные связи и сабиров, и протовенгров с тюрками отождествлять их между собой не можно.

Ключевые слова: угры, протовенгры, Саргатская культура, саргатцы, сабиры, огуры.

Введение. Одним из интереснейших вопросов истории евразийских степей является вопрос касательно древнейшей истории венгров. Данная проблема исследована пока недостаточно. Это связано в первую очередь с фрагментарными данными письменных источников. К тому же этническая интерпретация археологами некоторых археологических культур дает порой взаимоисключающие мнения. Нам необходимо ответить на вопрос каким было самоназвание протовенгров и когда их потомки получили название мадьяр. Также необходимо разработать древнейшую хронологию венгерской истории для того, чтобы найти ответ на ряд проблемных вопросов. Сейчас А. Расторопов считает, что древним этноним венгров было савир (сабир) [42]. Но оправдано ли это тождество? Кроме того, стоит также выяснить какие миграции происходили в Волго-Уральском регионе и каким образом в них были задействованы саргатцы. Стоит также поставить вопрос о тождестве южноугорских групп с саргатцами и искать ответ возможно ли оно в принципе.

Обсуждение. Долгое время Западная Сибирь как прародина протовенгров не интересовала венгерских ученых. Н. Феттих связывал происхождение венгров с Минусинской котловиной, но это его мнение не согласовывалось ни с исследованиями археологов, ни с трудами лингвистов. Первым памятники зауральских угров с протовенграми отождествил А. Йожа. В середине XX века Д. Ласло поддержал его точку зрения. Идею о сибирской родине протовенгров сейчас развивает И. Фодор. П.Хайду напротив склонен говорить о приуральской родине венгров с I тыс. до н.э. И. Вашари описывая финно-угорские народы разделяет угорские народы на обских угров и венгров. Временем активного взаимодействия угров с иранцами А. Рона-Таш считает VIII-II в. до н.э. Выделение протовенгров венгерский исследователь относит к VIII-V в. до н.э.

Касательно сибирской прародины правенгров, то Л. Лигетти и И. Зичи считали, что она находилась между Ишимом и Тоболом. Такого же мнения придерживался Э. Мольнар. И. Фодор считает, что венгры были населением Саргатской культуры. Н. Матвеева считала, что это сообщество возглавляли иранцы. В. Могильников не возражал против такой возможности. Л. Кызласов вообще считал саргатцев самоедами. Нужно сказать, что В. Могильников локализовал территории саргатцев на берегах Тобола, Ишима, Иртыша, от Чанского озера на юго-востоке до тайги, от Уральских гор на западе до Барабинской степи на востоке. Это территория была плотно заселена. На территории саргатской культуры было 300 укрепленных городищ. И. Фодор связывает ее возникновение не только с уграми, но уверен в том, что среди саргатцев были древние венгры. Он считает, что первоначальной территорией обитания саргатцев были Северо-Восточной Казахстан и Западная Сибирь. Они там должны были жить VII в. до н.э. до VI в. н.э. В. Напольских считает, что праугры-манче ощутили влияние андроновской культуры и входили в круг андронидных культур и были знакомы с скотоводством. На рубеже II-I тыс. до н.э. носители андронидных культур смогли приспособиться к изменениям в климате и саргатско-гороховская общность в VI в. до н.э. уже выделилась в степной вариант. Саргатцы были степными коневодами. Нужно сказать, что саргатцы ощущали большое влияние со стороны соседей. В V-III вв. до н.э. они взаимодействовали с сакскими племенами, а позднее с сарматами. Касательно Притоболья, то саргатцы в V-IV вв. до н.э. вторглись в регион и вынудили выселиться из региона население гороховской культуры. Влияние хуннов на Саргатскую культуру мы можем наблюдать с III в. до н.э. Саргатцы жили в треугольнике бассейнов рек Омь, Тара и Иртыш. В погребениях саргатцев были вещи сарматского, хуннского и даже персидского происхождения. Там было много украшений и оружия. В памятниках саргатцев много хуннских изделий. Багатство населения Саргатской культуры делают возможным отождествление их с каким-то племенем из китайских источников. Так в китайской хронике «Саньго Чжи» упомянуто Уи-Бей-Го, которое торгует соболями. В памятниках же саргатцев находили шелк, который саргатцы могли получать от хуннов. Другая группа праугров-манче двинулась на север ассимилировав местное таежное западносибирское парауральское население [64, р. 103-114; 65, р. 200-203, 215-227, 318-320; 54; 53, с. 305-309; 35, с. 60-63; 7, Карта 3; 36, с. 195-202; 63, р. 242-243; 11].

На лесостепных пространствах Западной Сибири в VII-VI в. н.э. происходил процесс формирования саргатской культуры. Саргатская культура исчезла в IV-V в. н.э. в эпоху Великого переселения народов. Саргатцы заимствовали предметы вооружения у своих соседей. При этом они скорее, чем их степные соседи сарматы перенимали новинки в вооружении. Сложносоставной лук гуннского типа был им известен с III в. до н.э. Мечи и кинжалы без металлического перекрестья появились в II-I в. до н.э. Кроме того, саргатцы перенимали савроматские и сарматские типы вооружения. Ударной силой саргатцев были катафрактарии. В скифскую эпоху защитное снаряжение производилось из костяных и роговых пластин, которые связывались между собой. Саргатцы освоили кузнечную ковку разносортных полос металла. В сарматское время защитное снаряжение производилось из железа. Всадники были вооружены копьями и мечами. Всадники наносили удар копьем, держа его обоими руками. Особо страшной была внезапная атака катафрактариев или их удар сомкнутым строем. Важную роль у саргатцев играла легкая конница, которая засыпала врага стрелами. Сами по себе катафрактарии без поддержки легковооруженных лучников представляли бы удобную мишень. Саргатцы использовали кочевническую тактику подобную сарматской. Саргатское племенное объединение было значительным по площади и имело значительные экономические ресурсы. Саргатцы были многочисленны и были партнерами сако-усунских и сарматских племен. На севере саргатцам принадлежали земли вдоль Иртыша до самого устья Тобола, на юге же

простирались до жаркой ковыльной степи. Городища саргатской культуры находились на мысах, которые глубоко врезались в пойму и были хорошо укреплены ровами, тыном и земляными валами. На севере врагами саргатцев были носители кулайской культуры, которые были обскими уграми и прасамодийцами. В. Напольских считает кулайцев прасамодийцами, а население иткульской культуры обскими уграми. Из своей таежной родины они делали набеги на лесостепные владения саргатцев. Для кулайцев были характерны укрепленные городища на мысах, а войско в основном состояло из пехотинцев. Кулайцы имели преимущество в бою в лесах, в степи же они были легкой целью для саргатцев и были куда хуже защищены (защитное снаряжение изготовлялось из кожи, рогов, дерева) и вооружены (лук был менее дальнобойным и мощным, на вооружении были копья и клевцы). Ряд типов вооружения был привозными, а железное вооружение изготовлялось из болотных руд. Предки хантов и манси воевали против саргатцев. Однако они же и торговали между собой. Кулайцы продавали саргатцам посуду и фигурное литье. Кулайцев же интересовали предметы роскоши, которые получали саргатцы в результате походов и торговли. Тесными были связи саргатцев с иранским кочевым миром. Касательно же этнической интерпретации памятников саргатской культуры, то большинство исследователей считают саргатцев полиэтничными, в этногенезе которых большую роль сыграл угорский и иранский компоненты. Присутствие арийского компонента в составе саргатцев подтверждается данными одонтологических исследований. Так в языке венгров есть древнеиранские и аланские заимствования. Некоторые исследователи указывают еще и на самодийский компонент. И. Расторопов считает саргатцев протовенграми [11; 44; 29; 55; 21; 56; 35, с. 195-202; 42; 61, с. 214; 30; 52, с. 176-180; 51, с. 39-46]

Гунны в свое переселение на запад увлекли и соседние племена. И. Расторопов отождествляет саварти-асфалов Константина Багрянородного с протовенграми-сабирами. В ходе переселений, происходящих в II-V вв. н.э. на территории южной лесостепи и северной степи, складывается кушнареновская культура носители которой были если не венграми, то их родственниками. Она сформировалась как осколок Саргатской культуры. Саргатские традиции продолжали и носители бакальской культуры. В V в. кушнареновцы покидают земли в Западной Сибири и поселяются в Приуралье. Очевидно они, как и сабиры, были вынуждены мигрировать на запад под давлением кочевников. Саргатцы оказали влияние и на сложение потчевашской культуры в лесостепях Западной Сибири. И. Расторопов считает, что большая часть саргатцев была включена в состав гуннов. Западная же часть саргатцев мигрировала через Уральские горы в Кунгурскую лесостепь, в Прикамье в район реки Сылвы. И. Фодор считал, что древние венгры переселились в Приуралье, поскольку не хотели оказаться в зависимости от тюркютов. Н. Матвеева связывала исчезновение саргатской культуры с приходом тюрков и считала, что саргатцы жили в V в. на Тоболе. В. Могильников считал, что саргатская культура была уничтожена гуннами в эпоху Великого переселения народов. С потомками саргатцев он связывает Сылвенскую и Кушнареновскую культуры. Правда при этом существует разрыв между саргатской и родственными ей культурами (с IV в. по VI в.). И. Эрдели и Б. Михай считают, что вследствие миграции хуннов на запад в II-IV в. саргатское население было или частично уничтожено, или подчинено. Те, кто не желал покоряться врагу, переселился за Уральские горы. Те, кто переселились в лесостепь, привели к крушению бахмутинской (мазунинской) культуры. Касательно пьяноборской культуры, то временем ее исчезновения традиционно считают II-IV вв. н.э. и очевидно она была уничтожена под давлением хуннов, ставших впоследствии гуннами. Нужно отметить, что часть пьяноборского населения мигрировала в пределы постгородецких племен и повлияла на этногенез мордовских народов. Угры же принимали участие в

этногенезе и народов Прикамья. А. Нигамаев отмечал, что угорское камское население смешалось с пришедшими пермскими племенами. А. Иванов отмечал проникновение в район Чепцы угорского населения с Верхней Камы. В общем, с конца 50-х гг. XX в. и до сегодняшнего времени археологи спорят об угорском компоненте в составе населения ломоватовской культуры. Этот вопрос поднимали еще В. Генинг и В. Семенов. Их версию развивает Е. Казаков, который относил полонское население к уграм. Сейчас тезис о угорской принадлежности населения полонской, ломоватовской, неволинской культур находит сторонников в лице В. Иванова, А. Белавина, Н. Крыласовой. Им оппонируют В. Напольских, Р. Голдина и И. Пастушенко считая, что носители этих культур были пермоязычны. Нужно сказать, что в свое время сама Р. Голдина не исключала определенное угорское участие в этногенезе пермян, но указывала, что пришедшие из-за Урала угры в Пермском Предуралье ассимилировались. Если обратить внимание на то, что саргатцы в Сибири и венгры в их Волго-Уральской и причерноморской прародине жили в лесостепях и степях, то можно целиком резонно сделать вывод, что инфильтрация угров в среду населения лесной полосы Предуралья должна была быть минимальной. Мигранты-угры должны были превосходить пермян в военном отношении и навязать им свое политическое главенство. Через некоторое время угры в лесном Предуралье должны были ассимилироваться. В. Напольских на данный момент отрицает любое возможное влияние угров на пермян, отмечая только иранское, тюркское и славянское влияния. Он не считает, что правенгры или праугры-манче оказали на пермян влияние. Также была сторонницей пермской идентичности носителей чепецкой, харино-ломоватовской, полонской культур Л. Розенфельдт. Д. Шмуратко, например считает, что неволинская культура восходит к бахмутинской, мазунинской, турбаслинской и позднесарматской культурам. Курганы с территории Республики Коми близки к позднесарматским. В. Иванов, кстати, в 1999 г. был сторонником версии об пермской идентичности носителей полонской, неволинской и ломоватовской культуры. Однако под влиянием результатов последних раскопок он является убежденным сторонником угорской версии. Кроме этого, его в этом убеждают некоторые параллели между неволинцами и венграми эпохи Обретения родины. В. Кулешов отмечает, что следует отойти от линейного отождествления археологических культур с определенными этносами. Он также говорит о том, что в более близкое нам время разное население могло переходить на иной язык. Так, кочевники-угры переходили на тюркскую речь, земледельцы-коми – на русскую, оленеводы-ненцы – на пермскую. Нужно быть осторожным при лингвистической маркировке древних и средневековых обществ. Так пермские этнические элементы вошли в состав югорского общества в качестве нижнего яруса. В любом случае вопрос этнической принадлежности полонцев, неволинцев и ломоватовцев остается дискуссионным [64, р. 105, 113; 22; 39; 5; 10; 13, с. 270-368; 23, с. 19-38; 58, с. 105; 60, с. 71; 16; 12; 14; 15, с. 89-109; 26, с. 74-89].

Керамика саргатцев похожа на керамику кушнаренковцев и бакальцев. В памятниках Большетарханского могильника древних венгров прослеживаются саргатские истоки. Это прекрасно согласуется с сведениями о переселениях огулов в этот период. Кушнаренковцы завоевали всю лесостепную и южную лесную зоны Приуралья. Остановить их продвижение смогли лишь именьковцы. Носители бахмутинской (мазунинской) культуры же были покорены пришедшими протовенграми. От всего ареала уцелел лишь малый анклав между реками Уфа, Белая и Бирь. Протопермское население было вынуждено сместиться, несколько западнее вошедши на позднегородецкие (древнемордовские) территории. С ним можно связать так называемый прикамский компонент в этногенезе мордвы. К сожалению, письменные источники немного пишут о тех же савирах до появления их на границах Византии и Ирана в VI в. Приск Панийский писал о них как о народе, который потеснил сарагуров и других огулов на запад. Сами же

савиры оказались под давлением абаров. Стефан Византийский называл савиров сапирами и считал их народом припонтийской области. Клавдий Птолемей упоминал о саварах как о народе Сарматии живущем ниже аорсов и пагиритов и тех, кто живет рядом с борусками около Рифейских гор. Нужно отметить, что античный географ лишь приблизительно знал географию региона. Константин Багрянородный оставил смутные сообщения касательно саварти-асфалов, которых считал родственниками венгров. Сведения о них коррелируют с данными о прикаспийских гуннах-савирах. Первое упоминание о венграх под этнонимом мадьяр мы имеем в X веке в арабских источниках. В византийских же источниках встречаются разные варианты названия венгров, например, турки и унгри. Медьер по Константину Багрянородного всего лишь одно из семи венгерских племен. Касательно этнонима унгри, то он впервые был использован в IX веке византийскими хронистами. В славянские источники он попал в XII в. Нестор в «Повести Временных лет» говорил о белых и черных уграх. Под именем белые угры у него упоминались оногуры, а под черными уграми – сами венгры. Нужно сказать, что современный термин угры, обозначающий языковую группу, к которой относились ханты, манси и венгры, изобретен лишь в XIX веке. Летописный же этноним угры мог быть производным от этнонима огур.

Стоит отметить, что тюрки имели большое влияние на формирование венгров. В частности, в венгерском языке много чувашизмов (булгаризмов). Их количество оценивают в 400-1000 слов. Однако булгаризмы есть и в хантыйском хотя их и заметно меньше (всего семь) чем в венгерском. Булгаризмы хантыйского восходят к северохантыйским и прахантыйским формам. Венгры на своей волжско-уральской прародине заметно трансформировались под влиянием тюркских соседей. Не случайно у Шимона Кезаи Хунор и Магор (Мадьяр) связывались между собой и считались братьями. Упомянут и аланский князь Дуло и сыновья Белара. По факту в легендах упоминались компоненты, принявшие участие в формировании венгерского этноса – собственно правенгерский, аланский и болгарский. Венгры максимально помнили свою историю только с волго-уральского этапа. Грубо говоря протовенгры были несколько иным народом чем венгры. Указание на Скифию как на свою прародину имеет своими корнями не венгерское устное предание, а латинскую ученность. Тем более, что так степной край называется в хронике Регинона Прюмского. Скифия в данном случае это синоним западноевразийских степей и в данном случае причерноморских степей. Полукочевые племена, бывшие венграми, вероятно переселились в Волжско-Уральский регион вместе с гуннами. Савиры или саварти-асфалы же йшли в хвосте переселений гуннов и огуров [41; 9, с. 448; 40, с. 140-182, 194-200; 47; 43, с. 71; 27, с. 43; 24, Глава 38].

Перед тем как прийти к каким-нибудь выводам мы должны ответить на вопрос, что вообще знали в Европе о финно-уграх на просторах Восточной Европы и Западной Сибири, а также вопрос этнических взаимодействий в этих регионах. Более-менее подробную картину отобразил Клавдий Птолемей, но локализация ним части народов Сарматии условна. После него несколько веков молчания, до написания труда Йордана. В «Гетике» мы находим ряд известных этнонимов: Thiudos, Merens, Mordens, Coldas. Однако кажущаяся простота не должна нас вводить в заблуждение. Так Thiudos по выводам В. Кулешова и Д. Мачинского это вовсе не чудь, а готский термин *fiuda* обозначающий народ, а отсюда *thiudas* народы. Этот же вариант прочтения предложил В. Напольских. *Thiudas Inaunxis* дословно должны обозначать народы в Аунусе (или Аунуксе, так финны называли Олонецкую Карелию). *Vasinabroncas* достаточно просто расшифровывается *Vas in Abroncas* – вепсы в Абронке. Абронк это ориентировочно Шексна, впадающая из Белоозера в Волгу. На Белоозере как раз летописи и локализуют летописную весь (вепсы). Перед нами определенный список этнонимов. Merens можно довольно легко отождествить с мерей. Касательно же этнонима Mordends то после него

есть *im Niscaris*. В. Напольских, Д. Мачинский и В. Кулешов считают более оправданным чтение *in Miscaris* и переводят как в Мещере, то есть Мордва в Мещере. Мещера и мурома должны были быть этнонимами исчезнувших рязано-окских финнов. Rogas Tadzans Athaul Д. Мачинский и В. Кулешов, то они переводят Athaul с Этелькузу (речная долина или страна), Rogas должно соответствовать мордовскому названию Волги Rava. Rogas Tadzans ориентировочно переводились как жители побережья Волги. Несколько иным было мнение И. Зиньковской. Она связывала памятники лбищенского типа в Самарском Поволжье и их исчезновение с вторжением гуннов. Нужно отметить, что в памятники безводино-ахмыловских комплексов проникали крестовидные фибулы и поясы с птицевидными деталями, которые символизировали орла Вотана (так называемого готского орла). Список северных народов по мнению исследовательницы был актуален для IV в. Она в целом поддерживает гипотезы русских уралистов. Финно-угорскими она считала Vas, Merens, Mordens, готскими словами она считала Thiudos и Rogas Tansdans. По мнению Д. Мачинского и В. Кулешова Bubegenas Coldas это Bubo gentas, то есть люди филина. Такое предположение не кажется натянутым если взять во внимание вывод С. Ярцева латинизации Йорданом ряда этнонимов написанных на готском. И. Зиньковская же считала Bubegenas, Navego, Coldas этнонимами непонятого происхождения, а Athaul считала тюркизмом. Ей было раскритикованы попытки Т. Гринбергера и И. Корккинен переводить этнонимы с готского языка. П. Голден отождествлял Athaul с Волгой (Этилем). По мнению Д. Мачинского и В. Кулешова изображения человека-филина находят в Приуралье около Вишеры, Язьвы, Колвы. То есть Йордан мог знать пермян под прозвищем. В качестве рабочей гипотезы исследователи связывают Coldas с гидронимом Колва. В. Напольских локализовал Athaul на Нижней Волге и Куме, Nauezo между Доном и Кумой, а Bubegenas отождествил с черкесами-папагами. В целом можно согласиться с предположением Д. Мачинского, В. Кулешова и В. Напольских о существовании в Восточной Европе торгового пути в Раннем Средневековье. Тот же Прокопий Кесарийский упоминал о эстиях (пруссах) с берегов Балтийского моря, которые прибывали в цивилизованный мир по Янтарному торговому пути. Нужно отметить, что существовал донский путь соединяющий Среднее Поочье с Приазовьем. Важно также отметить взаимодействие разных культур в Восточной Европе. На материалах мощинской культуры (летописной голяди) заметно влияние вельбарской и черняховской культур восточногерманских племен. Заметны следы вторжений и оружие позднеантичного времени. События III-IV вв. наложили свой отпечаток и на древнюю мордву. Вследствие миграций андреевско-писеральского населения из Зауралья у местного населения сложилась профессиональная дружина. Участие сарматов, саргатцев и пьяноборцев в этногенезе древнемордовских племен было важным этапом. В. Ставицкий считает, что подчиненные сарматами пьяноборские и городецкие племена стали нижней социальной страты, в то время как иранцы заняли главенствующее положение. По мнению, А. Зубова и В. Гришакова именно саргатцы были главной движущей силой переселения племен из Зауралья и Прикамья в район Среднего Поволжья. Завоеватели-мигранты тяготели к лесостепям, а подчиненные ними аборигены к лесам. При этом они должны были пользоваться местной керамикой. С этим вероятно и связано иранское происхождение этнонимов мордва и удмурт и иранизмы в языках волжских и пермских финнов. Можно с уверенностью говорить, что ни мордва ни меря не входили в состав государства Германариха. В целом можно говорить о вторжении готов с юга в район Поволжья, но вот политической властью в этом регионе они вероятно не владели. Нужно сказать, что такой размах походов не должен нас удивлять. Предшественники Германариха осуществляли масштабные вторжения на Балканы и Анатолии принадлежащие куда более хорошо вооруженным и организованным римлянам [31, с. 46-63; 38, с. 30-40; 62, с. 40, 42; 20, с. 58-62; 50, с. 125-128; 49, с. 43-54; 48, с. 17-24; 47; 46; 21, с. 87-111; 63, р. 249-251; 40].

Касательно же археологической интерпретации, то летописным мере, веси, муроме должна соответствовать дьяковская культура, а прамордве городецкая культура и культура рязано-окских могильников. Этноним мещера, вероятно, был случайно зафиксирован Йорданом. Народам в Аунуксе (Аунусе) должны соответствовать карелы и северные группы вепсов. В археологическом отношении они соответствовали культуре древних карел и культуре курганов приладожского типа. Истоки древней мордвы лежали в городецкой культуре, однако стоит отметить вторжение в начале I тыс. н.э. вторжение народа индоевропейского (предположительно иранского сарматского) происхождения, которое оставило в Поволжье курганы андреевско-писеральского типа. Этноним мордва в славянских языках происходит от иранского *mard* (человек) или арийского *mṛta* (человек). К нему близки мокшанские и эрзянские обозначения мужчины, а также волжско-пермское *merete*. Также возможно, что самоназвание эрзя происходило от древнеперсидского *aršān* (самец, муж, герой, богатырь). Этноним удмурт (*odo-mort*, в марийском одомари) же восходит к иранской форме *anta-marta* (в переводе житель пограничья, соседями волжских финнов и прапермян были восточноиранские сарматские племена). Уже в первой половине I тыс. выделились прамокшанский на юге и праэрзянский на севере культурный очаги. Территория обитания древнемордовских племен занимала все Сурско-Мокшанское междуречье от Верхнего Посурья и Верхнего Помокшанья до Волги в пространстве между устьями Оки и Суры. Близкими к древнемордовским племенам была мещера и мурома. Кстати, относительно муромы есть предположение В. Кулешова о этом этнониме как о балтизме. Вероятно, часть волжских финнов ощущала на себе влияние балтских культур.

В. Напольских вполне определенно говорит о проживании в Прикамье от Ика до Суры и от Кокшаги и Вятки до Самарской луки именковцев, которые были балто-славянами и относились к макро-балтскому ареалу. Балты в землях рязано-окских финнов должны были быть сравнительно быстро ассимилированы местным населением и язык мери и мещеры вероятно был одним из волжско-финнских. При этом экспансия балтов в финно-угорские земли должна была быть достаточно поздней. Так, что древнемордовские племена ощущали во внимание индоевропейских соседей. Касательно пермян, то исторические корни пермских народов лежат в ананьинском и пьяноборском времени. Вытесненные из лесостепей пермяне заняли лесную зону Приуралья. С ними можно отождествить азелинскую и гляденовские археологические культуры. Азелинская и городецкая археологические культуры оказали влияние и на марийцев. Ломоватовская культура продолжала традиции гляденовской культуры. На сложение неволинской и полемской культур по мнению ряда ученых оказали влияние пришлые саргатские и харинские элементы. Касательно же южных групп вепсов и мери, то на их становление должна была повлиять дьяковская культура. В. Ставицкий сопоставляет мерю с дьяковской культурой. Касательно археологической привязки некоторых культур, то И. Зиньковская указала, что не все археологические культуры доживают до времени списка северных народов, например, городецкая культура. Сами волжские финны перед оформлением в эрзю и мокшу перенесли ряд трансформаций. Сначала к крушению городецкой культуры привело вторжение саргатских племен. После этого на место андреевско-писеральского типа пришла древнемордовская культура. Нужно сказать, что андреевско-писеральское население активно участвовало в войнах против Митридата Евпатора, что указывает на принадлежность части местного населения к сарматам. Среди населения Среднего Поволжья получили распространение шлемы среднесарматского периода. Андреевско-писеральское население было сильно милитаризированным и оставило своеобразный комплекс женского костюма. Саварты-асфалы до огуризации были одним из сарматских племен. Именно события I-II вв. н.э. сделали возможным, что

савиры стали известны Клавдию Птолемию. Рязано-окские финны ощущали влияние со стороны населения Верхнего Подонья, которое входило в состав гуннской конфедерации. А. Медведев считает это население антским. На Средней Оке рязано-окцы сражались против пришельцев с юга. Образование культуры рязано-окских могильников было связано с необходимостью противостоять врагу. Больших миграций на территории волжских финнов не найдено, что свидетельствует в пользу того, что они сдержали напор с юга. Однако запустели некоторые древнемордовские поселения, что свидетельствует об эпизодическом вторжении более южных народов. Культура рязано-окских могильников прекратила существование в VII в. н.э. вследствие вторжения кочевников. Вероятно, это связано с переселениями болгарских племен, поскольку для миграций венгров это слишком рано. Значительные изменения в судьбе древнемордовских племен же сыграло переселение в Среднее Поволжье предков волжских болгар. На месте же бывшей мазунинской культуры образовались кушнаренковская и бакальская культуры, изгнав и уничтожив предыдущее население, оставив малый анклав в районе реки Белой. Кушнаренковская, бакальская, потчевашская культуры была продолжением пояса угорских культур, протянувшихся от Волги до Иртыша. Савиры были огуризованой группой саргатцев (угров и кочевых иранцев), которые были включены в гуннское объединение, а потом следовали в хвосте огурских миграций. А. Кушкумбаев считает, что древние венгры были последовательно включены в состав гуннской конфедерации, Первого Тюркского и Западного Тюркского каганатов. Он включал их в состав племен суварского круга племен западных тюрок. Также считал возможным плотное взаимодействие древних венгров с оногурами, сабирами, тюркютами и хазарами П. Голден. Позицию отрицания саргатского влияния в этногенезе древней мордвы заняли В. Вихляев и Г. Матвеева. Их ключевой аргумент местная керамика. При этом как-то теряется тот момент, что для кочевников не важно какой керамикой пользоваться. Перенять керамику местного населения они вполне могли. Однако предметы вооружения и дружинная организация отличались от местных традиций и саргатцы тяготели к лесостепным пространствам. В. Бейлекчи также отрицает, что мурома является балтизмом и убежден в его волжско-финнском происхождении. В поволжских республиках сторонники миграционизма противостоят автохтонистам. При этом нужно отметить, что этнокультурного взаимодействия с соседями вряд ли избег хотя бы какой-то этнос в материковой части Европы. Относительно изолированными являются этносы в горах и на островах, что к пермским и волжско-финнским народам не относится [35, с. 14, 20, 37-40, 43-44, 49-50, 55-57; 20, с. 61; 8, с. 162-163; 55, с. 42, 51; 50, с. 125-128; 49, с. 43-54; 46; 45; 48, с. 17-21; 33, с. 617-618; 21, с. 87-112; 25; 9, с. 162-170; 4; 3; 36, с. 195-203; 34; 37; 13, с. 252-269; 1; 63, р. 242-243; 2, с. 7-34; 32, с. 79-80; 28, с. 130-140].

Достаточно критичен к мнениям археологов Н. Егоров. Он предлагал вместо множество терминов, употребляющихся археологами, использовать термин финно-угорский относительно добулгарского субстрата. Крайние территории древней мордвы проходили по Суре, а древних марийцев по Ветлуге и Вятке. Исследователь говорит о праудмуртской общности, опираясь на тех же археологов. Как показало исследование С. Белых, можно говорить о археологических культурах на основе традиций которых сложился удмуртский этнос, который выделился из пермской общности достаточно поздно – в XIV-XV вв. Касательно угорского компонента, то чувашский исследователь не совсем прав утверждая будто бы он введен Й. Буденцом в 1895 г. Термин Угры, как и Пермь, летописный, другое дело, что в современном значении в лингвистической литературе он действительно появился в XIX в., а первоначально термин угры в славянских языках обозначал как венгров, так и огуров. Со стороны чувашского исследователя некорректно говорить о ванвиздинской, ломоватовской, неволинской и полемской культур как о обско-угорском наследии. Как показывают современные

археологические исследования в формировании неволинцев, ломоватовцев и полумцев приняли угры. Североургорские группы же достаточно поздно проникли на западные склоны Урала. Н. Егоров пришел к парадоксальным выводам, что оказываются летописные угры (в византийских хрониках уроги) это оногуры и шире огуры. Он апеллирует к уже несколько устаревшей работе В. Радлова конца XIX в. Конечно, огуры оказали большее влияние на этногенез венгров и вероятно в славянской традиции уграми назывались, что венгры, что огуры [17, с. 47-65; 18; 4; 6, с. 119-124; 57, с. 85-105; 19].

Отдельным вопросом является история переселений в Предуралье. Некоторые ученые склоны предполагать, что они происходили еще до эпохи Великого Переселения народов. А. Белавин, Н. Крыласова, В. Иванов считают, что носители гафурийской культуры были уграми и они проникали на территорию карабызской культуры приняв участие в формировании ее население. Гафурийцев связывают с саргатско-гороховской общностью. Они же приняли участие в формировании прохоровцев (сарматов). Эти события происходили несколько сот лет до Рождества Христова. Вышеописанные миграции произошли в IV-III вв. до н.э. Позднеананьинские племена ассимилировали переселенцев с востока и прохоровцев проникших в район рек Белой и Уфы. В результате этих процессов возникла пьяноборская культура финальную стадию которой выделяют в отдельную мазунинскую культуру. Периодически население Волго-Уральского региона ощущало вливания со стороны кочевников. К трансформации пьяноборской культуры в мазунинскую были причастны поздние карабызцы. В эпоху Великого Переселения народов, то в сложении мазунинского и раннебахмутинского населения принимали участие турбаслинцы и кушнарниковцы. Также отмечалось проникновение населения харинской культуры. Р. Голдина указывает, что при сложении ломоватовской культуры принял участие пришлый элемент из Западной Сибири, носители которого оставляли после себя курганы. Касательно сложения неволинской культуры, то там также указано на проникновение иноэтничного населения из Сибири и конкретизировано, что это были саргатцы. Вообще саргатцы как субстрат вошли в состав неволинской, сылвенской и бакальской культур. Также они приняли участие в этногенезе караякуповской и кушнарниковской культур. Было два пути переселений саргатских племен. Первый проходил от верховий Миасса до Месягутовской степи по долине реки Сим в бассейн реки Белой. Второй путь шел через Сылвенско-Чусовской коридор. Мигранты довольно удобно чувствовали себя в новых условиях, поскольку сами были лесостепным коневодческим населением. Они враждовали карабызцами (вероятно, сарматами) и постгладеновским (пермским) населением. В IX в. неволинцы оставили Кунгурскую лесостепь. В середине V в. через Сылвенско-Чусовский коридор в Пермское Предуралье проникло пришлое население из Западной Сибири, которых археологи обыкновенно именуют харинцами. Они приняли участие в сложении ломоватовской культуры. Эти группы населения отличались от кушнарниковцев тем, что последние вели более подвижный образ жизни. Кушнарниковцы расселились в низовьях рек Белой и Ик, в районе Камско-Бельско-Икской поймы. У кушнарниковцев обнаружена поясная гарнитура геральдических типов, которая указывает на южные связи кушнарниковцев (контакты с огурскими племенами, тюркютами и хазарами). А. Белавин, В. Иванов и Н. Крыласова считают возможным говорить о участии угров в войнах тюркютов. В Зауралье после выселения саргатского населения идет упрощение социальной структуры, ослабляется оборонная система городищ и снимается военное напряжение бывшее до того. В VIII в. в Приуралье приходит очередная волна мигрантов, которых археологи называют караякуповцами. Таким образом протовенгры могли быть лишь одним из многих саргатских племен, на которых в разной степени могли воздействовать сарматы и гунны. Нужно сказать, что геральдическая поясная гарнитура также была характерна и для

неволинцев, ломоватовцев и поломцев и они приняли участие в этногенезе волжских болгар. Так или иначе древние венгры и угры ощущали тесную связь с степью и огурскими кочевниками. В некотором отношении близким к позиции ижевских исследователей является мнение пермского ученого Д. Шмуратко, который не проследивает саргатского влияния в Прикамье, а с харинцами связывает позднесарматское население. Он не находит угорского следа в харинских памятниках, считая харинцев сарматами. Исследователь предпочитает осторожно говорить о южном влиянии на Прикамье в эпоху Великого переселения народов. Вряд ли саргатцы были исключительно уграми и древними венграми. Думается, что в составе саргатцев большую роль играл иранский кочевой элемент, который играл также значительную роль и в этногенезе огуров (в значительном влиянии иранцев на болгар убежден болгарский ученый Р. Рашев) [5, с. 46-73, 78-83; 23, с. 19-38; 16; 58, с. 100-105; 60, с. 66-71; 59, с. 209-217; 57, с. 120-126].

Выводы. Таким образом, мы пришли к следующим выводам. Саргатцы были большой общностью племен разного этнического происхождения – южноугорского (протовенгерского) и иранского. Они доминировали над соседними как кочевыми, так и оседлыми племенами, в Западной Сибири и были опасными соседями саков и сарматов. Миграция части саргатцев в I-II в. н.э. в Среднее Поволжье привела к ряду трансформаций в этнической и социальной истории этого региона. Саргатское влияние ощутили, как волжско-финские племена в общем, так и в частности древнемордовское население. Крушение саргатской культуры произошло во время миграций хуннских племен и образования гуннского этноса. Часть саргатцев была включена в состав гуннского союза племен и стала известна современникам как савиры. Они подверглись сильной огуризации. Протовенгры не были савирами, а всего лишь их родственниками. Огурское влияние было заметно и на древних венграх. Часть саргатцев в IV-VI вв. переселилась в район Приуралья и Прикамья. Несмотря на тесные связи и сабиров, и протовенгров с тюрками отождествлять их между собой нельзя. Переселения I-III вв. и памятники андреевско-писеральского типа в большей мере были связаны с сарматами. Древневенгерские племена были лишь одними из многих племен саргатцев. Самоназвание мадьяр же было одним из этнонимов в составе древневенгерского этноса. Общее самоназвание древних венгров нам неизвестно, и мы имеем только экзотонимы. Летописный термин угры обозначал как южноугорские венгерские группы, так и огуров в славянской исторической традиции.

SABIRS AND PROTO-HUNGARIANS: IS IT POSSIBLE IDENTIFICATION?

Pylypchuk Ya. V.
Kyiv, Ukraine

Abstract. Research objects: to analyze the information of archaeological research on the Ugric ethnic groups of Western Siberia and the Urals. Research materials: written sources (mainly ancient and Byzantine), archaeological researches, linguistic researchers. Results and scientific novelty: Sargatssy were a big community of tribes of different ethnicity – Ugric and Iranian origin. They dominated both neighboring nomadic and settled tribes in Western Siberia and were dangerous neighbors of Sakas and Sarmatians. The migration of the sargatssy in the I-II centuryAD in the Middle Volga region has led to a series of transformations in the ethnic and social history of this region. Sargatka influence felt as the Volga-Finnic tribes in general, and in particular Ancient Mordovian population. Crash of Sargatka culture take place during migration Xsiog-nu tribes and formation of Huns and Hun confederation. Part of Sargatssy was included in the Hun tribal alliance and became known to contemporaries as the Sabirs.

They were subjected to strong Ogurization. Protohungarian not were Sabirs, but only of their relatives. Ogur influence was noticeable in ancient Hungarians. Part of Sargatssy in the IV-VI centuries AD moved to the area of Ural and Kama. Despite the close ties and Sabirs and Protohungarians with Turks identify them together is not possible. Migration of I-III centuries AD and monuments of Andrew-Piseral'sk type been associated with the Sarmatians, but although a certain amount of participation of forest-steppe Proto-Hungarians. Ancient Hungarian tribes were only some of the many tribes sargatssy. Magyars it was one of ethnonyms as part ancient hungarian ethnos. We do not know total self of ancient Hungarians and we have only eqso-ethnonyms. Chronicle term Ugry designated as Ancient Hungarian groups and Ogurs in Slavic historical tradition.

Key-words: Ugrians, Proto-Hungarians, Sargatka culture, sargatssy, Sabirs, Ogurs.

REFERENCES

1. Akhmedov I.R. Kompleks predmetov s gorodishha Dolmatovo Starozhilovskogo rajona Rjazanskoj oblasti [The complex of objects from the settlement Dolmatovo, Starozhilovsky district, Ryazan region]. <http://rudocs.exdat.com/docs/index-194931.html> [in Russian].
2. Akhmedov I.R. Problema final'nogo perioda kul'tury rjazansko-okskih finnov [The Problem of final stage of culture of Ryazan-Oka Finns] *Arheologija Vostochnoj Evropy v I tys. n.je.: problemy i materialy. Ranneslavjanskij mir. Slavjane i sosedi*. M.: Institut arheologii RAN, 2001. pp. 7-34. [in Russian].
3. Bejlekchi V.V. O finno-ugorskih toponimakh v Muromskom Pooch'e [About Finno-Ugrian Toponymy in Murom region Oka bassin] http://merjamaa.ru/news/v_v_bejlekchi_o_finno_ugorskih_toponimakh_v_muromskom_pooche/2014-12-03-960 [in Russian].
4. Bejlekchi V.V., Rodin V.V. Poselenija plemeni muroma (u istokov problemy). <http://www.rostmuseum.ru/Publications/Publication/341> [Settlements of tribe Muroma (at the source of problem)].
5. Belavin A.M., Ivanov V.A., Krylasova N.B. Ugry Predural'ja v drevnosti i srednie veka [Ugrians of Cis-Ural region in ancient time and Middle Ages]. Ufa: Izdatel'skij dom BGPU, 2009. - 275 S., 79 ill. [in Russian].
6. Belykh S.K. Problema raspada prapermskoj etnojazykovej obshhnosti. [The problem of the collapse of the pra-Perm ethnic language community] Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2009. - 150 S. [in Russian].
7. Bichurin N.Ja. Sobranie svedenij o narodah obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena [A collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times.]. T. 3. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, Institut jetnografii im. Mikluho-Maklaja, 1953. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Sobr_sved_o_narodach/karten.htm [in Russian].
8. Velikaja step' v antichnyh i vizantijskih istochnikah [The Great Steppe in ancient and Byzantine sources]. Almaty: Baur, 2005. 1306 p. [in Russian].
9. Vihljaev V.I. Rasselenie mordvy v III v. – nachale XIII v. [Resettlement of the Mordovians in the 3rd century - beginning of the 13th century] *Povolzhskaja arheologija*. - № 2 (4). Kazan': Institut arheologii im. A.H. Halikova AN RT, 2013. pp. 162-170. [in Russian].
10. Vostroknutov A.V. Ugorskij vopros v sovremennoj predural'skoj arheologii i problemy kartografirovanija [Ugric issue in modern Cis-Ural archeology and the problems of mapping] *Trudy Kamskoj arkheologo-etnograficheskoj ekspedicii*. № 9. Perm': Permskij gosudarstvennyj gumannitarno pedagogicheskij universitet, 2014. pp. 94-99. [in Russian].
11. Glazov I. A. Problemy izuchenija vooruzhenija sargatskoj kul'tury [The Problem of study of weaponry of Sargatka culture] *Pamjatniki arheologii i hudozhestvennoe tvorcestvo*.

- Materialy osennego kollokviuma. Omsk: OmGPU, 2004 <https://web.archive.org/web/20090126020439/http://annals.xlegio.ru/sibir/small/glazov.htm#> [in Russian].
12. Goldina R.D. Lomovatovskaja kul'tura v Drevnem Prikam'e [Lomovatovo culture in Ancient Kama region]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1985. 279 p. [in Russian].
  13. Goldina R.D. Drevnjaja i srednevekovaja istorija udmurtskogo naroda [Ancient and Medieval history of Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2004. 422 S. [in Russian].
  14. Goldina R.D. Nevolinskij mogil'nik VII-IX vv. v drevnem Predural'e [Nevolin burial ground VII-IX centuries. in the ancient Predurale.]. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2012. 472 p. [in Russian].
  15. Goldina R.D. Nekotorye zamechanija otnositel'no formirovanija teorii ugorskogo prisutstvija v Predural'e v jepohu Srednevekov'ja [Some comments on the formation of the theory of Ugric presence in the Cis-Ural in the Middle Ages] II mezhdunarodnyj mad'jarskij simpozium. - Ekaterinburg: Rifej, 2013. pp. 89-109 [in Russian].
  16. Goldina R.D., Napol'skih V.V. Ugorskaja epokha v istorii Prndural'ja: nauchnaja gipoteza ili istoriograficeskij kazus [Ugric era in the history of the Cis-Ural: scientific hypothesis go historiographic incident]. <http://bashkorttar.ru/?p=3215> [in Russian].
  17. Egorov N.I. Ob ogurskoj probleme [About the Ogur problem] // II Mad'jarskij simpozium, 13-17 avgusta 2013 g. Cheljabinsk: Rifej, 2013. pp. 47-70 [in Russian].
  18. Epifanij Premudryj. Slovo o zhitii i uchenii svjatogo otca nashego Stefana episkopa Permskogo [A word about the life and teachings of our holy father Stephen Bishop of Perm.]. http://www.krotov.info/acts/14/3/perm_rus.html [in Russian].
  19. Zherebcov I.L. Lomovatovskaja i Vanvizdinskaja kul'tury [Lomovatovo and Vanvizdino cultures]. <http://www.komi.com/folk/komi/66.htm>.
  20. Zin'kovskaja I.V. K voprosu ob istoriko-arheologiceskoj identifikacii odnogo iz severnyh narodov u Iordana [To the question of historical and archaeological identification of one of the northern peoples at the Jordan] Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. № 2-1. T. 11. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2011. pp. 56-63 [in Russian].
  21. Zubov S. Voinskie migracii rimskogo vremeni v Srednem Povolzh'e (I-III v. n.je.). Migracionnye processy v formirovanii novoj jetnokul'turnoj sredy po materialam arheologiceskih dannyh [Military migrations of the Roman time in the Middle Volga region (I-III century AD). Migration processes in the formation of a new ethnocultural environment based on archaeological data.]. Saarbrucken: Lambert academy publishing, 2011. 207 p. [in Russian].
  22. Ivanov A.G. Jetnokul'turnye i jekonomicheskie svjazi naselenija bassejna reki Chepcy v jepohu Srednevekov'ja (konec pervoj poloviny V – pervaja polovina XIII v.) [Ethnocultural and economic relations of the population of the Cheptsra river basin in the Middle Ages (end of the first half of the 5th - first half of the 13th century).]. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, jazyka i literatury, 1997. 309 p. [in Russian].
  23. Ivanov V.A. Drevnie ugry-mad'jary v Vostochnoj Evrope [The ancient Ugrians-Magyars in the Eastern Europe]. Ufa: Gilem, 1999. 123 p. [in Russian].
  24. Konstantin Bagrjanorodnyj. Ob upravlenii imperiej [About government of Empire] / Per. pod. red. G. G. Litavrina, A. P. Novosel'ceva. M.: Nauka. 1991. 496 p. http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/text38.phtml?id=6397 [in Russian].
  25. Kuleshov V.S. O proishozhdenii jetnonima muroma i o toponimah Muromskoj okrugy [On the origin of the ethnonym Murom and on the toponyms of Murom district]. <http://www.museum-murom.ru/nauch-rab/uvar-v/o-proishozhdenii-etnonima-muroma> [in Russian].

26. Kuleshov V. S. Jugorskoe obshhestvo V–XV vv.: model' sakral'noj jekonomiki, arheologicheskaja atribucija i problema jetnicheskoj prinadlezhnosti [Ugra society of the 5th – 15th centuries: a model of sacred economy, archaeological attribution and the problem of ethnicity] // Trudy Kamskoj arheologo-jetnograficheskoj jekspedicii. Vyp. XII: Srednevekovaja arheologija Vostochnoj Evropy: ot Kamy do Dunaja. Sbornik nauchnyh trudov k 50-letnemu jubileju N. B. Krylasovoj. Perm': Permskij gosudarstvennyj gumanitarno-pedagogicheskij universitet, 2017. pp. 74-89 [in Russian].
27. Kushkumbaev A.K. Mad'jary, tjurki, kypchaki. Istoricheskaja svjaz' skvozz' tysjacheletija [Magyars, Turks, Kipchaks. The historical connection through the millennium.] // Iran-name. - № 3 (19). Almaty, 2011. pp. 37-77. [in Russian].
28. Malashev V.Ju. Nekotorye aspekty kontaktov nositelej pozdnesarmatskoj kul'tury juzhnoural'skih stepej s naseleniem lesnoj i lesostepnoj polosy Povolzh'ja i Priural'ja [Some aspects of the contacts of the carriers of the Late Sarmatian culture of the South Ural steppes with the population of the forest and forest-steppe zone of the Volga and Ural regions] // Ufimskij arheologicheskij vestnik. Vyp. 14. Ufa: Gilem, 2014. pp. 130-140. [in Russian].
29. Matveeva N. P. Sargatskaja kul'tura na Srednem Tobole [Sargatka culture on the Middle Tobol]. Novosibirsk: Nauka, 1993. 172 p. [in Russian].
30. Matveeva N. P. Materialy k paleodemograficheskoj harakteristike Sargatskoj obshhnosti [Materials for the paleodemographic characteristics of the Sargatka community] Vestnik arheologii, antropologii i etnografii : zhurnal. № 2. Tjumen': Izdatel'stvo IPOS SO RAN, 1999. http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a2/2-mat.pdf [in Russian].
31. Machinskij D.A., Kuleshov V.S. Severnye narody serediny IV — pervoj poloviny VI v. v «Getica» Iordana [Northern peoples of the middle of IV - the first half of the VI century. in "Getica" of Jordan] Ladoga i Gleb Lebedev. Vos'mye chtenija pamjati Anny Machinskoj. Staraja ladoga, 21-23 dekabnja 2003 g. SPb.: Nestor-istorija, 2004. pp. 26-72. [in Russian].
32. Medvedev A.P. Ob jetnokul'turnoj prinadlezhnosti pamjatnikov gunnskogo vremeni na Verhnem Donu [About ethnocultural affiliation of the monuments of the Hunnic time in the Upper Don] Problemy istorii i arkenologii Ukrainy. Materialy V mezhdunarodnoj konferencii (Khar'kov, 4-6 nojabnja 2004 g.). Khar'kov: NMC MD, 2004. pp. 79-80. [in Russian].
33. Mjasnikova O.S. Mordva v jepohu Velikogo pereselenija narodov [Mordovians in epoch og Great Migrations] Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. № 3-2. T. 16. Samara: Izd-vo Samarskogo nauchnogo centra RAN, 2014. pp.617-619 [in Russian].
34. Napol'skih V. Balto-slavjanskij jazykovej komponent v Nizhnem Prikam'e v ser. I tys. n.je. [The Baltic-Slavic language component in the Lower Kama region in middle of I millennium AD] <http://udmurt.info/pdf/library/napolskikh/baltoslav.pdf> [in Russian].
35. Napol'skih V.V. Vvedenie v istoricheskiju uralistiku [Introduction on Historical Uralistic]. Izhevsk: Udmurtskij universitet, 1997. 257 p. [in Russian].
36. Napol'skih V.V. Predistorija narodov ural'skoj jazykovej sem'i [Prehistory of peoples of Uralic language family] Istorija tatar s drevnejshih vremen. T. 1. Narody stepnoj Evrazii v drevnosti. Kazan' : Ruhijat, 2002. pp. 195-203. [in Russian].
37. Napol'skih V.V. K rekonstrukcii lingvisticheskoy karty Centra Evropejskoj Rossii v rannem Zheleznom veke [To the reconstruction of linguistic map of centre of European Russia in Early Iron Age] Art. № 4. Syktyvkar, 2007. <http://artlad.ru/magazine/all/2007/4/130/145> [in Russian].
38. Napol'skih V.V. Spisok narodov Germanariha – Gotskij put' ot Ladogi do Kubani [List of people of Germanarich – Gotic way from Lagoda to Kuban'] Ural'skij istoricheskij vestnik. № 2 (35). Ekaterinburg: UrO RAN, 2012. pp. 20-30. [in Russian].

39. Pastushenko I.Ju. Vozmozhno li govorit' o ugorskoj jepohe v Prikam'e [Is it possible to talk about the Ugric era in the Kama region?] Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Vyp.1. Istorija i Filologija. - Izhevsk: Udmurtskij universitet, 2011. pp. 144-150 [in Russian]
40. Povest' vremennyh let [Tale of the past years]. <http://old-russian.chat.ru/01povest.htm> [in Russian].
41. Skazaniya Priska Panijskogo [Tales of Prisc from Panius] / Per. S. Destunisa. SPb., 1860. 112 s. (ottisk iz: Uchenye zapiski Vtorogo otdelenija Imperatorskoj Akademii Nauk. Kn. 7, vyp. 1. SPb.: Tipografija Imperatorskoj akademii nauk, 1861. pp. 408-457 <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prisc/frameset21.htm> [in Russian].
42. Rastoropov A.V. Voprosy rannej etniceskoj istorii vengrov-mad'jar [Questions of the early ethnic history of the Magyar-Hungarians] Povolzhskaja arheologija. № 1 (11). Kazan': Institut arheologii im. A.H. Halikova AN RT, 2015. pp. 70-90 [in Russian].
43. Savel'ev A.V. Bulgarizmy v hantyjskom (s diskussionnymi kommentarijami A. Rona-Tasha) [Bulgarisms in Khanty (with discussion comments by A. Ron-Tasha)] Uralo-Altajskie issledovanija. № 3 (10). M.: Institut jazykoznanija RAN, 2013. pp. 66-75 [in Russian].
44. Solov'ev A.I. Oruzhie i dospehi. Sibirskoe vooruzhenie ot kamennogo veka do srednevekov'ja. [Weapons and armor. Siberian weapons from the Stone Age to the Middle Ages.] Novosibirsk: INFOLIO-press, 2003. 219 p. <http://history.novosibdom.ru/node/43><http://history.novosibdom.ru/node/44> [in Russian].
45. Stavickij V.V. Rol' Kamskogo naselenija v formirovanii drevnej mordvy [The role of Kama people in formation of Ancient Mordovians] <http://human.snauka.ru/2014/12/8337> [in Russian].
46. Stavickij V.V. Osnovnye koncepcii jetnogeneza mordvy [Main conceptions of genesis of Mordovians] http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2009/2009_6_261_266.pdf [in Russian].
47. Stavickij V.V. U istokov jetnogeneza drevnej mordvy [At the sources of genesis of Ancient Mordovians]. http://e-notabene.ru/hr/article_13161.html [in Russian].
48. Stavickij V.V. Volzhskie finny v jepohu Velikogo pereselenija narodov [Volga Finns in epoch of Great Migrations] Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. № 4 (32). 2014. S. 17-24. [in Russian].
49. Stavickij V.V. Proishozhdenie drevnemordovskoj kul'tury [The Origin of Ancient Mordva Culture] Vestnik NII pri pravitel'stve Respubliki Mordovija. № 1 (33) Saransk: Izd-vo NII pri pravitel'stve Respubliki Mordovija, 2015. pp. 42-57. [in Russian].
50. Stavickij V.V., Stavickij A.V. Ob urovne social'noj differenciacii volzhskih finnov v jepohu rannego zheleza [On the level of social differentiation of the Volga Finns in the Early Iron Age] P.A. Stolypin: stanovlenie i reformirovanie russkoj gosudarstvennosti. Materialy I Mezhdunarodnoj (II Vserossijskoj) nauchno-praktičeskoj konferencii posvjashchennoj 150-letiju so dnja rozhdenija P.A. Stolypina. 5-6 aprlja 2012 g. Penza: Penzenskij gosudarstvennyj kraevedčeskij muzej, Penzenskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet im. V.G. Belinskogo, 2012. pp. 119-130. [in Russian].
51. Tataurova L. V. K voprosu o severnyh svjazjah sargatskoj kul'tury [To the question of northern connections of Sargatka culture] Vzaimodejstvie sargatskih plemen s vneshnim mirom. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet, 1998. pp. 39-46. [in Russian].
52. Tataurova L. V., Tolpenko I. V. Sargatskaja i kulajskaja kul'tury: problemy vzaimodejstvija [Sargatka and Kulay cultures: problems of interaction] Itogi izučenija skifskoj jepohi Altaja i sopredel'nyh territorij. Barnaul: Altajskij gosudarstvennyj universitet, 1999. pp. 176-180 [in Russian].
53. Fodor I. Zapadnosibirskaja arheologija v trudah vengerskih issledovatelej [Western-Siberian Archaeology in works of Hungarian researchers] Vestnik Tomskogo

gosudarstvennogo universiteta. № 3 (23). Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. pp. 305-309 [in Russian].

54. Hajdu P. Ural'skie jazyki i narody [Uralic languages and Peoples]. M.: Progress, 1985. 432 S. <http://www.libed.ru/knigi-nauka/808394-1-izdatelstvo-progress-hajdu-peter-urali-nyelvek-nepek-peter-haydu-uralskie-yaziki-narodi-perevod-vengerskog.php> [in Russian].

55. Cembaljuk S. I. K voprosu ob jetnicheskoj interpretacii sargatskoj kul'tury [To the question of ethnic interpretation of Sargatka culture] Problemy vzaimodejstvija cheloveka i prirodnoj sredy: Materialy itogovoj nauchnoj sessii uchjonogo soveta Instituta problem osvoenija Severa SO RAN 2003 g : sbornik. Vyp. 5. Tjumen': Izdatel'stvo IPOS SO RAN, 2004. pp. 99-102. <http://www.ipdn.ru/rics/doc0/DM/1-cem.htm> [in Russian].

56. Chikunova I. Ju. Hozjajstvo i byt naselenija Sargatskoj kul'tury Pritobol'ja [Economy and life of the population of the Sargat culture of the Tobol region] // Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Special'nost'. 07.00.06. Arheologija. - Tjumen': RAN SO, Institut problem osvoenija severa, 2006. [in Russian].

57. Shmuratko D.V. Prikam'e v epokhu Velikogo pereselenija narodov, etnokul'turnye vlijanija? [Kama region in epoch of Great Migration, ethnoculture influences?] Vestnik muzeja arheologii i etnografii Permskogo Priural'ja. Perm': Izd-vo Permskogo gosudarstvennogo gumannitarno-pedagogicheskogo universiteta, 2006. pp. 120-127 [in Russian].

58. Shmuratko D.V. Etnokul'turnaja situacija v Prikam'e v jepohu Velikogo pereselenija narodov [Ethnocultural situation in epoch of Great migrations] Izvestija Rossijskogo pedagogicheskogo universiteta im. A.G. Gercena. № 126. SPb: Izd-vo Rossijskogo pedagogicheskogo universiteta im. A.G. Gercena, 2010. - pp. 100-107 [in Russian].

59. Shmuratko D.V. Territorija Srednego Prikam'ja v rannem srednevekov'e (statcheskij analiz pogrebal'nyh kompleksov) [Territory of Middle Kama region in Early Middle Ages (statistic analysis of burial complexes)] Vestnik NGU. Serija: Istorija. Filologija. Tom. 10. Vyp. 7: Arheologija i etnografija Novosibirsk: Izd-vo NGU, 2011. pp. 209-218 [in Russian].

60. Shmuratko D.V. Mogil'niki Kharinskogo tipa s territorii Severnogo Priural'ja [Burials of Kharino type from territory of Northern Ural region] Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. № 3 (26). Novosibirsk: Nauka SO, 2014. pp. 66-72 [in Russian].

61. Shusharin V.P. Rannij etap etnicheskoj istorii vengrov [Early Stage of Ethnic history of Hungarians]. M.: ROSSPJeN, 1997. 512 p. [in Russian].

62. Jarcev S.V. Eshhe raz o spiske narodov Jermanariha [One more time about of list pf peoples of Germanarich] Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija. Politologija. № 21 (192). T. 32. Belgorod: Izd-vo Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. pp. 35-42 [in Russian].

63. Erdelyi I., Mihaly B. The Sargatka culture and the Huns //Global-Turk. № 3-4. Astana: Tjurkskaja akademija, 2015. P. 103-115 [in English].

64. Golden P.B. The peoples of the Russian forest belt // The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge UK.: Cambridge University Press, 1990. pp. 229-255 [in English]

65. Rona-Tas A. Hungarians and Europe in Early Middle Ages. Budapest: CEU Press, 1999. 566 p. [in English].

Information about the authors:

Yaroslav V. Pylypchuk, Phd of History, Senior lecturer of department of history and archaeology of Slavs of history faculty of National pedagogical university n.a. M.P. Dragomanov, (Ukraine, Kyiv, Osvity street, building 6, room 24), e-mail: pylypchuk.yaroslav@gmail.com

---

IRSTI 03.29

THE HISTORY OF THE GOLDEN HORDE IN ORIENTALISM: A BRIEF OUTLINE

M.T. Laumulin

Nur-Sultan, Kazakhstan

Abstract. The article considers ancient and medieval sources on the Golden Horde and Central Asian history, including information of the ancient authors on peoples of Central Asia, medieval sources, autochthonous sources, Muslim historiography. The article is dedicated also to the observation of history and ethnography of Kazakhs (mostly in Western oriental studies). A separate section reviews the phenomenon of nomadism in the context of such scientific problems as geographic factor and natural environment, social structure, political system and nomadic culture including the Kazakhs. In this context, the book presents western opinions regarding the following issues: impact of the Golden Horde onto Eurasia, a role of the Kipchaks within this area, Islamic and Turkic studies.

Keywords: Golden Horde, Mongol studies, Kazakhs, Kazakhstan, Central Asia, Oriental Studies, Turcology, Political Studies.

Introduction. The 750th anniversary of the Golden Horde is an anniversary around which heated discussions have already begun to unfold. Supporters of a new look at the Golden Horde today are actively speaking in the media and scientific publications. According to some researchers, the Golden Horde was the most developed civilization in that era. As for the Russian principalities, they simply destroyed each other, and the Golden Horde helped them stop these feuds and, finally, unite. According to others, paradoxically, the result of the existence of the Golden Horde in the history of the Middle Ages is the first globalization on the scale of Eurasia. There is an unexpected analogy: the Mongol Empire, the fragment of which was the Golden Horde, was somewhat reminiscent of the modern United States, primarily in size and military power.

The very concept of the Golden Horde appeared a hundred years after its disappearance. Contemporaries called this public entity Ulus Jochi, that is, he put on the eldest son of Genghis Khan. In 1269, a kurultai gathered in the Talas Valley, fixing the division of the Mongol Empire.

For more than two hundred years, the Golden Horde has been the political dominant that the entire Eurasian continent reckoned with. Historians say: it was a multistructure state, and these structures were very different. On the one hand, a significant part of its population was engaged in traditional nomadic cattle breeding. On the other hand, trade routes were laid on the territory of the Golden Horde, and cities arose. And in territories where the state system was not previously known, the Horde established state power. A number of scholars note: she was invincible in the military, and therefore in the economic sense, and her humility was considered something natural. In the Golden Horde, warriors were all without exception. In fact, the Mongol nomadic civilization could one day take off and migrate to new territories at distances of sometimes thousands of kilometers.

Discussions are still ongoing about the number of Tatar-Mongols in the western campaign of Batu Khan. It is called from 30-40 thousand to 150 thousand. There were 15 “princes of blood” in Batu’s army, and each of them could command no less than Tumen, that is, he headed 10 thousand soldiers. But even if only 30 thousand participated in the raid, this is still more than the scattered feudal lords in Europe could oppose to the aliens, even if they could unite. It is necessary to add to this brilliant tactics of military operations and the best intelligence at that time.

Scientists say that the political system of Moscow Rus was borrowed from the Horde. As well as a transport system with post stations, which also represented a truly Horde “legacy”. The khans needed Russian soldiers, and the Russian princes frightened their western neighbors with the Horde threat. The official genealogy of the Russian tsars in the 16th century erected their origin, both to the Roman Caesars and to Genghis Khan. The horde fundamentally changed the course of Russian history, ultimately paved the way for a future empire, although at the time the conquerors arrived, there were no political and economic prerequisites for this.

In pre-Mongol Russia, an effective model of interaction between civil society and power was built - small and democratic states where princely power was controlled to one degree or another by the traditional institutions of self-government of the Eastern Slavs (veche, election of officials, including the highest, such as *posadniks* or thousand). However, in the process of the struggle against the Mongol-Tatar yoke, another idea arose and got stronger: Russia needs a strong centralized power. Only a strong state in the conditions of a natural economy, discarded centuries ago, was able to unite disparate territories to confront an external enemy. It is impossible to deny this: if there had not been a Tatar-Mongol yoke, perhaps there would have been no united Russia.

Discussion. *Source base.* It will be obvious to assert that the history of the Golden Horde, at least in the initial period of its history, is most closely connected with the Mongol Empire. This applies both to the source study base of the subject of research, and the entire historiographic complex. As for the historical tradition, dynastic succession, the Mongolian influence was felt in the history of the Golden Horde and its epigone states for several centuries, and in the refraction of the Kazakh Khanate - until the middle of the XIX century.

The Mongol period in the history of nomadic civilizations is the most studied in world historiography, and at the same time it is the most brilliant era in the history of Eurasian nomads, who through collective efforts created an empire unprecedented in size, power and influence in the history of mankind. The interest in studying the phenomenon of the Mongol Empire, which has become a geographical prototype of other formations of Eurasia, colossal in territory (the Russian Empire and the USSR, the latter literally repeating the geographical configuration of the Mongol power during its heyday), has still not diminished. The history of Kazakhstan is naturally associated with this period.

The name of the Franciscan John de Plano Carpini is well known in history and historiography. His famous description of a diplomatic journey through the expanses of the empire of Genghis Hap today is translated into almost twenty languages of the world. The report of Brother John remains one of the most striking documents of the era of the Mongol triumph in Eurasia. The background of the appearance of this source is as follows [1].

On March 5, 1245, in Lyon, Pope Innocent IV signed the bull to the “Tsar and the people of Tartar.” Franciscan John de Plano Carpini was entrusted with delivering the message of the pope to the address, who, in connection with the mission entrusted to him, received broad powers from the papal legate. Brother John was in his sixty-fourth year. Most likely, a diplomatic trip to Central Asia was not planned. Dad did not give a single gift with the ambassadors. The envoy had to get to the nearest Mongolian army, and for this the path through Eastern Europe was chosen. Mission participants left Lyon on April 16 and headed for Bohemia. On their way to Poland, Brother Benedict Pole joined them.

Brother Benedict showed a keen interest in various aspects of the life of the Mongol Empire, and his fixation of the information received is distinguished by fewer errors and mistakes. In 1965, the American historian G. D. Painter published, according to the Latin manuscript of the 15th century, the text of the History of Tartarus by brother C. de Bridia, which is nothing more than an abridged arrangement of the report of Brother Benedict.

The mission that opened the Golden Horde to Europe was the embassy, sent to the Mongols by Pope Innocent IV in 1245. Pope's Franciscan ambassador John de Plano Carpini and his companion brother Benedict Polyak reached the Mongol nomadic capital Sira Orda, near Karakoram, south of Lake Baikal, and returned described their journey. The work of Brother John was called by him "The Book of Tartarus." This story has survived to the present in twelve manuscripts of the XIII and XIV centuries. and presents a unique European testimony of the culture and customs of the Mongols and other Asian peoples. The report of Brother Benedict formed the basis for the History of Tartarus by Brother C. de Bridia (preserved in the manuscript of the 15th century).

John de Plano Carpini named his report *Liber Tartarorum* ("The Book of Tartarus"). One of the scientific scribes of the XIV century. clarified this name and it turned out the following: "The History of the Mongols, whom we call Tartars" (*Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus*). In 1247, the brother of C. de Bridia, who rewrote the report of Brother Benedict Polyak with abbreviations, gave his work the title "History of Tartarus" (*Historia Tartarorum*) The encyclopedist Vincent of Beauvais (d. 1264) used almost entirely Brother John's report when he was writing his encyclopedia, *Speculum historiale* (Historical Mirror).

It is known that diplomats agreed with Batu Khan's request to go to Central Asia in order to in the kurultai, connected with the election of the new great khan. The Franiiskans did not have authority for such a trip, as, however, there was no ban. The Roman curia could not predict such a development of events. The choice in favor of the trip was made personally by brother John and brother Benedict, which perhaps indicates their awareness of the importance of such a trip for the implementation of contacts at the highest level and the collection of materials. Franciscan reports contain rich materials about the tribes that became part of the Mongol Empire.

The information of the Franciscan mission of 1245 is strikingly different from the European apocalyptic descriptions of the Asian nomads collected in the Great Chronicle of the Benedictine monk Matthew of Paris, who had access to the archives of the English king Henry III. The Franciscans brought to Europe a new picture of the Mongol Empire, which largely coincides with their own Mongol myth. The final chord of this theme will be especially pronounced in the book of Marco Polo. One of the paradoxes of the 1245 mission is that the Franciscans were aware of both paintings: "European" and "Mongolian". The mission's cultural task was to change the surreal picture with a new picture based on observations and information received on the territory of the empire. The Franciscans coped with this task.

A separate problem is the elucidation of the original ethnographic geographic nomenclature (Mongolian, Turkic, Persian, Old Russian and Latin), reflected in the List. In a sense, the List is a derivative of Genghis Khan's intention to conquer all accessible and inaccessible worlds.

Thus, the reports of the 1245 Franciscan mission are literary works designed to answer a number of key questions for the West, where the theme of divine sanction for the existence of peoples previously unknown to the West dominates. The material for them was the most diverse information received on the territory of the empire from very knowledgeable people, and only partially - their own observations of the Franciscans. The newly discovered culture was of a pronounced imperial character, where management was built along the military-administrative vertical.

We also note the small but very valuable work of the brilliant French Sinologist and Mongolian Paul Pelliot's "Mongody and the Papacy" (*Les Mongols et la Papauté*), the first chapter of which is devoted to the letter of Guyuk Khan brought to Plano Carpini by the paw Innocent IV. The letter was considered lost, and it was known only from separate references and the Latin translation preserved by the medieval author of the XIII century. Adam Salimbene in his Chronicle. But in 1920, the original script in Persian was discovered in the archives of the

castle of St. Angel in the Vatican. The study of this letter is devoted to the work of Pelllo. And in other works of Pelllo there are many valuable comments on the journey of Plano Carpini.

The same route in 1254 drove the Armenian king Letum, heading for the headquarters of the great khan in Karakorum. From the capital of Cilician Armenia, the city of Sis, the tsar drove to the Volga at Batu's headquarters. The French king Louis IX sent a special diplomatic mission to Mongolia, headed by the well-known minor minority monk, participant in the Sixth Crusade, energetic, intelligent and well-educated Guillaume Rubruck. The description of the trip to Mongolia in 1253-1255, compiled by him, is a very significant work, important not only for the history of the Mongols, but also for the history of geographical knowledge. Rubruk's voyage provided much new information for his time about the countries he visited, and his observation made him notice many valuable and important details from the life of the 13th-century Mongols. Rubruk's work on justice is considered one of the serious sources on the history of the East, available in Western European literature of the late Middle Ages.

More educated than his predecessor, Plano Carpini, Rubruk, moreover, was better prepared for his trip, if only because it was not the first, and the results of previous trips were probably known to him. Having landed in Soldaye, a large trading city of the Southern Crimea, Rubruk with his companions moved north already by land. Having passed through Perekop, the southern Russian steppes, he moved east to the Sartak camp, and then to the Volga to the Batu Khan camp, from where he was sent to Karakoram to Munke Khan. Batu did not consider himself entitled to allow Rubruk to preach Christianity among the Mongols, as Louis IX wanted, and sent him to resolve this issue to Munke Khan himself. At the end of 1253, Rubruk was already in Mongolia. Rubruk was the only European to describe the Karakorum in detail, although many residents of various European countries visited it.

The work of Guillaume Rubruk has been published many times. A few contemporary manuscripts have come down to us. One of them formed the basis of the earliest publication of Rubruk's travel descriptions, carried out only in 1600 by Hackleit. A quarter of a century later, another publication appeared, based on a more complete manuscript discovered in Cambridge - Rubruk's trip was included in Perksis' famous travel collection, called "His Pilgrims." A French translation of the journey was published by Bergeron in the 17th century. Since then, Rubruk's work has been published repeatedly in many European languages [2]

The "Book on the Diversity of the World" by Marco Polo tells of a journey which, according to the definition of the world's largest authority on the history of geographical discoveries of the German scientist Richard Henning, "is undoubtedly considered the most remarkable among all medieval travels" and "truly outstanding event." A more important, determining factor in the success of Marco Polo's work is the nature of the information contained in it, its volume and variety. Marco Polo describes not one, but two trips to China, the first of which was made by his father and uncle Niccolo and Maffeo Polo in 1254-1269, in the second (1271 - 1295) all three took part [3] From the Middle Volga, where the Volga points they visited were located - the temporary headquarters of the Golden Horde khan Berke and Uvek (Ukek), the Polo brothers moved southeast through the lands of the Golden Horde, crossed the Trans-Caspian steppes, and then passed through the desert plateau Ustyurt to Urgenchu.

The first editions of the Book appeared after the death of Marco Polo. The first Russian translation of the "Book" by Marco Polo, made by Shemyakin, was published in 1861-1862. in "Readings at the Society of History and Antiquities of Russia at Moscow University" and came out a year later as a separate publication. The first, truly scientific translation of the "Book" into Russian was made in the 1880s by Professor I.P. Minaev. Academician V.V. Bartold, was the editor and commentator of the best translation of the work of Marco Polo into Russian, made by I.P. Minaev and published in 1902 by the Russian Geographical Society under the title "Journey of Marco Polo".

Chinggis allocated western lands to the elder son of Jochi to the places where the hoof of the Mongolian horse sets foot. But the decision to march westward beyond the borders of Central Asia was made after the death of Genghis Khan in 1227. Judging by the text of the Yuan Shi, this happened during the reign of Ugedei on two kurultai - in 1234 and 1235. In the second half of the XIII century, geopolitics in the spaces of Eurasia began to be determined by a new factor - the collapse of the Mongol power and the rivalry between its components. First of all, between the Golden Horde and Iran, where the il khans ruled.

After the Sultan of the Egyptian Mamluks Beibars stopped the army of the Mongolian il Khan Abag in 1277, it became clear that the Mongols could no longer fight in all azimuths. Under the heir to Berke Mungke-Timur (1267-80), the Golden Horde entered into an open confrontation with Iran and supported the Egyptian Mamelukes. Sinor believes that the Turkic population of the Golden Horde had a decisive influence on the anti-Mongol and anti-Iranian orientation of this state, which was increasingly becoming the center of the Turkic world of Eurasia. Turkic nomads played an important role in the history of China, Iran, Central Asia and Russia. According to multilingual sources, primarily Persian-Arabic [4] and Chinese [5], the vast territories of modern Kazakhstan on the eve of the Mongol invasion at the beginning of the XIII century. occupied by the tribes of the Kypchaks, Kangly, Karluk neimans. Moreover, the area of their settlement covered other territories, the Kipchaks occupied the southern Russian steppes and the steppes of the North Caucasus, many of them along with the Kangly were in Khorezm.

One of the main sources on the history of the Golden Horde is the encyclopedic work of al-Kalkashandi [6]. The medieval Egyptian scholar, author of the last great encyclopedia of the Mamluk era, Shihab ad-Din Abu-l-Abbas Ahmad ibn Ali al-Kalkashandi (1355-1418) was widely known in the Muslim world for centuries. European scholars became fairly close acquainted with the main literary work of his life in the 19th century. In 1879, the contents of his encyclopedia were summarized by the German Arabist G.F. Wustenfeld. In 1884 extracts from the al-Kalkashandi encyclopedia related to the Golden Horde were printed in Arabic and translated into Russian by the orientalist V.G. Tizengauzen [7].

Only in 1913-1919. through the efforts of the Egyptian scholar Ahmed Zeki in Cairo, the 14-volume encyclopedia of al-Kalkashandi entitled "Subh al-asha fi sinaat al-insha" ("Dawn for the Blind in the Art of Writing") was fully published. The consequence of this publication was a monograph (1928) by the Swedish Arabist V. Björkman on the work of al-Kalkashandi. To this day, it retains its significance as a reliable key to a comprehensive analysis of the work of al-Kalkashandi.

Description al-Kalkashandi is divided into eight unequal in size arches. The opening statement is followed by "The first code, which tells about the borders and extent of this state." It is twice as large as the introduction and contains data from the works of al-Umari, Ibn Haukal and al-Muhallabi on the extreme limits of the Golden Horde. "The second vault, which tells about the well-known districts included in it," surpasses all other vaults combined in volume. This is primarily due to the fact that it consists of separate stories about ten districts known to the compiler of the annals (iklim). As a rule, the districts marked by al-Kalkashandi are fully consistent with the military-administrative units of the Golden Horde, which were controlled by temniks (commanders of 10,000 troops) and were called the Horde Tyumen, and the Russians - darkness.

The name of the third district - "the country of the Khazars", or Khazaria, was recreated by al-Kalkashandi based on the later processing of the works of al-Samani and Ptolemy. "District Four - Crimea" is a typical Horde tyumen, about which medieval Arab authors were well aware, for Mamluk Egypt since the creation of the Golden Horde has maintained all kinds of contacts primarily with Crimea. "Fifth district - the territory of Azov" in the description of al-Kalkashandi is only a quarter of the story of the fourth district. The compiler refers only to the information of Abu l-Fid. Essentially, the characteristic of two cities of the okrug - Azov and Kerch - is given

here. "The sixth district is the country of Cherkess," or Cherkessia, occupies half the space in the description of al-Kalkashandi than the story of the fifth district. A written source for the compiler was the Chronicle of Abu l-Fid. When describing the district, neither borders nor settlements were noted, only a few words were said about its population - the Circassians.

"The seventh district is the country of the Bulgar", or Bulgaria, according to the place occupied in the description of al-Kalkashandi, can be compared with the second and fourth districts. The compiler refers to the testimonies of al-Umari (in two of his works), Abu l-Fida, al-Masudi and Ptolemy. After reading the story, it becomes obvious that al-Kalkashandi devoted to the description of the Horde tyumen of the Bulgar, i.e. Volga Bulgaria, not more than a third of the declared place. "The eighth district is the country of Ulak," or Wallachia, described by al-Kalkashandi on the basis of the testimonies of Abu l-Fid and Ptolemy. "The ninth district is the country of As", or Alania, was the Horde tyumen in the west of the Crimean peninsula. The compiler was guided in his description only by the evidence of Abu l-Fid.

"The tenth district is the country of Rus", of course, will attract the attention of domestic historians. The compiler used the testimonies of al-Umari and both works of Abu l-Fid, from which it is clear that the Arab merchants known to them, who traded with the Muslim districts of the Golden Horde, had the most general idea of the borders of the country of Rus and its inhabitants. Not a single city is named on the territory of the country.

"The fourth code - about the paths leading to this state" - is four times less in volume than the third. Its sources for the compiler are the works of al-Umari and Abu l-Fida. "The Sixth Code - Concerning Money Circulation and Prices", compiled on the basis of the materials of the aforementioned work of al-Umari, is twice as large as the fifth code, and in content it fully corresponds to its name. The compiler begins by pointing out that the silver coins of the Golden Horde have the same circulation on the territory of the Hulaguid Iran. "The seventh code - regarding the news of the rulers of this state" - is three and a half times the volume of the sixth code. At first, al-Kalkashandi gives him a historical outline of the Khorezm district before the Mongol invasion. The sketch lists the supreme lords and their immediate representatives on the territory of Khorezm - governors.

The names of the Horde khans in the encyclopedia of al-Kalkashandi are often distorted. The correct spelling of the Mongolian and Turkic names of these khans is not so easy to restore. Their generally accepted spelling in science still does not exist. The final list of the names of the Horde khans named by al-Kalkashandi: Batu (1227-1255), Sartak (1255-1256), Berke (1258-1266), Mengu-Timur (1267-1280), Todan Mengu (1280-1287), Tolebug (1287-1291), Tokta (1291-1312), Uzbek (1313-1341), Jani-bek (1342-1357), Berdibek (1357-1359), Abdallah (1361-1370), El-bek (7- 1374), Urus (1374-1375), Kaganbek (1375-1377), Toktamysh (1378-1395).

The final "Code of the Eighth - regarding the size of the army of this state, the structure of its management, the size of the salary assigned to [his soldiers], and [the form] of their clothes" already fully reveals its contents in a lengthy title. This content is transmitted in the respective four sections. Al-Kalkashandi calls the encyclopedia of al-Umari as the only source of his information. The compiler makes it clear that the number of soldiers of the Horde army is so large that it can not be counted. Moreover, the Horde riders were well provided with clockwork horses, human service and food.

The vault ends with a short story about the Horde vestments. This concludes the compact description of the Golden Horde in the encyclopedia of al-Kalkashandi. In content, this description goes far beyond just geographical. It contains a lot of information of historical, ethnographic and many others.

A separate direction in Turkology is the study of the language of the Khan labels of the Golden Horde, literary monuments of that era, etc. In the XIV century. on the territory of Egypt

and the Golden Horde, not only literature of theological and didactic content is created, but also fiction, translations are made from Arabic and Persian, and regional literary languages developed. Researchers call the written monuments of this period “Yusuf and Zuleyha”, “Muhabat-name”, “Nahdh-alfaradas”, “Taashshuk-name”, Gulistan beat Turks”, “Khusrau and Shirin” and others. The study of the period of the Golden Horde sheds light to clarify many issues of history, culture and language of the Turkic peoples. Khan labels written in the fourteenth century belong to the same time. Since they were business papers by purpose, there are few of them both in quantity and volume. But the language of labels, from the philological point of view, is of great value due to the peculiar structure, ancient grammatical indicators and models. Certain lexical elements of this language have become obsolete or have lost their paramount importance, having acquired a different one, and have survived only in the form of root morphemes. The same applies to some affixes,

The language of the Khan's yards refers to the so-called "Medieval written Turkic language", it was not popular among all, accessible and understandable to all. It was a written language that was used only by educated people, common to a group of Turkic languages, which included Karluk, Oguz, Kipchak. Its development is attributed to the period between XI and XV-XVII centuries., I.e. to: creating nation-wide languages. Researchers divide the Khan labels written in the fourteenth century, according to time and place of occurrence, into four groups. To the first they include labels of Toktamys and Temir-Kutlug of the Golden Horde period, to the second group are labels of Ibrahim and Sahib-Gerey written in the Kazan Khanate, to the third are labels of Hazhi-Gerey, Menli-Gerey and others from the Crimean Khanate and, finally, labels, letters and business paper of the Kazakh Khanate [8].

The main body of information about ancient and medieval Mongols is contained in Chinese chronicles. "Yuan-shi" is the only source testifying to the history of the borrowing of the Uyghur written language by the Mongols, to which the rest of the Chinese works go back. "Xin Yuan-sha" (257 chapters) is divided in the same way as "Yuan-shi" into four large parts: - "Benji" (chapters 1-26), "Biao" (chapters 27-53), "Zhi" (Chapters 34-103) and Lechzhuan" (chapters 104-257). The structure of these 4 parts is slightly changed in comparison with Yuan-shi. In the "Biao" section, genealogical tables of the khans of three Mongolian states are re-compiled - the houses of Chagatai, the khans of the Golden Horde and the Ilkhan of Iran.

It must be pointed out that the Mongol invasion suspended the political growth of the Kypchaks within the framework of their own state development and interrupted the ethnic process leading to the formation of the feudal era people. The Mamluk era put forward a large number of chroniclers, biographers, historians, philologists, whose writings in one way or another reflected various facts and phenomena of an ethnic, social and cultural plan. The establishment of diplomatic, commercial and military-political relations with the Golden Horde further strengthened the mutual influence between the Mamelukes and Dasht-i Kipchak, from where slaves from the Mongol-conquered countries regularly came to Egypt.

Being at a high court post and having access to all necessary materials and documents, Abd al-Zahir (d. 1293) in his biographical essays "The Prominent Garden in the Biography of al-Malik al-3ahir" (Ar-Raud al-Zahir fi sirat al-Malik al-Zahir) provides information on the relationship of the Mamluks with the Golden Horde. It provides a short road-trip from Crimea to Itil, contains ethnographic information on the tribal composition of the Crimean population, where at that time quite a lot of immigrants from Dasht-i Kipchak lived, the religious and ideological situation in the Golden Horde is reported.[9] Significant factual material about the relations of the sultans of the Mamluk state with the khans of the Golden Horde, about the nomads of Desht-i Kipchak in the light of their ethnic, political and spiritual culture can be found in the writings of Ibn al-Furat (1334-1405), al-Kalkashandi (1355-1418), al-Makrizi (1364-1442), Ibn Tagriberdi (1411-1465), Ibn Iyas (1448-1524), etc.

One of the important sources on the history of the Kypchaks should be considered travel notes of the famous traveler of the Maghrebian Ibn Battuta (1304-1377), which traveled almost the entire inhabited Muslim world, - "A gift to the contemplating about wonders cities and the wonders of travel" (*Tuhfat al-Nuzzar fi Garaib al-Amsar wa Ajayib al-Asfar*). Especially valuable are the pictures of everyday life in the Golden Horde, information about the social structure, economy of the Kypchaks, their ethnic characteristics, descriptions of the steppe settlements and cities, and much more relating to the history of the Turkic peoples [10].

Another author of Turkic origin who wrote about the events in the Kypchak steppes after the Mongol invasion was the historian Kadir Ali Jalairi (1530-1605). The localization of the Kypchak tribes given by Jalairi gives an idea of the ethnic map of Central and Western Kazakhstan between the invasion of Genghis Khan and the collapse of the Golden Horde. Codex Cumanicus (CC) - Code of laws of the Coman language. In his analysis, he relies on the publication of G. Kuun, who published in 1981 the full text of the SS with a large introduction, notes, appendix, and corrections. It is noted that the publication of Kuun caused a lot of controversy in the scientific world, which led to the emergence of new scientific research. However, despite the abundance of work related to the SS, a number of problems remain unresolved [11]. The study describes the trade routes, relations of the Italian colonies with the Golden Horde, which was the main trading partner of the Genoese and Venetians. Various trade agreements described in the SS indicate that Italians used the command language not only for commercial purposes, but also for diplomatic contacts.

In the middle of the XVII century. Abdullah Celebi Rizvan Pasha-zade wrote "Tavarikh-i Desht-i Kipchak" (Chronicles of Desht-i Kipchak), which is a brief chronicle of the reign of the Crimean khans until 1637. For the history of the Nogai Horde, mention is made here of the war of Muhammad Girey I with her 1523, about the legs in the North Caucasus in the 1630s. "Tavarikh-i Desht-i Kipchak" was studied by A. Zayonchkovsky and was published by him in Warsaw with a French translation (1966). Around the middle of the XVIII century. Crimean historian Said-Mohammed Riza created "As-sab as-siyar fi ahbar-i muluk-i Tatars" (Seven planets in the news of the Tatar kings) - a description of the reign of the seven khans from 1445 to 1745. It also describes the problems that most worried about knowing the peninsula due to kicking.

Of great value are the sources left by the Kalmyks - a division of the Western Mongol-Oirats who resettled in the Volga region in the first half of the 17th century. Chronicles composed at the headquarters of khans and noyons described, in particular, Kalmyks occupying the steppes of the Volga-Yaitsk interfluvium, crowding out and partial subjugation of the legs - the former rulers of this territory. The starting point for the Kalmyks staying in their new homeland was considered by historians to enter the Volga and defeat the Nogai on its banks in 1628. Observers from European countries did not dedicate a single special composition to the legs. This nation and its nomadic empire remained on the periphery of the attention of Western contemporaries. They remembered and wrote about kicking mainly in connection with Russia or in the course of describing the route of travel, if it happened to pass through the steppes.

In 1394, a Bavarian soldier Johann Schiltberger fell into Turkish captivity (1380 - not earlier than 1438). Over the next thirty-three years, he and his masters traveled to many countries, including the Golden Horde, and in 1427 fled to his homeland, where he described his wanderings. Another European, Rui González de Clavijo (d. 1412), Ambassador of the Castilian King Henry III to Timur in 1403-1406, heard about Edige's career and power [12]. The next noteworthy Western emissary was Martin Bronevsky (d. At the beginning of the 17th century), sent in 1578. by the Polish king Stefan Batory to the Crimea to Khan Muhammad Girey II. Bronevsky lived in the Crimean yurt for more than nine months and upon his return described his impressions of the local affairs ("Tartariae Descriptio", Description of Tatarstan). In

---

particular, he showed the role of the Nogais in the Crimean dynastic feuds of the XVI century. and the nature of the relationship between Bakhchisarai and the Nogai Horde.

Dominican monk Jean de Luc (Giovanni Lucca) in the mid-1620s traveled the Crimean Black Sea region, the North Caucasus and Transcaucasia. In the story of his journey (the original name is unknown, the original is lost), he showed the resettlement, occupation, and lifestyle of the Nogais, obeying the Girey, as well as the Budzhaks (Luke 1879). A colleague de Lucas of the order of Emiddio Dortelli d'Ascoli during the same period observed the life of Crimea from the inside, as he settled there for more than a decade. Upon his return to Italy, on the basis of personal observations and questions, in 1634 he drew up *Descriptione del Mar Negro e della Tartaria* (Description of the Black Sea and Tartaria), where he shared information about the rebellion of the Mangyt leader Hantimur against the Bakhchisarai monarchs and generally about the political the role of the Nogai in the Khanate, reflected their ethnographic features.

Around the time d'Ascoli left the Black Sea region, the French engineer Guillaume de Beauplan (ca. 1600-1673), hired by the Polish government to build fortresses in southern Ukraine, appeared there. He was engaged in fortification affairs for eighteen years (1630-1648) on behalf of his patron, King Sigismund III, returned to France and proceeded to *Description d'Ukraine* (Description of Ukraine). During his life in the steppes, Boplan mainly encountered the feet of Bujak and gave them many pages in his work.

In the middle of the XVI century. active diplomatic and trade contacts of Moscow Russia with England began. After the first British visitor - Captain Richard Chansler (mid-1550s) - over the course of several decades, Moscow was visited by a galaxy of brave, curious and purposeful Englishmen who were exploring the possibilities of the Russian market and routes to Persia and India. Let us single out among them Anthony Jenkinson (d. C. 1611), who came to Russia four times, and in 1558-1559 and 1562-1564, traveled from Moscow to Maverannahr and Persia, reflecting it in his *Voyage* (Journey) Following the Volga past Nogai nomads, he was vividly interested in the condition of the local population.

The status of the Nogais in relation to Russia, their political independence in the second half of the 16th century. vividly appear in the work of the Swedish diplomat and historian Peter Petreus de Erlesund (1570-1622). He repeatedly visited Moscow, starting in 1601. For the sake of completeness of his story about Muscovy, he tried to describe the peoples neighboring it.

The last years of the existence of the Great Nogai Horde were found by the German scientist and traveler Adam Olearii (Elsleger, 1603-1671), who visited Russia as part of the Schleswig-Holstein Embassy in Moscow in 1633-1634. and to Persia in 1635-1639. His "Vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung (Description of the trip to Muscovy and Persia) is generally based on his own observations. Those foreigners who were in the royal service were, of course, more knowledgeable about the steppe affairs. However, in their writings, the main emphasis was on domestic Russian problems, and there is very little data on the legs compared to reports and memoirs of visiting ambassadors and merchants.

The early medieval history of the region is touched upon in the chronicle "Jahan-name" of the 17th century Ottoman author. Haji Khalifa He writes that at the mouth of the Yaik River (Dzhanku) there is the city of Swanj (or Svayh), which was previously the capital of the Kumans, and then was rebuilt and populated with legs, whose "khans" now live there [13]. D.Deviz believes that Saraichuk was the pre-Islamic cultural center of Desht-i Kipchak. Researchers studying the history of the Kipchaks of the 9th-12th centuries came to the conclusion that the settlement on Yaik served as the center of Desht's right wing (the center of the left was Sygnak on Syr Darya). At the same time, there is some evidence that the region belongs to the settlement zone of the ancient Bashkir tribes. This zone reached the river basins of the Greater and Lesser Uzeni, Chagan, Chizhinsky spills.

The material monuments of the Golden Horde are known from finds in ancient Tatar cities, such as Saray-Batu, Saray-Berke, and in a number of Crimean settlements. They owed their wealth to trade, tribute and labor of captives. According to medieval descriptions and modern excavations, Sarai Berke is best known. It is estimated that once its population exceeded 100,000 inhabitants. Historians receive some information during excavations of settlements in the Crimea, on the site of the Old and New Sarajevs (the capitals of the Golden Horde on the Volga), as well as the Karakoram in Mongolia.

Classical historiography of the Golden Horde. As was repeatedly noted, the problem of the “empires of the steppes” in world science was the first at a high academic level to be raised by the outstanding French researcher Rene Grusset. The scientist proceeded from the postulate that “great barbarism suddenly invaded the area of developed historical civilizations and within a few months turned the Roman, Iranian or Chinese world into a pile of ruins”[14]. The internal history of the steppes consists of, Grusse concluded, that hordes of Turkic-Mongols clashed with one another because of better pastures, and from endless migrations from pasture to pasture, occurring mainly due to the needs of the herd. The primary factor in human history is the pressure exerted by these nomads on the civilized empires of the south, pressure constantly repeating until the moment when the capture of these empires was carried out. The origin of the nomads was dictated by the conditions prevailing in their native steppes.

Thus, R. Grousse put the climatic factor at the forefront in unraveling the phenomenon of nomadic empires. However, a closer reading of his work reveals that this would be an oversimplified approach [15].

The initial conquests of the Mongols outside of the Indigenous Yurt, Mongolia proper, the forcible annexation of the Turkic peoples of South and Western Siberia, Kazakhstan, and East Turkestan were veiled in nature, accompanied by the use of the slogan of the association of “peoples living behind felt walls”, that is, propaganda of the imaginary the unity of all the nomads of Central Asia. A significant role was played by the Turks in the Golden Horde and the Chagatai ulus, where there were few Mongols, and the area in which they chose their nomads was limited. The Mongols on the western outskirts of the vast empire of Genghis Khan, which were part of the Golden Horde and the Chagatai ulus, mingled with the local Turkic nomadic population - mainly Kipchaks, perceiving their customs and language.

Here the Mongols did not form a compact mass of the population, where their traditions, language, customs and mores would be preserved. Distributed over the vast expanses of Eastern Europe, Kazakhstan and Central Asia, members of the ruling houses of Genghisides and their entourage from among the Mongol aristocracy quickly lost their ethnic features, as evidenced by the Arabic author of the 14th century. al-Omari. Although the highest aristocracy, the khan's house, members of the reigning family, large nomadic feudal lords remembered and were proud of their Mongolian origin, even being largely Turkic. They made up a small percentage of the population of the Golden Horde and the Chagatai ulus.

The conceptual development of the history of the Mongol conquests was presented by the English scientist J. Phillips in his books “Royal hordes: nomadic peoples of the steppes” and especially in the monograph “Mongols”. Phillips sees the history of the Mongol empire consisting of four periods, each of which is correspondingly devoted to a section of his book. In the first section, the author considers the Mongols and Mongolian society at the beginning of the XII century as carriers of the nomadic tradition of the steppe. The second part of his book is devoted to the history of the conquests of Genghis Khan, his career and the creation of a single Mongolian state. In the third part, Phillips examines the situation in the Mongolian state with the closest successors to Genghis Khan - Ogedei, Guyuk and Munk. And finally, the last part is devoted to the development of the successor states of the Mongol Empire - China under the Yuan, Iran under the Ilhans, Central Asia under the Chagataids and the Golden Horde.

Under Abu Saeed (1316-1335), the state of il khans collided with internal feuds. This was used by Janibek (1342-1357), who extended the power of the Golden Horde south of the Caucasus. In 1357, he captured Tabriz, where he soon died, probably from the plague that spread at that time in the Middle and Middle East on its way to Europe. B. Brentjes and L. Albaum propose to consider the official date of the termination of the existence of the Mongol Empire in 1368, when the power of the Mongols in China was overthrown, and they were replaced by the Ming dynasty [16].

In the second half of the XIV century, the Golden Horde loses its dominant position in Eastern Europe. In order to oppose the strengthening of Moscow, the Golden Horde was forced to make an alliance with Lithuania, however, the Grand Duke Dmitry Donskoy managed to defeat the forces of Mamaia on the Kulikovo field on September 8, 1380, before their connection with Jagiello. For some time, the Golden Horde managed to restore its power under Tokhtamysh, but the subsequent defeat was all the more terrible [17]. This author believes that Tokhtamysh was able to become the greatest ruler of the Golden Horde; its political horizon stretched from the Baltic Sea to Egypt and Iran. He established friendly relations with Poland and Lithuania, sought to create an alliance with the Egyptian Mamelukes and eliminate the strategic threat to the Horde from Turkestan (Samarkand) and Iran, which fell under the control of Timur. The first step in this direction was the subjugation of the White Horde in the lower Syr Darya.

In 1382, he regained power over Moscow. However, his strategic mistake was the support of Tamerlan, or Timur, with whom he came into conflict over the Caucasus. In 1395, he was defeated by the latter and lost control of the Horde, and power passed to the Necingizid, like his patron Timur, to Edig. The death of this de facto ruler of the western ulus of the former Mongol power in 1419 marked the beginning of the end of the Golden Horde. On the ruins of the state created by Batu Khan, the Crimean, Kazan and Astrakhan Khanates arose. Under Mengi Girey, the Crimea got rid of the influence of the Genoese and annexed the former capital of the Golden Horde, Sarai in 1502.

This moment is considered the official end of the history of the Golden Horde, from which the Kazan Khanate had fallen earlier, and in 1438 the so-called Great Horde. Crimean rulers regarded themselves as the legal successors of the Golden Horde and thus its successors in relation to Russia. Assessing the historical role of the Crimean Khanate, Sinor concludes that for more than two centuries it played an outstanding role in international relations in Eastern Europe. The Crimean cavalry was widely and effectively used by Turkey and Poland against Russia, Sweden, the German states and Hungary. But the Crimean khans were not only rulers of soldiers, but also the patron of sciences and arts.

Kazan Khanate arose as a result of civil strife inside the Golden Horde in the middle of the XV century. The official date for the institutionalization of Kazan can be considered as 1445. Sinor believes that these states, the heirs of the Golden Horde, had little chance of survival. The last ruler of Astrakhan, Dervish Ali was only a nominal ruler, "a puppet in the hands of the Russian tsar."

The Mongol era became the foundation for the creation of the so-called Eurasian theory G. Vernadsky, a famous scientist, scientist, professor at Yale University. This concept was presented by him in the third volume of his *History of Russia* (1953), which is dedicated to the Tatar-Mongol period (XIII-XV). This fundamental study, based on excellent knowledge of sources and Russian pre-revolutionary, Soviet and Western literature, originally interprets the influence of Mongolian, or Mongol-Turkic rule on the formation of the Russian state. The essence of Vernadsky's concept lies in the recognition by the Mongols of priority in creating a Eurasian historical community. The author formulated the main aspects of the impact of the Mongols on statehood, economy, social relations and the culture of the conquered Russian principalities.

Vernadsky proceeds from the fact that during the Mongol invasion, the city democratic institutions of Eastern Russia, which flourished during the Kiev period, were destroyed. Cooperation between the Mongols and princes against the political institute of the *veche* in cities led, according to Vernadsky, to the formation in Russia of a new, more authoritarian and despotic type of government that was adequate to the Horde form of statehood. However, the Horde, Vernadsky notes, stubbornly resisted the strengthening of any principality, and only extraordinary circumstances forced Tokhtamysh, and then his successors to agree to a territorial increase in the Moscow principality.

Another important step for strengthening Russian statehood, the author concludes, was the recognition by the Mongols of the dynastic rights of the Russian princes (Rurikovich, Gediminovich, etc.) in accordance with the principle of one ruling house. It was supported by the Khan's conferment (label) and facilitated the recognition by the Russians of Mongolian suzerainty. In addition, the khans had supreme judicial power over the Russian principalities; The Russian Orthodox Church was protected by the Khan's label from any encroachment on its rights and privileges. All these elements of the political life of the Horde and Russia gradually formed like bricks into the foundation of what Vernadsky calls the "Eurasian community". After the weakening of the Horde, the great autonomy of the Russian lands became natural, but the Russian princes considered the Mongol system of government convenient for themselves and left it unchanged. Based on Mongolian principles, it was created in the late XIV-early XV centuries. the great-tax system of taxation and the organization of the army [18].

Y. Phillips in his book devotes a special chapter to the Golden Horde. Having replaced his father, Jochi, as a Kipchak khan, Batu inherited vast possessions stretching from the Aral Sea to Eastern Europe. By the time of his death, as a result of all military campaigns, the western border passed from the mouth of the Danube to the north through the Carpathians to the Hill (present Helm in Poland) and Lublin, and then to the northeast to the Gulf of Finland and Lake Ladoga. An indefinite northern border ran along the forests until he annexed the upper Ob. The eastern border went south from the Ob through the Irtysh to the lower reaches of the Amu Darya and Syr Darya. The southern border went from the Amu Darya to the west to the shore of the Caspian Sea of Kara-Bogaz-Gol Bay, and from the western coast of the Caspian Sea from the Terek to the south and then north to the Black Sea. Not all of these territories were directly subordinate to the khan.

The book of two prominent Soviet historians - academicians B.D. Grekov (1882-1953) and A.Yu., is considered classic. Yakubovsky (1886-1953) "The Golden Horde and its fall" (1950). Despite the fact that the book was first published in 1950 and did not escape the ideological attitudes of that time, many of the provisions of this work remain relevant to this day [19]. Researchers concluded that as a result of Mongol campaigns in the vast territory of Desht-i-Kypchak and a number of regions adjacent to it, a large state was formed, referred to in the eastern sources as *Ulus Juchi*, or the Blue Horde. In Russian chronicles, the state is called the Golden Horde, although it is still not clear how and why this last name arose.

Muslim sources (Arabic, Persian, Turkic) have three terms - "*Ulus Juchi*", "*Kok-Horde*" and "*Ak-Horde*" - each of which either coincides with the Golden Horde, or is part of it, or overlaps it. It is difficult to establish the exact boundaries of the *Ulus Juchi*, especially along the vast steppes that made up the bulk of the *Juchi yurt*. In the northeast, the Golden Horde was part of the Bulgar with its region, in the north the border passed through the Russian principalities, in the south the Golden Horde owned on one side the Crimea with its coastal cities, on the other - the Caucasus to Derbend, and sometimes to Baku, also northern Khorezm with the city of Urgench, in the west - the steppes from the Dniester and further, and in the east - to Western Siberia and to the lower Syr Darya.

The Golden Horde khans, starting with Batu, the de facto founder of the new Mongolian state, were well aware of the economic aspect of the southeast of Europe where they came as conquerors and organizers of the new state. Batu took part in all the main military enterprises of the Mongols (Tatars), sending his troops to help the main army and hoping, of course, to get his share of the booty. Batu Khan did a lot to restore all the conquered areas to their former trading life, which was cut short so quickly due to the devastation as a result of the Mongol conquest. And in all this Batu showed a lot of cruel skill and foresight. Under Batu, the relations of the Golden Horde with the center of the Mongol empire were completely established.

Following the example of the organization of Genghis Khan's troops, the Golden Horde khans apparently had a guard, mainly from the feudal aristocratic elite (mainly youth), called the *cache*. Holding in their hands command places in the army, which consisted of the feudally dependent nomadic and semi-nomadic population of *Desht-i-Kypchak*, the feudal lords of *Ulus Jochi* could actually feel like masters of the state and, in case of discrepancy with the policy of their khan, oppose their firm will to him. With such military force, they could not but give the entire state of the Golden Horde a military-feudal character. And this is all the more true that the Golden Horde continuously waged military operations against its neighbors, or even simply against some *Noyons* or *Emirs*: for example, a long struggle in the second half of the 13th century. Golden Horde khans against the famous *Temnik* of *Nogai*.

In the Golden Horde, the khanate handed out a huge amount of land with peasants sitting on them, and in some cases gift labels were accompanied by *tarhana* labels, that is, letters that freed the population of this land from all or most of the duties in favor of the state and, thus, provided most of the surplus product of the direct producer in favor of the feudal owner. The highest point of the military power of the Golden Horde was the time of the *Uzbek Khan* (1312-1342). His authority was equally authoritative in all the lands of his vast possessions. The first signs of decline appeared already under *Janibek Khan* (1342-1357). *Ak-Orda*, i.e., the *White Horde*, which from the military point of view was the left wing of the troops of *Ulus Jochi*, is called the *Blue Horde* in Russian sources. It's hard to pinpoint the borders of *Ak Orda*. In *Desht-i-Kypchak*, including in the steppes of *Ak-Orda*, the majority of the nomadic population were *Kypchak* tribes. The Mongols did not make fundamental changes in the ethnic composition of the *Kypchaks*; on the contrary, the Mongols themselves were jailed; on the example of two large Mongol tribes - *Kungrats* and *Mangits*, which later became known as *kicking*. The fall of the Golden Horde, scientists associate with the campaigns of *Timur*.

The 1st volume of the *Cambridge History of Islam*, was created by the efforts of an international team, including *B. Shpuler*, *A.N. Kurat*, *A. Bennigsen*, *S. Lemersier-Kelkezhey*, *K. Lambton*, *B. Lewis* and others. The general background to the parts related to the history of Central Asia was set by the German orientalist *B. Shpuler*, who proposed to consider the Islamic civilizations of the Golden Horde and Central Asia as self-valuable phenomena, and the role of nomads in the history of the region as a destabilizing element. This concept of the civilizing role of Islam in the Turkic world was eagerly supported by his colleagues [20]. *Bertold Shpuler*, known as an "ostforsher" (that is, a participant in a research program to study the USSR and socialist countries), still remains one of the largest figures in 20th Century German Orientalism. In 1939, *Shpuler* entered Mongolian studies with the monograph "Mongols in Iran," which reflected the century and a half history of the *Ilkhans* in Iran. But for us, first of all, is another prominent work by *Shpuler* - "The Golden Horde: the Mongols in Russia in 1223-1502" [21].

In fact, *Shpuler* created a truly scientific concept of studying what was mythologized under the name of the so-called "Tatar-Mongol yoke." *Shpuler* considered the history of Russia XIII-XV centuries. an integral part of the history of the Golden Horde based on the political, economic, cultural and genetic synthesis of nomads and their protagonists - sedentary inhabitants of Eastern Europe. Subsequently, these ideas of *Shpuler* about the symbiosis of nomadic and sedentary societies were developed in his numerous works devoted to both the Mongolian era

and the history of Central Asia in the Middle Ages. One of the enduring advantages of the first and subsequent editions of the Golden Horde is the detailed genealogy of the Golden Horde khans. Among the other important works of Shpuler on Mongolism are the books "Mongols in History" (1961), "History of the Mongols in Eastern and European Testimonies of the 13-14th Centuries" (1968) and his report at the XIV International Congress of Historians in 1975 "Mongolian nomadism" in settled society: The Golden Horde. "

The book of the English media scientist Charles I. Halperin "Russia and the Golden Horde: the contribution of the Mongols to medieval Russian history" (1987) provoked a mixed response in its time, both among specialists in medieval history and in circles who were fond of reading literature about the past. Interest, first of all, was fueled by an extraordinary approach to the problem, caused by a radical breakdown of the old ideas about the almost three hundred-year-old dominance of the Mongolian model of government in Eurasia. The author abandoned the orthodox understanding of one of the longest periods of the redivision of the world according to the parameters of the sources and causes of imperial conquests, as well as their consequences from the point of view of further development. As an independent researcher, free from "torture by patriotic criticism," Halperin in a comparative series analyzes both the sources of ancient Russian literature and the vast array of works of Orientalists of the Golden Horde period from the position of correlation between the strengthening of the Mongol power and the socio-political evolution of its provinces, completely rejecting the racist concept in against the "nomad barbarians." Using the method of comparative comparison, as well as linguistic analysis, Halperin gives an exhaustive picture of the functional capabilities of the "ideology of silence" used by medieval chroniclers.

This is how Halperin sets forth the "Russian theory" of Mongol rule. He writes that the Mongol conquest and the years of oppression that followed led to a very sensitive issue for Christian authors and intellectuals in Russia. The non-standard nature of interstate and often business relations of Russia with hated religious enemies even before that, of course, created certain difficulties for the Eastern Slavs, who for many centuries traded, entered into marriages and unions with the steppe counterparts. For a long time, Russian chroniclers learned to bypass risky conclusions about the situation using the ideology of silence, as Christian and Muslim scholars did in similar circumstances around the perimeter of medieval ethno-religious borders. With the implementation of the Mongol conquest, the Russians faced a new and much greater threat to the religious and intellectual foundations of their culture: they, the support and representatives of the invincible god, were quickly and without problems conquered by pagan hordes, whose power for the foreseeable future seemed insurmountable. The solution of this second intellectual problem on the part of the Russians proceeds from the same approaches as in the solution of the first problem [22].

The ambiguous status of Russia as part of the Golden Horde, the absence of a regime of permanent presence of the Mongolian troops, as well as the legacy of contacts with the steppe nomads since the Kiev period, all this gave the Russians the opportunity to avoid both deep rethinking and the widely publicized nature of the relationship between Russia and the Mongols . Two points contributed to this: the rule of Russia outside its borders, as well as the prevailing Kiev ideological tradition [23]. The English scholar J.E. Boyle (Cambridge) investigated the title of founder of the Golden Horde Batu Khan [24]. He came to the conclusion that the common Batu title "Sain Khan" epithet does not mean "good" or "smart", but simply "deceased".

Among the states-heirs of the Golden Horde should include the Astrakhan Khanate. The first turned to a special study of the history of the state in Astrakhan H.Howors (Howorth). "Among the fragments of the Golden Horde, the Astrakhan Khanate had every reason to be considered the rightful heir to its ancient power. In reality, it was the Golden Horde with significantly reduced territory, limited to the modern (Howors) Astrakhan and Caucasian

---

governorates, but it was under the rule of princes of the same kind and, obviously, controlled Caspian trade. It is possible that after the death of Kuchuk Muhammad, his two sons - Mahmud Khan and Ahmed Khan somehow divided the Horde among themselves, and the lower Volga turned out to be part of Mahmud Khan". Almost all subsequent scientific (and unscientific) literature relating to the Astrakhan Khanate was, in fact, the development (or repetition) of these provisions of the British orientalist.

One of the heirs of the Golden Horde - along with the Kazan, Astarakhan and Crimean khanates - was the Nogai Horde. As the Soviet / Russian researcher V. Trepavlov wrote[25], the so-called Nogai period existed in the history of some peoples of Eurasia. The Turkic peoples of Eurasia (Nogais, Tatars, Bashkirs, Kazakhs, Karakalpaks, etc.) formed a common layer of heroic epic, the so-called Nogai cycle, which tells about Edig and his descendants. The very figure of the founder of the Mangyt biys, Edige, was sacralized by the Kazakhs and Karakalpaks, who revered him as the patron saint of horses.

For a long time, European and American researchers of nomadic peoples deprived the Nogai Horde of their attention. Stories related to it usually appeared in compilation works, where books, articles and publications of sources in translations into Western languages were retold. The largest of these compilations was the four-volume History of the Mongols by H. Howors, first published in 1876-1927 [26]. Without knowing the oriental languages, the author compiled in the corresponding section all the information available to him from N.M. Karamzin, J. Hammer-Purgstahl, other historians, European translations and paraphrases of Muslim writings and outlined the history of the Nogaev, which he imagined very vaguely. However, for a long time the book of H. Howors was for European readers one of the main manuals on the history of Desht-i Kipchak.

At the same time, work was underway in the West on translations and publications of Oriental sources related to our topic. We note the work of Polish historians on Crimean written monuments [27]. Of great importance for the study of Turkic Yurts of the XV-XVI centuries. had many years of searching in the Turkish archives, undertaken by A. Bennigsen, his students and colleagues. A series of their publications has helped those researchers who do not have access to the documents of the Sultan's office or do not read in Turkish.

As for Turkish historiography, it attracts a number of developments related to Ottoman politics in the south of Eastern Europe, in the Northern Black Sea region. Thanks to the efforts of several generations of scientists, extensive material has been accumulated for analysis and research on the history of the Nogai Horde. At the same time, only in isolated monographic works did the legs act as the central object of study. For most authors, they were only the background for the main theme - the history of Russia, Kazan or the Crimean Khanate, Turkey.

History of the Golden Horde in modern Mongolian studies. This article is caused by the explosive growth of interest in the medieval history of Central Eurasia, in particular - the emergence, expansion and decline of the Mongol power and its heirs. Modern Mongolistics is characterized by the reprint of classical works, substantially revised, expanded and updated, taking into account new sources, research methodologies and the expansion of scientific tools. A remarkable contribution to the development of Mongolistics and Turkology was made by Russian scientists, who until recently belonged to a single Soviet scientific school with us.

One cannot but pay attention to the recent surge of interest in world oriental studies towards the Mongol era as a historical and geographical phenomenon. The foundations of modern Mongol studies, of course, were laid back in the twentieth century; modern science leaves no attempt to study this phenomenon from various angles. All this is understandable, taking into account the influence of the Mongol conquests, the Mongol Empire and its successors in the person of the Golden Horde, Ilkhanid Iran, the empire of Timur, Yuan China and other epigonal entities had on the history of the Eurasian continent and the peoples inhabiting it for several centuries.

The Mongolian period in the history of nomadic civilizations is the most studied in world historiography, and at the same time it is the most brilliant era in the history of Eurasian nomads, who through collective efforts created an empire unprecedented in size, power and influence in the history of mankind. The interest in studying the phenomenon of the Mongol Empire, which has become a geographical prototype of other Eurasian formations colossal in the territory, is still not waning. The history of Kazakhstan and Central Asia is naturally associated with this period.

The basis for any historical research is source study. To understand the Mongolian era, such a source of primary significance remains the “Secret History of the Mongols” - a well-studied apocryphal legend of a not entirely clear origin. In 2005, in the West, it was published with research comments by the Mongolian scientist O. Urgunge. In Russian, the legend was reprinted in 2018. The publication was based on a modern translation of the text (V. Minorsky and G. Vernadsky), supplemented by fragments of laws (from Yasa) and statements (biliks) of Genghis Khan himself. The appendix contains extracts from Turkic (Abul-Gazi), Persian (Rashid ad-Din), Chinese and European sources (J. Karpini and G. de Rubruk). At the moment, this is the most complete and fundamentally prepared edition of the famous source in Russian, which is recommended to everyone who is interested in the Mongolian theme [28].

After almost three decades after the collapse of the USSR and, accordingly, the unified Soviet science and its ideology, the paths of historical schools in different post-Soviet republics inevitably diverge. Nationalism, as part of ideology, naturally takes the place of Marxism, working in favor of the formation of national states in their place. In this case, Russian and Kazakh historiography are no exception.

In this regard, the fate of the Eurasian idea is of interest. If in modern Russia it serves as the foundation for building the concept of Eurasian unity in the person of the Russian Empire (which supposedly was in its difficult history a model of ethnic and religious tolerance) and the USSR, in which internationalism, even if fictitious and deliberate, was nevertheless the basis of ideology, then in Kazakhstan, Eurasianism appeals to the concept of the Great Steppe, the unity of the Turkic (Turkic-Mongolian) world and the contribution of nomadic Eurasian civilization to world history.

Naturally, the field of Mongolian studies (including the history of its constituent parts and epigone states) could not but touch upon such trends. However, still in Russia, Kazakhstan and a number of other republics of the former USSR there remains a group of veteran scientists who continue to work in a paradigm set in the Soviet era and determined by their then formed worldview, preferences and experience. Among these historians, without any doubt, should be attributed Vadim Vintserovich Trepavlov - the author of many monographs on the history of Polovtsy, Mongols, Turkic and other nomadic peoples, as well as on the history of the great steppe empires of Eurasia.

In 2018, his comprehensive monograph “The Steppe Empires of Eurasia: Mongols and Tatars” was reprinted. The story of the creation of the monograph itself is interesting: it includes three works published in different years. This study is about the state system of the Mongol Empire, the history of the (unpublished) Russian principality in the Tatar-Mongolian era and the Battle of Kulikovo, and part of the “History of the Tatars” (including work on the Golden Horde and the Great Horde) [29].

In his new work, a remarkable Soviet historian supplements and revises a number of established ideas about the history of nomadic Eurasia. So, in particular, he addresses the issue of so-called The Eternal Ele (change of dynasties, but not the population), questions the total dominance of the Turks in the pre-Mongol era and raises the question of the role of Persian-speaking tribes (Alan-Ases, Shirin tribe) in the Mongol Empire, cites the example of the Naiman phenomenon (a synthesis of the Mongolian and Turkic). The scientist puts at the forefront the

thesis of a constant trend towards the unification of the nomadic world in the political sense and the parallel institution of atomized small nomadic economic groups. V. Trepavlov came to the conclusion that the organization of the ulus traditional for nomads, who had been in a kind of lethargy between the emergence and disappearance of the steppe powers, always contained the potential to turn it into a nomadic empire under favorable conditions.

V. Trepavlov is sure that the Mongol Empire, having completed the history of the great nomadic powers, has perfected the mechanism for combining nomads, which until then has been periodically put into effect for one and a half millennia. He believes that during the creation of the Mongol Empire, the phenomenon of "imriophilia" manifested itself, which usually accompanied the formation of young empires, i.e. the presence of a firm state order and the possibility of military protection from traditional opponents, as well as access to the huge resources of the conquered territories. According to him, the phenomenon of "Mongolophilia" was clearly manifested during the first campaigns of the voluntary entry of the Turkic peoples of southern Siberia and East Turkestan.

The tendency towards the unification of the Steppe after the Mongol Empire faded away along with the departure of nomadism from the world historical arena as a political and military force. In his book, the author criticizes the approach of Kazakhstani historians to the color designation and relative position of Ak-Orda and Kok-Horde - independent wing provinces of Ulus Juchi, which established that this division applied only to the eastern part of the Ulus (i.e., the left wing). In his opinion, the division into wings during the development of the ulus turned into an abstraction, or tradition - a simple designation of the rank of tribes and their leaders.

The second part of V. Trepavlov's monograph is devoted to the Golden Horde, which he characterizes as a historical phenomenon. Judging by the analysis of the author's text, the uniqueness of this state formation was primarily in the coexistence of two civilizations under one state roof - nomadic, Turkic-Mongolian and subsequently - Muslim, and sedentary - Russian-Slavic and Orthodox. The book closes with the third part, illuminating the historical site of the so-called The Great Horde (Takht Eli) - the last element of the Golden Horde in the south of Eastern Europe (mainly the interfluvium between the Volga and the Dnieper), which remained after its disintegration into various khanates, hordes and yurts. V. Trepavlov studies statehood, economy, territory, ethnic composition, political history and the international situation of this locally-temporary historical phenomenon.

Among the popular science publications on this subject should be attributed the work of M. Burgan "Empire of the Mongols" (2009). The conceptual scheme chosen by the author is extremely simple: Genghis Khan created a colossal empire from Korea to Eastern Europe in the history of Eurasia and all of humanity, controlled by just one family. The main content of the history of the Mongol power was the struggle between nomadism and settled civilizations. The Eurasian power united by the Mongols ensured a stable regime of international trade, created new forms of communication and demonstrated religious tolerance. In terms of the continuity of military tactics and strategy, as well as the structure of power, the author draws a line from Genghis Khan and Khubilai to Tamerlane to the Russian tsars [thirty].

Research by Peter Jackson is no exception. Back in 2005, his book "The Mongols and the West: 1221-1410" was published (that is, from the appearance of the Mongol army on the approaches to Europe to the Battle of Tannenberg). The main idea of the work of P. Jackson was the idea that the Mongols for the Christian world were also allies (saving Frankish principals from the Holy Land, Christian embassies and pilgrims from destruction by Arabs and Mamluks from destruction). The monograph of the specified scientist "Mongols and the Islamic world: from conquest to conversion" (2017) continues this topic. By conversion, the author understands the assimilation of the conquerors by more developed civilizations, in this case, Islamic. But the Western scholar pays more attention to the damage that the Mongol conquests brought to various parts of the Islamic world, including Iran, Iraq (i.e. the Caliphate), Turkey, Afghanistan, Central

Asia (Khorezm) and part of Eastern Europe. However, while the Mongols managed to establish political supremacy, the opposite happened in cultural terms: the adoption of Islam and the civilizational-linguistic conversion [31].

Earlier (2003) this topic was touched upon by J. Lane in his work "Mongolian rule in Iran in the 13th century and the Persian revival". The author proceeds from the fact that the so-called The Iranian revival was a long process, the beginning of which was laid long before the Mongols during the period of intensification of cultural, political and linguistic contacts of the Persian area with the Turkic world. J. Lane continued the Mongolian theme in the monograph "Everyday Life of the Mongol Empire" (2006). The scientist describes the everyday life of nomads in a yurt based on the analysis of traditional folklore, their food (based on meat) diet, the role of alcohol, everyday clothes and religious beliefs. It should be noted that plots so distant from the historical and chronological point of view at the junction with ethnography, based on scarce sources in the absence of the Mongols' own developed script and historical culture, are extremely rare in historical science [32].

The collective work *The Mongolian Middle East*, edited by Bruno de Nicola and Charles Melville (Cambridge, UK), continues the theme of the transformation of the Mongol invaders in conquered Iran, which in turn also underwent a political and economic transformation under the Mongolian Ilhans. The historical collection covers the period 1258-1335. The book consists of four parts, covering respectively the establishment of the Ilkhan government, domestic and foreign policy, and finally the completion of this chapter in the history of Iran. But individual chapters are devoted in general to the role of the Mongolian factor in the Middle and Middle East, and more broadly to the whole of medieval Eurasia and relations with China [33]. The study of Alexander Shirokorad "Russia and the Horde" (published in the World History series) is a typical example of a synthesis of history and relevant political science. The author, as a military historian, devotes almost all 26 chapters of his book to military campaigns of the distant and recent past. The progress of the conquest of Rus by the Tatar-Mongols is described in detail, the role of Prince A. Nevsky and the relationship of the conquered Russian lands with the Horde are analyzed. But gradually, the focus of research is shifting to the Crimean problems [34].

Among the reprinted classic works should be attributed primarily to the book of Prince N. S. Trubetskoy "The Legacy of Genghis Khan," one of the founders of Eurasian theory (based on the article: [The legacy of Genghis Khan. A look at Russian history not from the West, but from the East](#)).- Berlin, 1925. - 60 p.). The author proceeded from the fact that for him, Genghis Khan was not so much a conqueror, but first of all a great organizer. The main idea of the Eurasian philosopher boils down to the fact that the "Shaker of the Universe" fulfilled the grandiose historical task of state unification of a significant part of the continent. He did this through the union of the Steppe, and then on this territorial-state and military-material basis - of the entire Inner Eurasia [35].

Another reprint is the book of the notorious Murad Aji (Murad Eskenderovich Adzhiev - born 1944-2018) "The Saga of the Great Steppe", which was based on the sensational publication of the author "Without the Eternal Blue Sky" [36]. Unlike his other Eurasian predecessors, M. Aji focuses on the contribution to the history and culture of Eurasia not of the Mongols, but of the Turks. This idea runs a red thread through his famous works - "Wormwood of the Polovtsian Field", "Europe. Türks. The Great Steppe", "Kipchaks. The ancient history of the Turks and the Great Steppe", "Kipchaks. Oguzes", "Türks and the world: a secret story", etc. The author's hypothesis about the formation of the Türks as a people in Altai and their resettlement across Eurasia, about the life and life of the people, about its spiritual culture, about the traces of the Great Migration by the author in India and Persia, in the Caucasus and the Urals, in Byzantium and Rome, in Europe.

The author tried to show how, as a result of the resettlement and development of new territories, the country of Desht-i-Kipchak was formed, the territory of which in the 1st millennium supposedly extended from Baikal to the Atlantic and included a significant part of the territory of modern Russia. Adzhiev presented the results of his research in 1994 in the book "Wormwood of the Polovtsian Field. Many of the European and Asian peoples, such as Bulgarians, Hungarians, Koreans, Serbs, Russian, Cossacks Ukrainians, British, [the French](#) and others, according to Adzhiev, are descendants of the Turkic-steppes, dissolved among other peoples and forgetting their roots. The state of the steppes Desht-i-Kipchak lasted until the XVIII century and died after campaigns [Peter I](#), who conquered the free Cossack lands.

An augmented historical biography of A. Karpov "Batu" (2011) was again published in the ZhZZL series, which was clearly anti-Mongolian and hostile to the figure of the main character. According to the author, Batu's personality occupies a special place even among other bloody conquerors, because his name is associated with the terrible Mongol invasion that hit Russia in the late 30s of the XIII century. By the power of the destructive effect on the course of Russian history, it has no equal. This invasion claimed the lives of a huge number of people, obliterated hundreds, if not thousands of cities and villages, completely destroyed the country's economy, nullified entire industries, irrevocably ruined priceless cultural monuments, brought Russia to its knees for two centuries and almost destroying Russian statehood itself.[37]

Another reprint is the book of R. Rakhmanaliev "Empire of the Turks. The history of a great civilization" (2009). The book tells the story of large state formations, to which the term "empire" can be applied to one degree or another. The history of the Turkic world is described by the author in the following sequence: Turkic peoples from the 10th century BC. by V century A.D; Empire of Atilla; The Great Turkic Haganate. Uyghur Kaganate; Türks in the Muslim world; Empire of Genghis Khan; Empire of Amir Temur; Ottoman Empire [38].

The series of the Library of Military and Historical Literature published materials related to the Genghis Khan era, including the included texts "Yasa" and "Bilik" (Genghis Khan's sayings). The testimony of contemporaries of the conqueror from among Chinese intelligence ambassadors and European missionaries is also given. In the collection you can find a lot of information about the military art of the Mongols, their tactics and strategies and the organizational structure of the Mongolian army, the goals of the military doctrine of the "single autocracy" [39].

A study by Michael Pop (Yonsey University) of "Politics and Traditions in the Mongol Empire and Iran under the Ilkhanis" is an interpretation of the process that led to the evolution of the ulus of an early Mongol power into a successful Muslim state throughout the Middle East after 1258, known as the ulus ilkhanov. The author conducts a detailed study of the origin and essence of the differences between the two main carriers of the Genghisids political culture. In his opinion, the ideological contradictions logically arising from the political ones also led to the split of the Ilkhan powers from the Mongolian domain. The ideological split was further strengthened by the entry of the Mongol rulers of Iran into Islam, and in its Shiite form, which was reflected in the confrontation with other uluses that converted to Islam in the Sunni form, primarily with the Golden Horde [40].

In 2018, Francesca Fiachetti (Hebrew University of Jerusalem) launched a reprint of the classic work of Paul Buell (independent researcher, Seattle), The Historical Dictionary of the Mongolian World Power (2003). This dictionary covered the terminology on the history of the Mongols of the pre-imperial period, the Mongol Empire itself and the era of the heirs of Genghis Khan after the loss of the unity of the state. The second edition significantly expanded historical materials, going far beyond just a terminological interpreter. The collection includes a chronological part, various tables on cryptology, a glossary, curriculum vitae, essays on economics, politics, religion, foreign policy and culture of the Mongol Empire (900 in total).

Thus, the expanded reprint of P. Buell's work not only enriched the world Mongolism, but also became a first-class source for all researchers who are involved in the Mongol era [41].

The issue under consideration of the Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences contains a collection of articles prepared by an international team of authors and devoted to urgent problems of nomadic studies. The book considers the contribution of nomads of antiquity and the Middle Ages to the culture of settled civilizations, analyzes the contacts of Turkic nomads with neighboring peoples, highlights a number of issues of their ethnogenesis, archeology, anthropology, ideology, and military affairs. The materials of the collection cover the period from the Hunnu era to the present and include data on Eastern Europe, Western, Middle and Central Asia [42].

A monograph by well-known Russian orientalists D.M. Timokhin and V.V. Tishin (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences) is devoted to the consideration of the interaction of the state of Khorezmshah-Anushteginid with the tribes of East Desht-i Kipchak in the XI - early XIII centuries and involves the first special study on this issue. The subject of the work is related to the absence (with rare exceptions) of a full-fledged monographic study of the history of the relationship between the state of Khorezmshah-Anushteginids and the steppe world [43]. The monograph of Y. I. Drobyshev, an employee of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, is devoted to the role of the climate factor in the life and political history of the nomadic peoples of Central Asia, which is closely related to the concept of the sacred nature of the supreme power, which makes this work apart from numerous other studies of this kind. The central idea of the book is presented in the relationship of climate and military affairs. The book shows how the weather decided the fate of military clashes [44].

The study by Doris Behrens-Abuseif "Practical diplomacy in the Mamluk Sultanate" is interesting in that it draws attention to this period of the medieval history of the Muslim world not only by the fact that the Mamluks were in power in the sultanate - mainly immigrants from the great Eurasian steppes, mainly Kipchak Turks. Based on a detailed study of the nomenclature of diplomatic gifts to the Mamluk court, the author is convinced that this region (Egypt, Levant, Palestine, Syria) was an integral part of the Silk Road, culturally and civilizationally connected with Central Asia [45]. Erica Monaghan's book *Siberian Merchants* considers an attempt to revive the old meaning of the ancient Silk Road trade routes, but this time in the opposite direction - from the West (from Russia) to the East. In this case, the impetus was the conquest of colossal Siberian spaces by the Moscow, then the Russian state, starting from the end of the fifteenth century. The study is built, which is understandable, mainly on the materials of the Russian archives. The subject of the study directly affects the history of the Turkic world in the post-Mongol era in the form of fragments of the Golden Horde, the Siberian and Kazakh Khanates, Xinjiang and Central Asia [46].

The Silk Road research by Peter Frankopan (Dr. Center for Byzantine Studies at Oxford University), which seeks to be fundamental, is intended to illuminate the colossal period in the history of Eurasia, the Mediterranean and Africa and all of humanity, spanning about 2000 years. However, the focus of the book is aimed at the historical role of Inner Eurasia and its role in the establishment of the trade and economic paths of antiquity and the Middle Ages, and even more broadly - of the great religions and civilizations of the continent [47].

For us, of most interest is the study of J. Lee, "Kazaklyk, or ambitious robbery, and the formation of the Kazakhs: state and identity in post-Mongolian Eurasia". The term "Cossack" (Cossack), the author uses as a synonym for robbery vagrancy, so characteristic of Eurasia in the post-Mongol era. The researcher connects this phenomenon, which extends down to the Black Sea steppes among the mixed Slavic-Turkic population, with the political aspect. As a result of "political vagrancy," in the words of the author, the Kazakh nation emerged as a special

phenomenon, and not a breakaway part of the Uzbek ulus. The emergence of Kazakhs, the author believes, (as well as many other peoples and states of Eurasia) would have been impossible without the collapse of the rigidly centralized and hierarchized system of Mongolian rule, including as the political heritage of the Golden Horde [48].

Conclusion. Thus, the Mongol conquest of Central Asia and Kazakhstan, as well as other countries, was accompanied by the mass death of the nomadic population - Naimans, Kireites, Kypchaks and Kangles, who stubbornly resisted the invaders. The Karluks, Onguts, Uyghurs, and that part of the Kypchaks, Kangles, Naimans and Kireites, who obeyed the Mongols without resistance, but under the threat of conquest, also suffered serious losses as a result of the total mobilization of their human and economic resources. As for the Golden Horde and the Chagatai ulus, the Mongol ruling minority was gradually Turkized in the mass of the Turkic nomadic population close in terms of economic structure. Thus, the Mongol conquerors everywhere created a multi-ethnic administrative apparatus.

In the Golden Horde, the Mongols were assimilated by the Turkic local population, and the Batu power served as a source for the formation of such Turkic states as the Nogai Horde, Kazan, Astrakhan, Kazakh and Crimean Khanates after the collapse of the Golden Horde.

Nevertheless, as history testifies, the Türks played a significant role in the political and cultural life of China, Central Asia and Eastern Europe during the era of Mongol rule.

Thus, the history of the Golden Horde is a distant past, but it still causes controversy. Thus, the task of researchers, regardless of ethnic (Turkic or Slavic) affiliation, is to work for mutual understanding of peoples, and not for their division.

ИСТОРИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В МИРОВОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ: КРАТКИЙ ОЧЕРК

М.Т. Лаумулин

д.полит.н., проф., ГНС Казахстанского
института стратегических исследований при Президенте РК,

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы становления и развития востоковедных школ в контексте изучения Золотой Орды, Центральной Азии и Внутренней Евразии. Изучаются основные направления в исследовании истории этого монгольского образования. К ним относятся такие направления, как концепции нomaдизма и культурологии кочевничества, тюркология, алтаистика и языкознание, кипчаковедение о ранней и средневековой истории Орды. Особое внимание уделяется изучению истории и этнографии казахов, преимущественно в западном востоковедении. Статья показывает помимо прочего преемственность и взаимосвязь востоковедения и политологии в контексте изучения Золотой Орды и Центральной Азии.

Ключевые слова: Золотая Орда, Казахи, Казахстан, Центральная Азия, востоковедение, тюркология, политология, куманология, кипчаковедение, монголистика, монголоведение.

REFERENCES

1. Христианский мир и «Velikaya Mongol'skaya imperiya». Materialy` franciskanskoj missii 1245 goda [The Christian world and the "Great Mongolian Empire". Materials of the Franciscan mission of 1245] – SPb: Evraziya. 2002. 478 p. [in Russian].

2. Shastina N. Vstupitel'naya stat'ya [Introductory article]. *Puteshestviya v vostochny'e strany` Plano Karpini i Rubruka*. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury, 1957. pp. 3-20. [in Russian].
3. *Kniga Marko Polo*. Seriya: Puteshestviya. Otkry'tiya. Priklyucheniya [The Book Of Marco Polo. Series: Travel. Openings. Adventures]. Alma-Ata: Nauka. 1990. 352 p. [in Russian].
4. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashhixsya k istorii Zolotoj Ordy* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde]. St. Petersburg, 1884. Vol. 1. Extracts from Arabic works; M.; L., 1941. Vol. 2. Extracts from Persian works collected by V. G. Tizengauzen and processed by A. A. Romaskevich and S. A. Volin. [in Russian].
5. Shaomin Ke. *Sin Yuan-shi* (Novaya istoriya dinastii Yuan [New history of the yuan dynasty]) // *Czunshu-cze`ichen, e`rshi-ushi*. Shanxaj, 1938. T.8.; *Yuan`-shi* (Istoriya mongol'skoj dinastii Yuan). Soin-bonaben, Ershi-SSHI. Beijing-Shanghai, 1958. [in Russian].
6. Grigor`ev A.P., Frolova O.B. *Geograficheskoe opisanie Zolotoj Ordy` v e`nciklopedii al-Kalkashandi* [Geographical description of the Golden Horde in the encyclopedia al-Kalkashandi]. *Tyurkologicheskij sbornik - Turkological collection*. Moscow: Nauka, 1986. pp. 261-280. [in Russian].
7. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol. I-II. Excerpts from the writings of Arab collected by V. G. Tizengauzen. - St. Petersburg, 1884; Vol. II. Extracts from Persian works collected by V. G. Tizengauzen and processed by A. A. Romaskevich and S. L. Volin. - M.; L., 1941. [in Russian].
8. Ibatov A. *XIV gasyrdagy xandar zharlyqtarynyn tili* [Language of khans ' decrees in the XIV century]. (The language of Khan labels XIV in) - *Almaty`: Gylym*, 1990. 151 p. [in Kazakh].
9. Tizengauzen V. G. Collection of materials. T1. Pp. 46-64. [in Russian].
10. *Voyages d'Ibn Batoutah*. Texte arabe. - Paris, 1853-1858. T.I-IV; Тизенгаузен В.Г. *Сб.материалов*. T.I. C.278. *The Travels of Ibn Battuta A.D.1325-1354*. - Cambridge, 1958, 1961 (HS, 2d series. CX). V.I-II.
11. Ligeti L. *Prolegomena to the Codex Cumanicus*. – *Acta Orientalia Hungaricae*. Budapest. 1981. T. 35, Fasc. I, p. 1-54.
12. Rui Gonsales de Klavixo. *Dnevnik puteshestviya v Samarkand ko dvoru Timura (1403-1406)*. [Diary of a journey to Samarkand to the court of Timur (1403-1406)] (I. S. Mirokova. Trans). M. 1990. [in Russian].
13. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tiikles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. - University Park, Pennsylvania, 1994. - 656 p.
14. Grusse R. *Imperiya stepej. Istoriya Central'noj Azii (s drevnosti do trinadczatogo veka)*. *Uchebnoe posobie* [Empire of the steppes. History of Central Asia (from antiquity to the thirteenth century). Textbook]. *Almaty: Sanat*, 2003. pp. 7-10. [in Russian].
15. Grousset R. *Conqueror of the World*. – New York: The Orion Press, 1966. Grousset R. *Die Steppenvölker*. – München, 1970.
16. Brentjes B., Albaum L.I. *Herren der Steppe. Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Völker in islamischer Zeit*. – Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaft, 1986. – 192 S.
17. Sinor D. *Inner Asia: History, Civilization, Languages. A Syllabus*. – Bloomington: Indiana University Press, 1969 (third reprinting - 1987).- XXII + 261 pp. (Uralic and Altaic Series - 96).
18. Vernadsky G. *The Mongols and Russia*. - Yale. Yale University Press, 1953. - 473 p.
19. Grekov B.D., Yakubovskij A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [the Golden Horde and its fall]. M.: Bogorodskij pechatnik - Bogorodsky printmaker. 1998. 368 p. [in Russian].
20. Wolseley H. (Sir) *The Cambridge History of India*. Vol.III: *Turks and Afghans*. – Cambridge, 1928.
21. Spuler B. *Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland. 1223-1502*. – Leipzig, 1943. Spuler B. *The Muslim World. A Historical Survey*. Trans by F.R.C. Bagley. – Leiden: Brill, 1960. Pt.I – 138 p.; Pt.II – 125 p. Spuler B. *Geschichte Mittelasiens // Geschichte Asiens*. Hrsg. von E.Waldschmidt. – München, 1950. Spuler B. *Mittelasiens seit dem Auftreten der Türken // Handbuch der Orientalistik*. 1966. Vol.5. Pt.5, S.123-310. Spuler B. *Gemeinsamkeiten der (west-) innerasiatischen Entwicklung seit 1600 // Ural-Altäische Jahrbücher*. 1996. Bd.33, S.180-186.

22. Halperin Ch.J. *Russia and the Golden Horde: The Mongol Impact on Medieval Russian History*. – London, 1987.
23. Turkological collection-2001: the Golden Horde and its heritage. Vol. 98. Ed.: S. G. Klyashtorny (pred.) and others. – Moscow: East lit., 2002. 302 p. [in Russian].
24. Boyle J. A. The Posthumous Title of Batu Khan // *Proceedings of the IXth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference*. – Naples, 1970, pp. 67-70.
25. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogajskoj Ordy [History of the Nogai Horde]*. M.: Vostochnaya literatura, 2001. 752 p. [in Russian].
26. Howorth H.H. *History of the Mongols: From the 9th to the 19th Century*. Pt 1. – N. Y., 1965. – 771 p.; Pt 2. – N. Y., 1965. – 1121 p.
27. Zajqczkowsky A. *La chronique des steppes kiptchak*. Ed. crit avec la trad. française du XVIIIe siècle. – Warszawa, 1966 – 180 s.
28. Onon Urgunge. The Secret History of the Mongols. The Life and Times of Chingghis Khan. – London & New York: Routledge Curzon Press, 2005. — VI+300 pp. Чингисхан. Сокровенное сказание. – М.: Издательство «Э», 2018. – 480 с.
29. Trepavlov V.V. *Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatory [Steppe empires of Eurasia: the Mongols and the Tatars]*. 2-e izd. M.: Kvadriga, 2018. 368 p. [in Russian].
30. Burgan M. *Empire of the Mongols*. – Chelsea: Chelsea House Publications, 2009. – 160 p.
31. Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. – London, New York: Routledge, 2005. – XXXIV+414 pp. Jackson P. *The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. – Ceredigion (Wales, UK) – Llandysul: Gomer Press, 2017. – XX+614 pp.
32. Lane G.E. Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran: A Persian Renaissance. – Leiden: Brill, 2003. – XXIV+330 pp. Lane G. *Daily Life in the Mongol Empire*. – Greenwood: Greenwood Publishing Group, 2006. – 240 p.
33. Nicola B., Melville Ch. (eds.) *The Mongols' Middle East: Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran*. – Leiden: Brill, 2016. – 346 p.
34. Shirokorad A.B. *Rus' i Orda [Rus and Orda]*. Moscow: Veche. 2018. 480 p. [in Russian].
35. Trubetskoy N.S. *Nasledie Chingisxana [Legacy of Genghis Khan]*. M.: Izdatel'stvo «E», 2017. 576 p. [in Russian].
36. Adzhi M. *Saga o velikoj stepi [Saga of the great steppe]*. – M.: AST, 2016. – 601 p.
37. Karpov A.Yu. *Baty [Baty]*. 2-e izd. M.: Molodaya gvardiya, 2017. 348 p. [in Russian].
38. Raxmanaliev R. *Imperiya tyurkov. Istoriya velikoj civilizacii [Empire of the Turks. History of the great civilization]* – M.: RIPOL, 2018. 704 p. [in Russian].
39. Melekhin A.V. (in co-author). *Chingisxan [Genghis Khan]*. (A.V. Melekhin and G. B. Yaroslavtsev. Trans). Moscow: AST, 2018. – 320 p. [in Russian].
40. Hope M. *Power, Politics and Tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran*. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – X+238 pp.
41. Buell P., Fiaschetti F. *Historical Dictionary of the Mongol World Empire*. 2nd Ed. – Lexington (KY): Rowman and Littlefield, 2018. – 420 p. Buell P.D. Historical Dictionary of the Mongol World Empire. – Lanham, Maryland, and Oxford: The Scarecrow Press, 2003. – XLIV+335 pp.
42. *Tyurkskie kochevniki v Azii i Evrope: civilizacionny`e aspekty` istorii i kul'tury`*. [Turkic nomads in Asia and Europe: civilizational aspects of history and culture]. Response. ed.: Vasiliev D. D. Compilers: Vasiliev D. D., Drobyshev Yu. I., Zimonyi I. *Proceedings Of the Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences, Issue 7*. Moscow: IV RAS, 2018. – 268 p. [in Russian].
43. Timoxin D.M., Tishin V.V. *Ocherki istorii Xorezma i Vostochnogo Desht-i Ky`pchaka v XI – nachale XIII vv. [Essays on the history of Khorezm and Eastern Desht-I Kipchak in the XI-early XIII centuries]*. Moskva: IV RAN, 2018. 380 p. [in Russian].
44. Drobyshev Yu.I. *Klimat i xany: Rol` klimaticheskogo faktora v politicheskoy istorii Central'noj Azii [Climate and khans: The role of the climate factor in the political history of Central Asia]*. Moscow: Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences, 2018. – 264 p. [in Russian].

45. Behrens-Abouseif Doris. *Practising Diplomacy in the Mamluk Sultanate: Gifts and Material Culture in the Medieval Islamic World*. - London; New York: I.B. Tauris, 2016. - XXII + 242 pp.
46. Monahan Erika. *The Merchants of Siberia: Trade in Early Modern Eurasia*. – Ithaca and London: Cornell University Press, 2016. – XIV + 410 pp.
47. Frankopan P. *Shelkovyj put` . M.: E`ksmo, 2018. – 688 c.* (Frankopan P. *The Silk Roads: a New History of the World*. – Bloomsbury: **Knopf Doubleday**, 2015. [in Russian].
48. Lee J. *Qazaqlik, or ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs: State and Identity in Post-Mongol Eurasia*. – Boston: Brill, 2016. – XIV+238 pp.

Information about the author:

Murat T. Laumulín, Doctor of Political Science, professor, Chief researcher, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan.

KAZAKHSTAN HISTORIOGRAPHY OF STUDYING THE HISTORY OF JUCHI ULUS

Zh. M. Sabitov
Almaty, Kazakhstan.

Annotation. This article analyzes the Kazakh historiography of studying the history of Jochi Ulus. The emphasis is on three different units of scientific output. 1. Candidate and doctoral dissertations. 2. Research projects and reports on them. 3. Individual and collective monographs. Among all Kazakhstan's dissertations for all the years of independence, only 4 dissertations relate to the history of the ulus of Jochi are highlighted. Among the reports of scientific projects, there are a number of projects that relate to the history of Jochi Ulus. Among the monographs, we can also distinguish a small number of those that are performed at a relatively high scientific level. Scientific articles due to their large number were not considered in this article. The analysis shows that, on the one hand, there is a shortage of scientific research on the history of Jochi Ulus in Kazakhstan. On the other hand, the level of available scientific research on the history of Jochi Ulus is not at a high level.

Keywords: Jochi Ulus, Medieval History, Golden Horde, Kazakhstan, History of Kazakhstan, Historiography, Kazakh historical science.

Introduction. After independence, Kazakhstan had a real opportunity to study ancient and medieval history, regardless of the Communist ideology. After almost 3 decades, we can sum up the development of historical science in Kazakhstan in terms of studying the history of Jochi Ulus. The purpose of this article is to study the Kazakh historiography of studying the history of Jochi Ulus during the years of independence. After analyzing this array of information, we can come to conclusions both on the number of such studies and on their average quality.

Methods and materials. We will use classical methods of historiography analysis. The research materials will be all those scientific works on the history of Jochi Ulus that were published during the years of independence of Kazakhstan.

Results. Over the years of independence, the History of Kazakhstan as a scientific discipline has experienced a quantitative growth. On the one hand, the Soviet ideological framework blocked the study of a number of topics of professional history, since these topics could negatively affect the ideological foundations of the Soviet regime, through the construction of an alternative ideology that would be based on "nationalism". In this case, we use the word "nationalism" purely as a scientific term, without the negative connotations that are common in the mass Russian-speaking culture. On the other hand, in fairness it should be noted that the level of historians who passed the defense of candidate and doctoral theses (except for one layer of "historians of the party") was, on average, higher than the level of historians who defended in the era of "devaluation of degree" caused by the massive distribution of academic degrees in the late 2000s, associated with the closure of all councils on candidate and doctoral dissertations.

Discussion and Conclusions. Below we will try to illustrate how the quantitative growth of interest in the subject of the history of Jochi Ulus, as well as try to assess the qualitative level of these studies.

For the analysis, we will not use the entire set of scientific articles that were published by the authors over the years of independence, as this will make the task very difficult and the volume of analysis of such material will pull on a separate monograph.

In this article, we will consider such units of scientific production as monographs, dissertations, and scientific reports. They will all be divided into two classes, depending on whether the history of Jochi Ulus in these units of scientific production is the main or indirect.

Since the first publication of the academic history of Kazakhstan in the 1940s, the Soviet paradigm began to dominate Kazakh historical science.

A lapidary can be described by the following theses:

1. Before the Mongol invasion, the Kipchak nation had already begun to form on the territory of Kazakhstan.

2. The Mongol invasion interrupted the process. Also, the Mongol invasion led to the decline of urban life in the settlements of southern Kazakhstan.

3. Batu founded the Golden Horde on the Volga in the 1240s. The heirs of the Golden Horde were the Kazan, Astrakhan and Crimean khanates.

4. On the territory of Kazakhstan there was the ulus of Orda edjen, which is called the Ak-Orda (White Horde).

5. The Heirs of the Horde of edjen fought for the independence of their khanate from the Golden Horde. This thesis formed the all-Soviet victimism, in which the ancestors of the Slavic peoples along with the "ancestors of the Kazakhs" fought against the common oppressors.

6. The Kazakh khanate was the heir of the White Horde and had no relation to the Golden Horde.

7. In the Golden Horde lived Tatars, and in the White Horde lived Uzbeks ("nomadic Uzbeks"). The Kazakhs were descended from the Uzbeks ("nomadic Uzbeks").

At the moment, all these from the Soviet paradigm of the medieval history of Kazakhstan have been scientifically refuted.

But in a reduced form, this concept still lives in the state standard for the history of Kazakhstan and in school textbooks. This concept also dominates scientific publications that have been published over the years of independence of Kazakhstan. The following material illustrates this thesis.

A dissertation on the history of the ulus of Jochi. Over the years of independence, Kazakhstan has defended more than 25 thousand theses, of which more than 1 thousand were theses on history. But it is worth noting that in general, there are not so many dissertations on the history of Jochi Ulus. We will list them below.

During all the years of independence, 4 theses were defended, which would directly relate to certain aspects of the history of Jochi Ulus ("Golden Horde"). Here you can select master's dissertations Bayramly B. [13], Uscherba K. Z. [50], doctoral dissertation Kushkumbaev A. K. [37] and a PhD thesis Abdimomunova N. T. [2].

Subsequently, K. Uskenbay and Abdimomunov N. T. on the basis of their dissertations will release a monograph (Abdimomunov N. T. in collaboration with his supervisor).

It is worth noting the dissertations of philologists and linguists: Alimbayeva M. E. [4], Esbosynova E. Z. [16] and Boranbayev S. E. [14].

Also, some aspects of the history of Jochi Ulus were touched by researchers of such related topics as "Medieval Kipchaks" (Kuzembayev N.E. [26] and Anarbayev K. S. [6]), "History of Siberia" (Murat K. M. [39]), "History of Iran" (Zhenis Zh. Zh. [17]), "Russian and Kazakh Turkology" (Tazhmukhanova N.E. [48]).

Researchers of the history of the Kazakh khanate (Karibayev B. B. [21] [22], Sabdenova G. E. [46], Atygaev N. A. [9], Zhusupova L. K. [19]) also touched upon certain aspects of the history of the Juchi Ulus in their dissertations.

There are dissertations on philosophy and pedagogy, which briefly touch on certain minor aspects of the history of Jochi Ulus. These are dissertations of T. M. Alsatov [5], B. B.

Aryngazieva[7], E. T. Kurmanalieva[36], Zh. B. Oshakbayeva [43], B. S. Asankulova [8], D. Zh. Nuketayeva[41], and B. T. Nurimanov[42].

Analysis of reports of scientific projects on the history of Jochi Ulus. Since 1992, Kazakhstan has started to finance various scientific projects. At the moment, the number of interim and final reports on scientific projects is approaching 40 thousand in the database of the National Center for State Scientific and Technical Expertise. Until 2011, projects were issued by the science Committee and other government agencies under their own closed rules. Since 2011, a new law on science came into force, according to which projects were received on the basis of international expertise. This has significantly increased the requirements for Kazakhstan's projects, simultaneously reducing the deviant mechanisms for allocating scientific funding. Below we will analyze all those projects that were carried out in Kazakhstan during the years of independence and related to the history of Jochi Ulus in one way or another.

Here it is worth highlighting different projects both by historical specialization (ethnopolitical history, archeology, translation of sources, etc.) and by the object of research (whether the study of the Jochi Ulus is a primary or secondary task). Let's list the projects under this classification:

I. Ethno-political history:

In the 1990s, funding for science was low. This also applied to historical science. According to the database of scientific projects, in the 1990s, only one project was funded, indirectly affecting the history of the ulus of Jochi.

In 1997-1999, the Institute of history and Ethnology named after Ch. Ch. Valikhanov implemented a project called "the History of the Kazakh state in the middle ages based on Arab-Persian, ancient Turkic and Chinese sources" [31].

In the 2000s, funding for science began to increase.

In 2000, the project " Topical problems of history and historiography of ancient and medieval Kazakhstan" was implemented [15]. In this project, the history of Jochi Ulus was not touched upon as the main object of study.

In 2001-2003, B. E. Kumekov and his co-authors implemented the project "Kipchaks in Eurasia (XI-XIV centuries)" [33]. It also considered the history of Jochi Ulus in the background.

In 2004-2006 and 2007-2009, Kinayatuly Z. was the head of two projects: "Ethnopolitical and socio-cultural aspects of the development of Kazakhstan's statehood in the XIII-XVII centuries" [23] and "Kazakhstan in the system of relations between the peoples of Central Asia" [24]. In the first project, the history of Jochi Ulus was explored a little more deeply than in the second.

In 2012-2014 the following projects were implemented:

1. Project dedicated to the study of Kazakh statehood in the XIII-XV centuries [25].
2. Project dedicated to the Military Affairs of Jochi Ulus in the XIII-XV centuries [38].
3. Project dedicated to writing a new academic history of Kazakhstan in 10 volumes (in 20 books) [3]. Later, the project was extended for another two years, but it was never implemented due to certain unscientific factors.

In 2018-2020, the project "Spiritual world of the Golden Horde", which was implemented by researchers from the city of Turkestan (international Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasavi), began to be funded.

II. Archaeology:

The following projects can be identified in the archeology of Jochi Ulus:

1. Study of medieval graves in Zhetisu [12].
2. Archaeological study of medieval monuments, including the supposed Shiban's stake in Amangeldi and Zhangeldi districts of Kostanay region [44].
3. Study of the medieval settlement of Khan-Ordasy [10], located in the Ulytau district of the Karaganda region, 80 kilometers North of Zhezkazgan.

4. Study of the medieval settlement of Auliekol [47] in the Pavlodar region (rural area of the city of Ekibastuz).

5. Study of the medieval settlement of Syganak [18] in Zhanakorgan district of the Kyzyl-Orda region.

6. Study of the medieval settlement of Bozok [52] in Astana.

It is worth noting that in fact, there are many more archaeological excavations concerning the history of Jochi Ulus, but since archaeological reports are not collected centrally, they are not available to other scientists.

III. Translation of primary sources:

Among the grant holders among Orientalists who studied various aspects of the history of Jochi Ulus, it is worth noting B. E. Kumekov in the 2000s, he implemented the following projects:

1. In 2005, a project to study Arabic, Persian and Turkic sources on the history of the Kipchaks of the IX-XV centuries [28].

2. In 2005-2006 a project of the Muslim historical maps of IX-XV centuries [32].

3. In 2007-2009, a project to study Arabic and Persian sources on the history of the Kipchaks [34].

4. In 2007-2009, a project to study Arabic sources of the IX-XV centuries on the medieval history of Kazakhstan [27].

It is also necessary to consider translations from Eastern manuscripts carried out within the framework of the Madeni Mura project.

From the entire range of sources published under this program, the following volumes of the ICAI series belong to this topic: the 1st volume of the history of Kazakhstan in Arabic sources is an expanded reissue of the first volume of the Collection of materials on the history of the Golden Horde. Some of the primary sources in this volume were revised due to deeper source studies, and some of the sources remained the same as they were in the collection of V. G. Tiesengazen. The second volume of the history of Kazakhstan in Arabic sources did not concern the history of Jochi Ulus. In the third volume of the history of Kazakhstan in the Arab sources, there were only a few materials that relate to the topic of our article.

In the ICPI series (History of Kazakhstan in Persian sources) volume 1 is a translation of the essay from Arabic (and not from Persian, as stated in the series). Volume 2 is a deeply compiled work that has little value as a historical source. Volume 3 is not a well-translated primary source. When translating this source (Muizz al Ansab), a large number of errors were made. Volume 4 is also just a reprint of the second volume of the collection of materials on the history of the Golden Horde. In volume 5, for the most part, the new translations were mainly the works of Zh. M. Tulibayeva. The rest of the translations were made earlier, some were even made during the Soviet period.

In the series of ICTI (History of Kazakhstan in Turkic sources) published in Kazakh, most of the 5 volumes were already published in Russian earlier, and therefore these 5 volumes are not of great scientific value, since the translations presented there are largely secondary.

In 2012-2014, the following research projects were implemented on the translation of medieval sources:

1. Project to study "Ulus-I Arba-Yi Chingizi" by Mirza Ulugbek as a source on the medieval history of Kazakhstan and Central Asia [49].

2. The project "Steppe diplomacy in written sources (XIII-XVIII centuries)", which studied the Labels and letters of the khans of Jochi Ulus, Chagatai, as well as post-Ordyn States of the XIII-XVIII centuries (Kazakh, Crimean, Astrakhan, Siberian, Bukhara and Khiva khanates and the Nogai Horde [11]).

3. Project dedicated to the study of two monuments of the Golden Horde era (Iskandername, Yusuf and Zlica) [45].

4. Project dedicated to the translation of Ibn Najib Bekran's geographical treatise "Jahannameh" [29],

5. Project dedicated to the study of The code of cumanicus [35].

In 2018-2020, B. E. Kumekov also implemented a project dedicated to the historical geography of Kazakhstan based on medieval maps of the IX-XIV centuries [30].

If you view all these source translation projects. With rare exceptions, we often encounter duplication of topics, as well as the lack of clear scientific results that would be reflected in the published translations of various medieval manuscripts or extracts from them.

In his Preface to the Materials on the history of the Kazakh khanates, V. P. Yudin planned to introduce more than 20 new sources into scientific circulation in 1969. But, unfortunately, over the past 50 years, most of these sources have not been introduced into scientific circulation. This shows that the historical science of Kazakhstan in terms of introducing primary sources into scientific circulation has long been in crisis, in "academic procrastination".

Monographs on the history of Jochi Ulus.

Of all the monographs published on the history of Jochi Ulus possible to allocate the following publications:

The aforementioned monograph of K. Z. Uscherba [51], Zhumagulov K. T. and Abdimomunova N. T. [20], and is separately monograph Nogoibaeva M. S. [40], and the monograph Kenzheahmetov N. [1] in the English language.

At the same time, it is worth noting that almost all of these monographs are dominated by the Soviet paradigm of the national history of Kazakhstan, in which the Golden Horde is not the predecessor of the Kazakh khanate, in the Soviet model, this is the phantom state of Ak-Orda (ulus Orda edzhen).

The main conclusions of the study: after analyzing all the above materials, it is worth noting:

1. For the most part, the analyzed materials show that the Soviet model of medieval history dominates in Kazakhstan's historiography (it was formed during the Soviet period and is reflected in various versions of the academic history of Kazakhstan). According to this concept, Kazakh khans are descended from the Horde edjen, the elder brother of Batu. At the same time, its state was called "Ak Horde", and the Golden Horde was considered at a distance from the history of Kazakhstan.

2. Despite a large number of research projects on the medieval history of Kazakhstan, which were funded by the state, there is a fairly low scientific level.

3. At the same time, training of scientific personnel on the history of Juchi Ulus is very rare. The reasons for this are both the general decline in the prestige of science in general, and the decline in the prestige of historical science in particular. The lack of "talented youth" in medieval research leads to the stagnation of this branch of scientific knowledge.

REFERENCES

1. Kenzheakhmet N. The Tukmak (Golden Horde), the Qazaq Khanate, the Shibanid Dynasty, Rum (Ottoman Empire), and Moghulistan in the XIV-XVI Centuries: from Original Sources. Almaty. 2019. 140 p.

2. Abdimomynov N. T. Osnovny`e napravleniya vneshnej politiki Zolotoj Ordy` (XIII-XIV vv.). [Main directions of foreign policy of the Golden Horde (XIII-XIV centuries)]. Dissertation for the PhD degree in history. Almaty. 2011. 207 S. NCSSTE. Registration number: 0612RK00055 [in Russian].

3. Abzhanov Kh. M. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Podgotovka izdaniya "Otan tarixy" v 10 tomax (v 20 knigax)» [Report on research work "Preparation of the publication "Otan tarixy" in 10 volumes (in 20 books)"]. Almaty. 2014. NCSSTE. Inventory number: 0214RK01193 [in Russian].

4. Alimbayev M. E. Kipchakskie antroponimy` XIV-XV vv. (istoriko-lingvisticheskiy analiz). [Kipchak anthroponyms of the XIV-XV centuries. (historical and linguistic analysis)]. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of philological Sciences. Almaty. 2010. 128 p NCSSTE. Registration number: 0410RK01928 [in Russian].

5. Alsatov T. M. Razvitie pedagogicheskoy my'sli v period Kazaxskogo xanstva (XV-XVIII vv.). [Development of pedagogical thought in the period of the Kazakh khanate (XV-XVIII centuries)]. Dissertation for the degree of doctor of pedagogical Sciences. Almaty. 2000. 293 S. NCSSTE. Registration number: 0500RK00092 [in Russian].

6. Anarbayev K. S. Problemy` istorii srednevekovy`x kumanov-ky`pchakov (po materialam "Kodeksa Kumanikusa") [Problems of the history of medieval Cumans-Kipchaks (based on the materials of the "Code of Cumanicus")]. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of historical Sciences. Almaty. 2009. Almaty. 150 S. NCSSTE. Registration number: 0409K01526 [in Russian].

7. Aryngazieva B. B. Sistema chelovecheskix cennostej v filosofii aky`nov-zhy`rau perioda kazaxskogo xanstva (XV-XVIII vv.). [System of human values in the philosophy of akyn-Zhyrau period of the Kazakh khanate (XV-XVIII centuries)]. Dissertation for the degree of candidate of philosophical Sciences. Almaty. 2003. 132 p NCSSTE. Registration number: 0403RK00945 [in Russian].

8. Asankulova B. S. Razvitie idej npravstvenno-pravovogo vospitaniya v period stanovleniya kazaxskogo xanstva (XV v.). [Development of ideas of moral and legal education during the formation of the Kazakh khanate (XV century)]. Dissertation for the degree of candidate of pedagogical Sciences. Almaty. 2010. 140 S. NCSSTE. Registration number: 0410RK00962 [in Russian].

9. Atygayev N. Kazaxskoe xanstvo v XV - seredine XVI veka. [The Kazakh khanate in the XV to mid - XVI century]. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of historical Sciences. Almaty. 2003. 185 p NCSSTE. Registration number: 0403RK00623 [in Russian].

10. Akhatov G. A. Kazizov E. S. Akhatova A. I. Bychkov V. S. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Arxeologicheskie issledovaniya ob`ektov istoriko-kul`turnogo naslediya (gorodishhe Xan-Ordasy)» [Report on research work "Archaeological research of objects of historical and cultural heritage (Khan-Ordasy settlement)"]. Almaty. 2014. NCSSTE. Inventory number: 0214RK03148. 27 p. [in Russian].

11. Basilan N. Tulibaeva J. M. Tagaev N. And. Tuyakbayev O. O. Bekishev A. S. T. Talgat Zhunis K. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Stepnaya diplomatiya v pish'mennyykh istochnikax (XIII-XVIII vv.)». [Report on research work "Steppe diplomacy in written sources (XIII-XVIII centuries)"]. Almaty. 2014. NCSSTE. Inventory number: 0214RK02562. 87 p. [in Russian].

12. Baypakov K. M. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Arxeologicheskaya i istoricheskaya geografiya Kazaxstana (Semirech'e)». [Report on research work "Archaeological and historical geography of Kazakhstan (Semirechye)"]. Almaty, 1996. NTSGNTE. Inventory number: 0296RK00885

13. Batyrshauly B. Vzaimosvyazi Egipetskogo Mamlyukskogo gosudarstva s Desht-i Kipchakom v XIII-XV vv. (po arabskim istochnikam). [Interrelations of The Egyptian Mamluk state with Desht-I Kipchak in the XIII-XV centuries. (according to Arabic sources)] The

dissertation on competition of a scientific degree of candidate of historical Sciences. 2002. 165 S. NCSSTE. Registration number: 0402RK00466 [in Russian].

14. Boranbayev S. E. Issledovanie imen staroky`pchakskogo yazy`ka v sravnitel`no-istoricheskom aspekte (po materialam Arabsko-ky`pchakskogo slovarya XIV v.). [Research of the names of the old Kipchak language in the comparative-historical aspect (based on the materials of the \ "Arabic-Kipchak dictionary\" of the XIV century)]. Dissertation for the degree of candidate of philological Sciences. Almaty. 2000. 136 p NCSSTE. Registration number: 0400RK00076 [in Russian].

15. Dulatova D. I. Otchet o nauchno-issledovatel`skoj rabote «Aktual`ny`e problemy` istorii i istoriografii drevnego i srednevekovogo Kazaxstana». [Report on research work "Actual problems of history and historiography of ancient and medieval Kazakhstan"]. Almaty. 2000. NCSSTE. Inventory number: 0200RK00065 [in Russian].

16. Esbosynov E. Z. Leksiko-grammaticheskie osobennosti staroky`pchakskogo yazy`ka (po materialam truda A. Xajiana, XIV v.). [Lexical and grammatical features of the old Kypchak language (based on the materials of the work of A. Khayian, XIV century)]. Dissertation for the degree of candidate of philological Sciences. Almaty. 2006. 195 S. NCSSTE. Registration number: 0406RK00800 [in Russian].

17. Zhenis Zh. Zh. Iran pod vlast`yu tyurkov v XI-XIV vv. (politicheskie, religiozny`e i kul`turny`e aspekty` problemy`). [Iran under the rule of the Turks in the XI-XIV centuries. (political, religious and cultural aspects of the problem)]. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of historical Sciences. Almaty. 2003. 166 p. NTSGNTE. Registration number: 0403RK00048 [in Russian].

18. Zholdasbayev S. Zh., Baxty`baev M. M., Nurhanov B. W., Murgabaev S.S. Maldy`bekova L.Zh. Amanturov M. Otchet o nauchno-issledovatel`skoj rabote «Arxeologicheskie issledovaniya ob`ekta istoriko-kul`turnogo naslediya - srednevekovoe gorodishhe Sy`ganak» [The Report on research work, "Archaeological researches of historical and cultural heritage - an archaeological site of national importance"]. Turkestan. 2013. NCSSTE. Inventory number: 0213RK02208. 133 p. [in Russian].

19. Zhusupova L. K. Kazaxskoe xanstvo XV-XVIII vv. v ustnoj istoricheskoj tradicii kazaxov. [Kazakh khanate of the XV-XVIII centuries. in the oral historical tradition of the Kazakhs]. The dissertation on competition of a scientific degree of the doctor of historical Sciences. Almaty. 2010. 282 S. NCSSTE. Registration number: 0510RK00079 [in Russian].

20. Imalo T., Abdimomunov N. T. Alty`n Ordany`n haly`karaly`k sauda-e`konomikaly`k kary`m-katy`nastary` (XIII-XIV ff.). [Altyn Organi halyard Saud-economically arim-legal (XIII-XIV)]. Almaty. 2016. 230 b. [in Kazakh].

21. Karibayev B. B. Istoriya obrazovaniya Kazaxskogo xanstva. [History of formation of the Kazakh khanate]. The dissertation on competition of a scientific degree of the doctor of historical Sciences. Almaty. 2010. 341 S. NCSSTE. Registration number: 0510RK00051 [in Russian].

22. Karibayev B. B. Politicheskie vzaimootnosheniya Kazaxskogo xanstva s gosudarstvami Maverennaxra v konce XV - pervoj chetverti XVI vekov. [Political relations of the Kazakh khanate with the States of Maverennahr at the end of the XV - first quarter of the XVI centuries]. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of historical Sciences. Almaty, 1996. 188 p. NTSGNTE. Registration number: 0496RK00104 [in Russian].

23. Kinat Z. Otchet o nauchno-issledovatel`skoj rabote «E`tnopoliticheskie i social`no-kul`turny`e aspekty` razvitiya gosudarstvennosti Kazaxstana v XIII-XVII vv.». [Report on the research work "Ethnopolitical and socio-cultural aspects of the development of Kazakhstan's statehood in the XIII-XVII centuries."] Almaty. 2006. NCSSTE. Inventory number: 0206RK00012 [in Russian].

24. Kinayatuly Z. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Kazaxstan v sisteme vzaimootnoshenij narodov Central'noj Azii (drevnij i srednevekovy'j period)». [Report on the research work "Kazakhstan in the system of relations between the peoples of Central Asia (ancient and medieval period)"]. Almaty. 2009. NCSSTE. Inventory number: 0209RK00266 [in Russian].

25. Kinayatuly Z. Uskenbay K. Z. Torlanbayeva K. U. Dauletkhan A. Zhenis Zh. Zh. kanay O. Nurmanova A. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Razvitie kazaxskoj gosudarstvennosti: e'poxa mongol'skoj ulusnoj sistemy` (nachalo XIII-konecz XV v)». [Report on the research work "Development of the Kazakh statehood: the era of the Mongolian ulus system (beginning of the XIII-end of the XV century)"]. Almaty. 2014. NCSSTE. Inventory number: 0214RK01226. 84 p. [in Russian].

26. Kuzembayev N. E. Istoriya izucheniya kipchakskix plemen v Rossii (XVIII-XX v.v.). [History of the study of Kipchak tribes in Russia (XVIII-XX century)]. Dissertation for the degree of candidate of historical Sciences. Almaty. 2009. 140 S. NCSSTE. Registration number: 0409RK00961 [in Russian].

27. Kumekov B. E. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Arabskie istochniki IX-XV vv. po istorii Kazaxstana i Central'noj Azii (istochnikovedcheskij analiz)» [Report on the research work "Arab sources of the IX-XV centuries. on the history of Kazakhstan and Central Asia (source analysis)"]. Almaty. 2009. MCNTA. Inventory number: 0209RK00262 [in Russian].

28. Kumekov B. E. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Arabskie, persidskie i tyurkskie istochniki IX-XV vv. po istorii kipchakskix plemen» [Report on the research work "Arab, Persian and Turkic sources of the IX-XV centuries. on the history of the Kipchak tribes"]. Almaty. 2005. NCSSTE. Inventory number: 0205RK00242 [in Russian].

29. Kumekov B. E. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Geograficheskij traktat Ibn Nadzhib Bekrana "Dzhaxan-Name" (XIII v.) kak istochnik po istorii Kazaxstana i Central'noj Azii». [Report on the research work "Geographical treatise of Ibn Najib Bekran "Jahan-Nameh" (XIII century) as a source for the history of Kazakhstan and Central Asia"]. Almaty. 2014. NCSSTE. Inventory number: 0214RK01259 [in Russian].

30. Kumekov B. E. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Istoricheskaya geografiya Kazaxstana po srednevekovy'm kartam IX-XIV vekov musul'manskoj kul'tury`». [Report on the research work "Historical geography of Kazakhstan on medieval maps of the IX-XIV centuries of Muslim culture"]. Almaty. 2018. NCSSTE. Inventory number: 0218RK01253 [in Russian].

31. Kumekov B. E. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Istoriya kazaxskoj gosudarstvennosti v srednie veka» [Report on research work "History of the Kazakh statehood in the middle ages"]. Almaty. 1999. MCNTA. Inventory number: 0299RK00256 [in Russian].

32. Kumekov B. E. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Kazaxstan po musul'manskim istoricheskim kartam IX-XV vv.» [Report on the research work "Kazakhstan on Muslim historical maps of the IX-XV centuries"]. Almaty. 2006. NCSSTE. Inventory number: 0206RK00014 [in Russian].

33. Kumekov B. E. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Kipchaki v Evrazii (XI-XIV vv.)» [Report on the research work "Kipchaks in Eurasia (XI-XIV centuries)"]. Almaty. 2003. NCSSTE. Inventory number: 0203RK00544 [in Russian].

34. Kumekov B. E. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Kipchakskie plemena Velikoj stepi Evrazii VIII-XIII vv. po arabskim i persidskim istochnikam» [Report on the research work "Kipchak tribes of the great steppe of Eurasia VIII-XIII centuries. according to Arabic and Persian sources"]. Almaty. 2009. NCSSTE. Inventory number: 0209RK01056 [in Russian].

35. Kumekov B. E. the Report on research work ""Code kumanikus" (XIII - beg. XIV century) as a historical and cultural monument of the Kipchaks". Almaty. 2014. NCSSTE. Inventory number: 0214RK02668 [in Russian].

36. Kurmanalieva E. T. Development of ideas for forming a healthy lifestyle in the history of Kazakh pedagogical thought (the period of the Kazakh khanate). The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of pedagogical Sciences. Almaty. 2008. 130 S. NCSSTE. Registration number: 0408RK00486 [in Russian].

37. Kushkumbaev A. K. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «"Kodeks kumanikus" (XIII - nach. XIV v.) kak istoriko-kul'turnyj pamyatnik kipchakov» [History of military Affairs of nomads of the Golden Horde of the XIII-XV centuries]. The dissertation on competition of a scientific degree of the doctor of historical Sciences. Almaty. 2010. 339 p. Registration number: 0510RK00153 [in Russian].

38. Kushkumbayev A. K. Kausylov D. A. Bobrov L. A. Adilzhanov N. B. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Voennoe delo Ulusa Dzhuchi (Desht-i-Ky`pchak) XIII-XV vv.». [Report on the research work "Military Affairs of the Juchi Ulus (Desht-I-Kipchak) of the XIII-XV centuries"]. Astana. 2014. NCSSTE. Inventory number: 0214RK00803. 56 p.

39. Murat K. M. Istoriografiya istorii Sibirskogo xanstva v XVII-XX vv. [Historiography of the history of the Siberian khanate in the XVII-XX centuries]. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of historical Sciences. Almaty. 2010. 127 p NCSSTE. Registration number: 0410RK01665 [in Russian].

40. Nogoibaeva M. S. Qazaqstan aumagyndagy XIII-XV gasyrd`n algashky zhartysyndagy etnosyasy uderister. [Kazakhstan aumand XIII-XV acardi alghashky artusinde of Anasazi darter]. Almaty. 2015. 188 p. [in Kazakh].

41. Nuketayeva D. Zh. Pravovoe vospitanie uchashhixsya na osnove pravovoj sistemy` v period kazaxskogo xanstva. [Legal education of students on the basis of the legal system in the period of the Kazakh khanate]. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of pedagogical Sciences. Almaty. 2010. 117 S. NCSSTE. Registration number: 0410RK03181 [in Russian].

42. Nurimanov B. T. Vospevanie idej gumannosti v literature drevnego perioda i perioda Kazaxskogo xanstva. [Singing the ideas of humanity in the literature of the ancient period and the period of the Kazakh khanate]. Dissertation for the PhD degree. Almaty. 2018. 168 S. NCSSTE. Registration number: 0618RK00417 [in Russian].

43. Oshakbayev, J. B. Mirovozzrencheskie universalii tvorchestva zhy`rau v e`poxu kazaxskogo xanstva. [Philosophical universal creativity of the bard in the era of the Kazakh khanate]. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of philosophical Sciences. Almaty. 2010. 122 C. NCSSTE. Registration number: 0410RK00233 [in Russian].

44. Oshanov O. Kulmaganbetova G. Beysenkulov E. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Uslugi po provedeniyu arxeologicheskix issledovaniy ob`ektov istoriko-kul'turnogo naslediya - stavka Shibanidov na Akkole» [Report on research work "services for conducting archaeological research of objects of historical and cultural heritage-the shibanids 'stake on Akkol"']. Almaty. 2014. NCSSTE. Inventory number: 0214RK03008. 26 p. [in Russian].

45. Ramazanov T. S. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Pis'menny`e pamyatniki e`poxi Zolotoj Ordy` ("Iskandername", "Yusuf i Zlich") i kazaxskaya literatura» [Report on research work " Written monuments of the Golden Horde era ("Iskandername", "Yusuf and Zlich") and Kazakh literature"']. Almaty. 2014. NCSSTE. Inventory number: 0214RK02741 [in Russian].

46. Sabdenova G. E. Istoriografiya Kazaxskogo xanstva: formirovanie naroda, gosudarstvennosti i ee ukreplenie (seredina XV - pervaya chetvert` XVI v.). [Historiography of the Kazakh khanate: formation of the people, statehood and its strengthening (mid-XV - first

quarter of the XVI century)]. Dissertation for the degree of candidate of historical Sciences. Almaty. 2003. 163 S. NCSSTE. Registration number: 0403RK00522. [in Russian].

47. Smagulov T. N. Aylybaev T. K. Movchan I. A. Kurmanov D. M. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Arxeologicheskie issledovaniya gorodishha Auliekol` v Pavlodarskoj oblasti» [Report on research work "Archaeological research of the Auliekol settlement in the Pavlodar region"]. Almaty. 2012. NCSSTE. Inventory number: 0212RK02792. 29 p. [in Russian].

48. Tazhmukhanova N. E. Rol` rossijskix i kazaxstanskix tyurkologov v izuchenii duxovno-kul'turny`x problem istorii drevnego i srednevekovogo Kazaxstana (s drevnejshix vremen do serediny` XV veka) [The Role of Russian and Kazakh turkologists in the study of spiritual and cultural problems of the history of ancient and medieval Kazakhstan (from ancient times to the middle of the XV century)]. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of historical Sciences. Almaty. 2007. 148 p NCSSTE. Registration number: 0407RK00493 [in Russian].

49. Tulibayeva Zh. M. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Ulus-i arba-ji Chingizi Mirzy` Ulugbeka kak istochnik po istorii Kazaxstana i Central`noj Azii srednix vekov». [Report on the research work "ulus-I Arba-Yi Chingizi Mirza Ulugbek as a source on the history of Kazakhstan and Central Asia of the middle ages"]. Kaskelen. 2013. NCSSTE. Inventory number: 0214RK00796. 129 p. [in Russian].

50. Uskenbay K. Z. Vostochny`j Dasht-i Ky`pchak v sostave Ulusa Dzhuchi v XIII - pervoj treti XV veka. Aspekty` politicheskoy istorii Ak-Ordya`. [East Dasht-I Kipchak as part of the Juchi Ulus in the XIII-first third of the XV century. Aspects of the political history of AK-Orda]. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of historical Sciences. Almaty. 2003. 165 S. NCSSTE. Registration number: 0403RK00493 [in Russian].

51. Uskenbay K. Z. Vostochnyj Dasht-i Kypchak v XIII — nachale XV veka. Problemy etnopoliticheskoy istorii Ulusa Dzhuchi [Eastern Dasht-I Kipchak in the XIII-early XV century. Problems of ethno-political history Of the ulus of Jochi.]. Kazan. Fan. 2013. 288 p. [in Russian].

52. Khabdullina M. K. Otchet o nauchno-issledovatel'skoj rabote «Provedenie arxeologicheskix issledovanij v Akmolinskoj oblasti: gorodishhe Bozok». [Report on research work "conducting archaeological research in the Akmola region: Bozok settlement"]. Astana. 2012. NCSSTE. Inventory number: 0212RK00002 [in Russian].

Information about the authors:

Zhaksylyk M. Sabitov, PhD, Astana International University, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-7186-156X>. ResearcherID P-7576-2014, Scopus Author ID: 55640115500, zh.sabitov@gmail.com, 87077794888.

ШИБАНИДЫ И ТУКА-ТИМУРИДЫ В СЕРЕДИНЕ XV В.: ВОЙНА АБУ-Л-ХАЙР-ХАНА С МАХМУДОМ И АХМАДОМ

А.В. Парунин

Фонд содействия сохранению культурного наследия «Общественный фонд «Южный Урал» (г. Челябинск, Российская Федерация)

Аннотация. Статья содержит авторскую реконструкцию хронологии и географии противостояния Шибанида Абу-л-Хайра с Тука-Тимуридами Махмудом и Ахмадом в 1440-е гг. Впервые исследование этого события производится с использованием всех доступных на русском языке письменных источников, а также всесторонним анализом историографии. Помимо уточнения дат и местоположения, рассмотрены вопросы биографии бека Ваккаса, долгое время находившегося при Абу-л-Хайре, семантическое содержание терминов «Орда-Базар» и «трон Саин-хана». Их фактический и символический контроль воспринимался прошибанидской историографией как часть обширного ханства Абу-л-Хайра, а также мог выступать в качестве символа верховенства над всеми Джучидами. Полисемантическая функция и различные трактовки использования термина в источниках, не дают сделать однозначного вывода о его роли в описываемой проблеме. Локализация военных действий долиной реки Урал не противоречит источникам, основываясь как на работах предыдущих исследователей, так и на исследовании сюжетов, недавно введенных в научный оборот текстов средневековых хронистов (например, Утемиш-хаджи).

Ключевые слова: Абу-л-Хайр, Махмуд, Ахмад, Кучук-Мухаммед, Шибаниды, Тука-Тимуриды, Орда-Базар, трон

Введение. Одним из спорных сюжетов биографии Абу-л-Хайр-хана из династии Шибанидов является его война с Тука-Тимуридами Ахмад-ханом и Махмуд-ханом, озвученная в ряде персоязычных источников. Историография этого события насчитывает немало работ, и напрямую зависит от степени использования источниковедческого аппарата.

Обсуждение. Одно из наиболее ранних исследований по проблематике принадлежит А.А. Семенову, реконструировавшему поход Абу-л-Хайра на основе сочинения «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани». По версии исследователя, военные действия произошли вскоре после возвращения хана из Хорезма [30, с.25]. М.Г. Сафаргалиев, подробно рассмотревший поход хана на Хорезм, датировал его 1431-м годом. Поскольку, по версии исследователя, «бегству» Абу-л-Хайра в Среднюю Азию предшествовало восстание Махмуда и Ахмада, то они не могли принадлежать к династии Тука-Тимуридов вследствие молодости их отца. Было предложено отнести царевичей к сыновьям Шибанида Хаджи-Мухаммеда [29, с.208-209]. Безусловно, тезис о молодых годах Кучук-Мухаммеда верен, однако выстраиваемая причинно-следственная связь привела к ошибочности доводов. Б.А. Ахмедов, используя «Бахр ал-асрар» также датировал противостояние началом 30-х гг. XV в.. т.е. сразу же после удачной хорезмской кампании, но допустил и участие Кучук-Мухаммеда [4, с.51-52]. Не имея ничего существенного против фигуры последнего, датировка сразу же вступает в противоречие с уже упомянутым фактом молодости. Впоследствии версия превратилась в историографическую традицию и фигурирует в ряде работ, причем нередко в качестве антагонистов выступают дети Хаджи-Мухаммеда [37, с.9; 21, с.91; 23, с.382, прим. 799]. На наш взгляд, наиболее детально исследовательские позиции рассмотрены в статье Д.Н.

Маслюженко [14, с.84], поэтому в дальнейшем остановимся на источниковедческой проблематике.

Подробнее всего описываемые события нашли на страницах «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» (40-е гг. XVI в.) [17, с.153-156], где сюжет расположен после возвращения Абу-л-Хайра из Хорезма и перед походом на Мустафу-хана. Среди отличительных черт присутствовало упоминание мангыта Ваккаса среди многочисленных эмиров, а также занятие Абу-л-Хайром трона Саин-хана. Если в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» роль Ваккаса не раскрыта, то в более раннем «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» (начало XVI в.) мангыт «стал причиной [того, что] хан дважды овладевал тронем Саина. Много разя мечом, он снискал [хану] славу. Этот улус в век Бахтийар-султана [и] Ваккас-бека стал обустроенным; улус процветал и называл [их] «благодетелями» [18, с.234]. Лаконичен Утемиш-хаджи (50-е гг. XVI в.): «Покорив Тахт вилайат три раза (хан – прим), прочитал хутбу в Орда-Базаре» [39, с.60].

Отдельного рассмотрения заслуживают известия более позднего источника «Бахр ал-Асрар» Махмуда бен Вали (40-е гг. XVII в.), отрывки из которого опубликованы А.К. Алексеевым. Основой для исследовательских реконструкций стал следующий отрывок: «Когда [Кичик-] Мухаммад-хан умер, Махмуд-хану было 11 лет, Ахмад-хану – 8 лет, а Мангышлак-хану – 5 лет» [3, с.84]. Будучи в малолетнем возрасте, дети покойного хана не стали выступать против Абу-л-Хайра. После успеха в Хорезме последний усилил свою завоевательную политику, а впоследствии выступившие против него Тука-Тимуриды потерпели поражение и «нашли приют в одной из крепостей Мангышлака». Их новое усиление произошло после поражения Абу-л-Хайра от калмаков, а интронизация – после его смерти [3, с.85]. Смерть Кучук-Мухаммеда исследователь отнес к 1449-му году, поэтому последующее поражение сыновей логично переносилось на первую половину 50-х гг. XV в.

На наш взгляд, тематически к этому сообщению примыкает информация о деятельности Абу-л-Хайра из того же источника, опубликованная еще в 1969-м году [17, с.358-361]. После расправы над родственниками и мятежными эмирами, Абу-л-Хайр, найдясь «на берегу реки Атил», решил подчинить часть Могулистана, совершив длительный поход «через земли киргизов и калмаков», и остановившись в итоге в местности Ак-Кишлак из-за сильных морозов, где вскоре и умер. Упомянутая местность В.П. Юдиным не была идентифицирована [17, с.552, прим. 107]. Б.А. Ахмедов расположил ее возле современной Алма-Аты [4, с.59]. Любопытно указание на «реку Атил» в сочинении: В.П. Юдин отождествляет ее с Волгой, но сомневается, что в источнике упомянута именно она [17, с.552, прим. 101]. Не совсем ясно, каким образом хан оказался на «Атиле»: вышеупомянутое «наказание некоторых родственников и злостных людей» ясности не добавляет, но с учетом сообщений о неоднократном занятии трона Саин-хана и вилайата Тахт, рискнем предположить, что рассказ о местонахождении Абу-л-Хайра на Волге вовсе не выглядит фантастичным, хотя он мог быть вызван разными причинами: он неизвестных нам событий до прямого искажения в тексте источника. На это отчасти указывает и неясное описание длительности похода. Обращает на себя внимание и некоторое сходство деталей: когда Абу-л-Хайр «зимой выступил в поход против калмаков», то «из-за холода здоровье его ослабло» [3, с.85]. Аналогичное событие произошло в вышеописанной местности Ак-Кишлак, но здесь хана настигла кончина.

Вместе с тем информация Махмуда бен Вали о войне Ахмада и Махмуда с Абу-л-Хайра по сравнению с остальными источниками выглядит противоречивой, что отмечалось и в исследовательской литературе. В.В. Трепавлов указал на анахронизмы в отношении упоминаемого младшего сына Мангышлака, который после смещения его с

трона (а в его улус были включены Орда-Базар, Хаджи-Тархан и побережья Волги – прим) отправляется в Туру к Кучум-хану, а от него в Мавераннахр [3, с.85-86; 34, с.11-12; 35, с.294]. Ж.М. Сабитов отнес описанное поражение от Абу-л-Хайра к 60-м гг. XV в. [27, с.58; 28, с.142-143], однако мнение исследователя здесь основано на некорректном прочтении опубликованного А.К. Алексеевым отрывка.

Хронологическим репером здесь может выступить поход Абу-л-Хайра против калмыков. В «Бахр ал-асрар» он, очевидно, происходит практически сразу же после поражения Тука-Тимуридов. Впервые подробно описавший его Б.А. Ахмедов датировал поход 1457-м годом, а реконструкцию провел на материалах «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», где противостояние последнего с калмыками рассматривается достаточно подробно, но без каких-либо дат [4, с.65-67; 17, с.168-170]. Объяснение датировки исследователем рассмотрено не было, но в итоге она прочно вошла в ряд других работ [1, р.347; 33, с.111; 13, с.85; 28, с.144].

М.Х. Абусеитова предложила альтернативную датировку 1446-м годом [12, с.236], основываясь на выполненном Б.А. Ахмедовым переводе. В представленном отрывке столкновение с калмыками происходит вскоре после захвата Дашт-и Кипчака и Сыгнака [12, с.237]. Присоединение многочисленных территорий, включая Сыгнак, Б.А. Ахмедовым датируется 1446-м годом [4, с.58, прим. 129], и эта логическая конструкция могла бы выступить относительно надежной хронологической привязкой. Проблема в том, что упоминаемые эмиры Абу-л-Хайра Бахтийар-султан и Ахмад-султан гибнут в войне [12, с.239; 17, с.169]. В главе, посвященной захвату Самарканда, союзник Абу-л-Хайра Абу-Саид вместе с Бахтийар-султаном успешно сражаются против царевича Абдаллаха, правителя Самарканда, и этот факт надежно документирован в самом источнике смертью последнего 10 июня 1451 г. [17, с.167, 516, прим. 89]. Таким образом, нет возможности рассматривать дату ранее 1451 г.

На основе сообщения «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» Б.А. Ахмедов пишет, что внук Абу-л-Хайра Махмуд-султан находится при «падишахе калмыков» Уз-Тимуретайши семь лет, что явилось следствием подписанного Абу-л-Хайром мирного договора. Якобы Шибанид признавал верховную власть калмыков [4, с.67]. Махмуд-султан действительно семь лет пребывал у калмыков [17, с.17], однако при каких именно обстоятельствах сказать точно затруднительно, и этот факт никак нас не приближает к обоснованию имеющейся датировки. Таким образом, в вопросах хронологии описанная событийная конструкция не является надежным хронологическим ориентиром.

Следующим ключевым вопросом является возможная причастность Кучук-Мухаммеда к описываемым событиям. Отрывок из «Бахр ал-асрар», приведенный А.К. Алексеевым, повествует о самостоятельных действиях Ахмада и Махмуда после смерти их отца [3, с.85]. Обращение к тому же источнику Б.А. Ахмедовым выдает совершенно иную картину. В авторской интерпретации против Абу-л-Хайра выступает обширная коалиция с участием, помимо вышеупомянутых личностей, Джавак-султана и Башйак-султана, также детей Кучук-Мухаммеда [3, с.51]. Упомянутый Джавак-султан присутствует в генеалогиях, но его род не раскрывается [17, с.40]. Его третьим сыном назван Мангышлав, что соответствует Мангышлак-хану, третьему сыну Кучук-Мухаммеда [3, с.84]. В «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» фигурирует Ахмад-хан с девятью сыновьями, но их родство с Джавак-султаном не оговаривается [17, с.40].

Противоречивость сюжетов в «Бахр ал-асрар», возможно, является следствием использования исследователями разных списков сочинения. Так, Б.А. Ахмедов использовал узбекский список, лондонский вариант исследователю был недоступен [4, с.30]. А.К. Алексееву доступны петербургская и лондонская рукописи [3, с.12, 13 и др.]. Из-за значительности противоречий, использование списков сочинений Махмуда бен Вали в свете описываемой проблемы, является затруднительным. Хотя, упоминание о

возможном участии Кучук-Мухаммеда и малолетстве его сыновей может быть перспективным. Безусловно, сличение списков рукописи, а также публикация их полного перевода, позволила бы найти пути к решению этой проблемы, но на данный момент мы можем руководствоваться лишь имеющимися переводами на русский язык.

Отметим, что определенную роль в определении хронологии войны в историографии играла датировка смерти Кучук-Мухаммеда. В исследовательской литературе имеется несколько вариантов дат: 1449-й год [6, с.41; 3, с.84], а также более популярный – 1459-й год [29, с.264; 7, с.149-150; 8, с.40; 23, с.253; 36, с.293]. Д.Н. Маслюженко и Ж.М. Сабитов усомнились в четком датировании смерти [14, с.84; 28, с.143], указав на ряд косвенных данных.

На наш взгляд, нет особых причин связывать эти два события. В «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» начало описания выглядит следующим образом: «Махмуд-хан и Ахмад-хан, которые были из падишахов потомства Джучи, не пошли ногою повиновения и послушания... подняв знамя мятежа и бунта...» [17, с.153]. Для Масуда Кухистани Абу-л-Хайр выступал единственным легитимизирующим лицом, законным ханом. Все, кто выступали против, объявлялись мятежниками. Схожее описание приводится в отношении Мустафы-хана [17, с.156]. По-видимому, аналогичные мотивы присутствуют в кратком упоминании Махмудом бен Вали сюжета о наказании «мятежников и бунтовщиков», под которыми, вероятнее всего, фигурировали Тука-Тимуриды Гирей и Джанибек, вышедшие «из круга подчинения и повиновения» [17, с.352]. Таким образом, для прошибанидских источников, Джучиды в эпоху Абу-л-Хайра входили в состав его ханства, а проявление к самостоятельности могло быть признаком бунтарства. Поэтому вовсе необязательна привязка войны именно к политической самостоятельности Махмуда и Ахмада. Отсутствие информации об их отце необязательно свидетельствует о его смерти. Несмотря на то, что сочинение Масуда Кухистани носило характер всемирной хроники [17, с.136], в отношении западных ветвей Джучидов оно было наиболее компилятивным. Таким образом, формируемая идеология могла подпитываться недостаточной информированностью о золотоордынских ханах. Схожие тенденции имели и прочие прошибанидские авторы. На основании всего вышесказанного факт смерти Кучук-Мухаммеда как удовлетворительная хронологическая привязка вряд ли возможен.

Небезынтересна роль внука Идегея Ваккаса. «Этот бек дважды стал для хана причиной того, что он овладел тронном Саина» сообщает «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» [17, с.17; 18, с.234]. По имеющимся данным, Ваккас был старшим сыном Нур ад-Дина [33, с. 656], хотя у Утемиша-хаджи он упомянут вторым [39, с.72]. После смерти Идегея «Кейгубад и Нуретдин сбежали в сторону Туры (вероятно Чимги-Туры или Тюмени русских летописей – прим) и направились в эль башкурт». Младшие же сыновья, по версии хрониста, Мансур, Кади и Невруз (Гази и Науруз – прим) находились при Гийас ад-дине сыне Шадибека, участвуя в золотоордынских делах. Вероятно, с отцом на северо-восток отправился и Ваккас, присоединившийся к царевичу Абу-л-Хайру незадолго перед занятием «города Тара» (Чимги-Тура – прим), т.е весной 1430 года.

Ваккас упоминается в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» при походе на Хорезм в 1435 году, в сражении против Махмуда и Ахмада. В войне Абу-л-Хайра с Мустафой бек по каким-то причинам занял сторону последнего, что никак не повлияло на его отношения с Абу-л-Хайром, поскольку при захвате Сыгнака и ряда городов в 1446 году Ваккасу был передан Узгенд [17, с.159]. В хвалебных тонах о беке отзывается «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», называя его «благодетелем»: именно при нем и Бахтийар-султани «улус стал процветающим» [17, с.17; 18, с.234]. О дружбе Ваккаса с ханом сообщает Утемиш-хаджи, упоминая о его бекстве. После того как бек был убит, его сыновья Муса и Ямгурчи обратились за помощью к Абу-л-Хайру, но получили отказ [38, с.62]. Конечно, сложно

однозначно судить о причинах, но свою роль мог сыграть и временный союз Ваккаса с Мустафой.

Однозначно можно судить о возрастании роли Ваккаса именно во время западных походов Абу-л-Хайра. Чем это могло быть вызвано? С одной стороны, Ваккас безусловно, как прямой потомок Идегея, имел политическое влияние среди мангытов и мог привлечь на свою сторону определенные силы. С другой стороны, его молодость¹ вполне могла протекать в Волго-Уральском регионе. Основной театр военных действий, по нашему мнению, проходил именно здесь. Все эти факторы могли способствовать успешному продвижению Абу-л-Хайра и возвышению роли мангытского бека.

На наш взгляд, датировка войны Абу-л-Хайра с царевичами может быть обозначена периодом между 1435-1446 гг. Нижняя дата связана с успешным походом в Хорезм. Дата подтверждается информацией из более ранних источников [11, с.378; 40, с.213]. Верхняя дата обозначается захватом Сыгнака и близлежащих областей в 1446 году [4, с.58, прим. 129]. В дальнейшем Ваккас не упоминается. В исследовательской литературе принята датировка его смерти 1447-м годом на основании отсутствия дальнейших упоминаний о беке, а также свидетельством Матвея Меховского о его убийстве: «Оккас был убит, сыновья его отделились от главной Заволжской орды и поселились около замка Сарай, примерно лет за 70 или *немного меньше* (выделено нами – прим) до нынешнего 1517 года» [16, с.92-93]. О смерти Ваккаса сообщает Утемиш-хаджи: «Абулхайр хан вручил султанат вышеупомянутому Ядыгеру. Через два-три года сыновья Мансур ибн Едику – Тимур бек и Тен Суфии бек убили Ваккас ибн Нуретдина» [38, с.61-62]. Интронизация Йадгар-хана описана в «Фирдаус ал-икбал»: «Йадгар-хан в году восемьсот шестьдесят втором (19.11.1457–10.11.1458 г. – прим) стараниями Буреке-султана и Муса-бия стал падишахом над большей частью узбеков и долго время счастливо правил...» [17, с.436]. Если связать сообщения этих двух источников, то год смерти Ваккаса смещается к 1460-1461 гг. Таким образом, визит Мусы и Ямгурчи к Абу-л-Хайру мог состояться в начале 60-х гг. XV в. Дальнейшие события вплоть до смерти Абу-л-Хайра подробно освещаются Утемишем-хаджи и Абулгази и не противоречат друг другу [2, с.167-168; 38, с.62].

Учитывая свидетельство «Бахр ал-асрар» о юном возрасте сыновей Кучк-Мухаммеда, рискнем выдвинуть в качестве перспективной даты середину 1440-х гг. вплоть до непосредственного похода на Сыгнак. Похожая дата уже фигурировала в исследовательской литературе [14, с.85], и в основу ее были положены вышеуказанные причины: смерть Кучук-Мухаммеда и малолетство его детей. Несмотря на ее внутреннюю логику, мы предлагаем иной ряд причин датировки.

Несколько экстравагантной выглядит гипотеза Ж.М. Сабитова о противостоянии Абу-л-Хайра с Тука-Тимуридами в начале 60-х гг. XV в. [27, с.58], выстраиваемая на фоне выдвигаемой исследователем «сбивчивой» хронологии Масуда Кухистани [26, с.177-178]. В действительности, нет причин рассматривать возможные временные конфликты в рукописи персоязычного хрониста: они удовлетворительно согласуются с иными источниками. Такая датировка может противоречить и обстоятельствам смерти Ваккаса. Вызывает вопросы и реконструируемая автором хронология трех захватов вилайта Тахт

¹ Несмотря на то, что точный возраст нам неизвестен, некоторые косвенные доказательства мы все же можем привести. Младшему дяде Ваккаса Наурузу в 1438-м году было 25 лет [5, с.142], т.е. на момент смерти Идегея ему было не более шести. Отец Ваккаса Нур ад-дин в эпосе «Идегей» служил еще при Токтамыш-хане, но был им изгнан, а впоследствии участвовал в войне Тимура и Токтамышша. Вместе со своим отцом Идегеем они поддержали последнего [9, с.111-137]. Эпос уделяет особое внимание роли сына Идегея в убийстве Токтамыш-хана [9, с.180]. Несмотря на фольклоризированный характер повествования, можно предположить, что Нур ад-дин ко времени смерти отца был уже немолод.

[27, с.59]. По сути, она являются умозрительной конструкцией исследователя, построенной на логических допущениях, однако источниками не подтверждается².

В описании двух списков рукописей «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме», выполненных А.М. Акрамовым, исследователем опубликована выдержка из сочинения. Касаясь биографии хана, А.М. Акрамов сообщает, что «когда Абулхайр-хану было 24 года, он получил в удел Хорезм от Шахруха и создал свое государство в Дешт-и Кипчаке. Абулхайр-хан поддерживал связи с сыновьями Тимура и помог Аусаид-мирзе прийти к власти в Иране и Туране, а Султан Хусаин-Мирзе завладеть престолом Хорасана» [32, с.117-118]. Успешный захват Хорезма в 1435-м году привел Шахруха к необходимости заключить мир с молодым деятельным ханом, 24-летие которого приходится на 1437-1438 гг. В результате добившись на некоторое время стабильных южных границ, Абу-л-Хайр мог переключиться на иные перспективные направления. Этим может объясняться его успешная война против Мустафы-хана на р. Атбасар (приток р. Ишим, северные границы Восточного Дешт-и Кипчака – прим), в результате чего могла установиться северо-восточная граница Тюменского ханства. Такими же мотивами объясняется поход против Тука-Тимуридов. Вероятнее всего, Махмуд и Ахмад действительно находились в юном возрасте: их отцу к 1446-му году могло быть не более 30 лет³. Конечно упоминание Утеишем-хаджи о троекратном взятии вилайта Тахт необязательно свидетельствует об узких хронологических рамках. Отсутствие четких дат может привести и к широкой временной трактовке, на что неясно указывает вышецитированное размещение Абу-л-Хайра «на Атиле», но это кажется нам маловероятным.

Затруднительно идентифицируется местность Икри-Туп, которая у Масуда Кухистани выступает ставкой Махмуда и Ахмада [17, с.153]. А.А. Семенов предложил чтение как «Икри-Тур» с соответствующей локализацией в сырдарьинских степях [30, с.25]. И.В. Зайцев с опорой на С.К. Ибрагимова рассмотрел вариант Аикри-Туп, локализуя битву около реки Яик. По версии исследователя, здесь же мог размещаться и Орда-Базар, «который был столицей Дашт-и Кипчака» [17, с.155; 8, с.36-37]. Впоследствии здесь была прочитана хутба в честь Абу-л-Хайра и произведена чеканка монеты. Эта информация практически полностью перекликается с «Кара-таварих», согласно которой хан трижды захватывал вилайат Тахт, после чего в Орду-Базаре читалась хутба [39, с.60]. Вилайет/эль Тахт в исследовательской литературе на основе дипломатической документации обозначает «Тронное владение», «Престольная держава» и др. [40, с.243-244, прим. 14], т.е. термин синонимичен Большой Орде русских летописей. Само слово «Тахт» может обозначать столицу этого объединения [13, с.50, прим. 12, с.55].

Орда-Базар (Орду-Базар, Орду-Базари – прим) является предметом долгой дискуссии. Ряд мнений собран А.В. Пачкаловым, среди которых основным выступает отождествление термина с городом, либо с кочевой ставкой [21, с.89]. Географическая локализация Орда-Базара, основанная на фактах чеканки монет, также весьма обширна. А.В. Пачкаловым предложена идея о нескольких подобных центрах, один из которых (захваченный Абу-л-Хайром – прим) мог находиться на р.Урал [21, с.91]. Насколько актуальным является вопрос о функциональной значимости Орда-Базара показало недавнее обсуждение смыслового и практического наполнения этого термина [31, с.159-169].

² В качестве примера можно привести следующее: «Ваккас получил Узгенд и посчитал себя обделенным» [27, с.59]. Таким образом, Ж.М. Сабитов предлагает нам опираться не на факты, а на авторские домысливания ситуации.

³ С учетом свидетельства Иоасафато Барбаро, лично встречавшего Кучук-Мухаммеда в 1438-м году и сообщившем о его 22-летию [5, с.142].

В контексте нашего исследования наиболее близким является упоминание о разграблении «Ахматовой орды» Шибанидом Ибак-ханом и ногайскими мирзами [24, с.95]. Процесс грабежа «орды» продолжался пять дней, после чего хан «пойде прочь, а ордобазар с собою поведе в Тюмень, не грабя...» В нашем понимании, орда здесь выступает кочевкой ставкой хана (зимовье – прим). «Ордобазар» мог нести множество функций: от торгового места и чеканки монет до размещенных в нем инсигний власти. Последние упомянуты Масудом Кухистани (чтение хутбы, трон Саин-хана – прим), но в русском летописании подобные вещи вряд ли комментировались. Косвенным подтверждением здесь выступает грамота Ибак-хана 1493 г., в которой отмечено, что после «Тимер Кутлуева сына убивши, Саинской есми стул взял» [22, с.48-494; 25, л.30]. В историографии этот сюжет интерпретирован как вероятное наличие у ханских лиц некоего «походного трона» [15, с.364]. Все это поднимает вопросы трактовки часто фигурируемого в источниках «трона Саин-хана», на анализе которого также необходимо остановиться.

В «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» «на троне Саина ханом стал... Туда-Менгу», Схожее описание приведено в отношении Берке [17, с.33-34]. Неоднократно термин упомянут во время правления Абу-л-Хайра. «Таварих» и «Шейбани-наме» перечисляют эмиров, которые дважды завоевали трон-Саин-хана» [17, с.17, 97]. Более поздняя «Тарих-и Кипчаки» (начало XVIII в.) сообщает о «державе Саин-хана», до границы с которой распространялось ханство Абу-л-Хайра. Небезынтересно отметить, что этот же источник сообщает о желании родственников и эмиров умершего Абу-л-Хайра поставить его старшего сына Шах-Будака «на трон Саин-хана» [17, с.393]. Однако здесь явно прослеживается противоречие: чуть ниже сообщается о смерти последнего в 855 г.х. (03.02.1451-22.01.1452 г. - прим). Вероятно, имелся в виду Шайх-Хайдар, ставший после смерти отца ханом. В целом неясное сообщение источника показывает, что право на обладание «тронным местом» было закреплено за узбекской ветвью Шибанидов.

По нашему мнению, наиболее последователен в изложении Утемиш-хаджи. «Кара-таварих» начинается буквально со следующего эпизода: «После Ак-хана Золотой трон Саин-хана не передавался» [39, с.14]. Не совсем ясно, кто имелся в виду, но по дальнейшему контексту можно предположить, что речь идет о временах золотоордынской междоусобицы 60-70-х гг. XIV в. В дальнейшем трон также фигурирует в эпоху междоусобицы и уже связан с Шибанидами: «Одним словом, Биким призвала Хидыр оглана (Хызра – прим) и сделала его ханом на троне Саин-хана в вилайете Сарая» [39, с.48]. Безусловно, его описание в целом соответствует чуть приводимым выше: ближайшей аналогией здесь служит упоминание деревянного престола, «обложенного серебряными позолоченными листками...», информация о котором имеется у Ибн Баттуты [10, с.217-218]. Окончание царствования Хызра выглядит не менее символическим: «Хан, мстя ей (Тайдуле – прим), решил разломать золотую тирму (юрту в переводе В.П. Юдина – прим), (а золото) поделить между своими казаками» [38, с.112; 39, с.52]. По нашему мнению, этот эпизод включает в себе символический крах государственности [19, с.54; 20, с.7]. Впервые в «Кара таварих» упоминается и о казаках, выступающих частью маргинального мира. К примеру, маргинальные черты были приданы Токтамышу, который в свои юные годы «...казаковал...отгонял от эля (Урус) хана табуны и совершал набеги на эль» [39, с.55], но после того как «в городе Сарая на троне Саин-хана Токтамыш-хан стал великим государем» [39, с.58] можно говорить о восстановлении Золотой Орды. Таким образом, в мировосприятии Утемиша-хаджи, трон представляет собой символ порядка и легитимной власти: в противном случае государство приходит в упадок.

Также присутствуют упоминания и в эпическом фольклоре:
«И когда в глубине степной

Бегством спасался Тохтамыш
Идегей овладел страной
В стольный Сарай Идегей вступил.
Сотни башен взметнулись там,
Восемьдесят улиц там,
Там стоит Золотой Дворец,» [9, с.159].

«Золотой трон» Утемиша-хаджи известен в дипломатической документации. В.В. Трепавлов приводит отрывок из Литовской метрики. В письме от 15 июля 1514 г. крымский царевич Ахмед-Гирей писал польскому королю Сигизмунду: «Отца нашего Саина царя золотой столец в руках в(?) нас...» [35, с.95-96]. Исследователь считает содержимое письма претензией на политическое наследство Большой Орды. Соглашаясь с этим мнением, можно предположить, что в руках крымских ханов могло находиться материальное воплощение символической власти, оставшееся по невыясненным причинам от большеордынских ханов. Размещение трона/«стула»/«столеца» в Сарае вполне допустимо: во время походов вместе с ханом перевозились соответствующие инсигнии власти. Подобный вывод вполне согласуется с описанием шатра Узбек-хана Ибн Баттутой.

Выводы. Вышесказанное требует формулировки выводов. Во-первых, источники, рассматривающие войну Абу-л-Хайра-хана с Тука-Тимуридами, противоречиво подходят к фактам и хронологии военных действий. Так, «Бахр ал-асрар» указывает на юный возраст антагонистов Абу-л-Хайра, а один из братьев Мангышлак оказался знаком с Кучум-ханом, что явно говорит о противоречивости содержания цитируемого отрывка. Также нужно учитывать и сообщение Б.А. Ахмедова об участии самого Кучук-Мухаммеда, что вносит определенную путаницу и приводит к необходимости известного скептицизма к оценке сообщения Махмуда бен Вали. При этом иные источники видимых противоречий не содержат.

Во-вторых, датировка войны с учетом всех описываемых обстоятельств может быть локализована серединой 1440-х гг. Юный возраст Махмуда и Ахмада, а также гибель их отца не являются в данном случае определяющими факторами. Это связано как с апологетичностью сочинения Масуда Кухистани, так и в целом недостаточной информированностью прошибанидских источников о династии Тука-Тимуридов, что наглядно прослеживается немногочисленностью упоминаний в текстах, а также на материале генеалогий, приводимых «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме». Ключевым моментом здесь, по нашему мнению, выступает биография бека Абу-л-Хайра Ваккаса, получившего в итоге крупное владение в Средней Азии от хана. Несомненно, эта награда за успешные действия на Западе, о чем сообщают источники. География противостояния, по нашему мнению, могла ограничиваться долиной р. Урал и в этом отношении мы согласны с выводами И.В. Зайцева. Военные действия на Волге могли бы отразиться в русском летописании, в то время как степные пространства Дешт-и Кипчака представлялись своеобразной *terra incognita*, зачастую именуемой загадочной «Синей Ордой». Вероятно, здесь же проходила граница с «державой Саин-хана», о чем сообщает «Тарих-и Кипчаки».

В-третьих, захват Орда-Базара и трона Саин-хана могло восприниматься не только как фактический результат военно-политического могущества хана, но и как набор ключевых символов государственности. Последнее отчасти подтверждается желанием родственников умершего Абу-л-Хайра посадить наследника на трон. У Масуда Кухистани Махмуд и Ахмад, а также Мустафа воспринимались не в качестве законных правителей, вступивших в военный конфликт с равным, а как мятежники, не желающие признавать власть хана.

SHIBANIDS ABD TUKA-TIMURIDS IN THE MIDDLE OF THE 15th CENTURY: WAR OF ABU L-KHAIR KHAN WITH MAHMOUD AND AHMAD

A.V. Parunin

Cultural Heritage Assistance Fund "Southern Ural Public Fund"
(Chelyabinsk, Russian Federation)
therion12399@gmail.com

Summary. The article contains the author's reconstruction of the chronology and geography of the confrontation Between Shibaniid Abu-l-Khair and the Tuk-Timurids Mahmud and Ahmad in the 1440s. for the First time, the study of this event is made using all available written sources in Russian, as well as a comprehensive analysis of historiography. In addition to specifying the dates and location, the questions of the biography of Bek Waqqas, who was long under Abu-l-Khair, the semantic content of the terms "Horde-Bazaar" and "throne of Sain Khan" are considered. Their actual and symbolic control was perceived by Pro-shibaniid historiography as part of the vast khanate of Abu'l-Khair, and could also act as a symbol of supremacy over all Juchids. Polysemantic function and different interpretations of the use of the term in the sources do not allow to make a clear conclusion about its role in the described problem. Localization of military operations by the Ural river valley does not contradict the sources, based both on the experience of previous researchers and on the study of subjects recently introduced into scientific circulation texts of medieval chroniclers (for example, Utemish-Hadji).

Keywords: Abu-l-Khair, Mahmud, Ahmad, Kuchuk-Mohammed, Shibaniids, Tuka-Timurids, Horde-Bazaar, throne

REFERENCES

1. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1994. xvii + 638 pp [in English].
2. Abulgazi. Rodoslovnoe drevo tjurkov [Family tree of Türks]. Kazan', 1906. 240 p. [in Russian].
3. Alekseyev A.K. Politicheskaya istoriya Tukay-Timuridov: Po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniya «Bakhr al-asrar» [The Political History of the Tukay-Timurids: Based on the materials of the Persian historical work Bahr al-asrar] SPb.: Publishing house S.-Peter. University, 2006. 229 p. [in Russian].
4. Akhmedov B.A. Gosudarstvo kochevykh uzbekov [State of nomadic Uzbeks]. M.: Nauka, 1965. 181 p. [in Russian].
5. Barbaro i Kontarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyazey v XV v [Barbaro and Contarini about Russia. To the history of Italian-Russian ties in the 15th century]. L., 1971. 276 p. [in Russian].
6. Gayev A.G. Genealogiya i khronologiya Dzhuchidov. K vyyasneniyu rodosloviya numizmaticheskoi zafiksirovannykh praviteley Ulusa Dzhuchi [Genealogy and chronology of the Juchids. To the clarification of the genealogy of numismatically fixed rulers of the Ulus Juchi] Drevnosti Povolzh'ya i drugikh regionov. Vyp. IV Numizmaticheskiiy sbornik. Tom 3. Nizhniy Novgorod, 2002. S.9-55. [in Russian].
7. Gorskij A.A. *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. M., 2000. 214 p. [in Russian].
8. Zaytsev I.V. Astrakhanskoye khanstvo [Astrakhan Khanate]. M.: Vostochnaya literatura, 2004. 303 p. [in Russian].

9. Idegey. Tatarskiy narodnyy epos [Idiqu. Tatar folk epos]. Kazan': Tatarskoye kn. izd-vo, 1990. 256 p. [in Russian].
10. Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. Tom I. Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Tom I. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannyye V.G.Tizengauzenom [The history of Kazakhstan in Arab sources. Volume I. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Volume I. Extracts from Arabic works collected by V.G. Tizenhausen]. Almaty: Dayk-Press, 2005. 711 p. [in Russian].
11. Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. Tom IV. Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom i obrabotannyye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym [The history of Kazakhstan in Persian sources. Volume IV A collection of materials related to the history of the Golden Horde. Extracts from Persian works collected by V.G. Tizengauzen and processed A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Almaty: Dayk-Press, 2006. 620 p. [in Russian].
12. Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh. T.V. Izvlecheniya iz sochineniy XIII-XIX vv. [The history of Kazakhstan in Persian sources. T.V. Extracts from the works of the XIII-XIX centuries]. Almaty: Dayk-Press, 2007. 476 p. [in Russian].
13. Lemers'ye-Kel'kezhe SH. Kazanskoye i Krymskoye khanstva i Moskoviya v 1521 g po neopublikovannomu istochniku iz arkhiva Muzeya dvortsa «Topkapy» [Kazan and Crimean Khanates and Muscovy in 1521, according to an unpublished source from the archives of the Topkapi Palace Museum] Vostochnaya Yevropa Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni glazami frantsuzskikh issledovateley: sbornik statey. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2009. S.47-56. [in Russian].
14. Maslyuzhenko D.N. Politicheskaya istoriya stanovleniya khanstva Abu-l-Khayra na yuge Zapadnoy Sibiri [The political history of the formation of the Khanate Abu l-Khaira in the south of Western Siberia] Srednevekovyye tyurko-tatarskiye gosudarstva. Sbornik statey. Vyp. 4. Kazan'. Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2012. S.76-88. [in Russian].
15. Maslyuzhenko D.N. Simvol'y vlasti v istochnikakh po istorii Tyumenskogo khanstva [Symbols of power in sources on the history of the Tyumen Khanate] Zolotoordynskoye obozreniye. T.4. № 2. 2016. S.360-368 [in Russian].
16. Matvey Mekhovskiy. Traktat o dvukh Sarmatiyakh [A treatise on two Sarmatians]. M.: L.: Akademiya nauk SSSR, 1936. 289 p. ([in Russian].
17. Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV-XVIII vekov (Izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy) [Materials on the history of the Kazakh khanates of the XV-XVIII centuries (Extracts from Persian and Turkic writings)] Alma-Ata. Nauka. 1969. 655 p. [in Russian].
18. Mustakimov I.A. Svedeniya «Tavarikh-i guzida – Nusrat-name» o vladenyakh nekotorykh dzhuchidov [Information "Tavarikh-i guzida - Nusrat-nama" on the possessions of some Juchids] Tyurkologicheskiy sbornik 2009-2010: Tyurkskiye narody Yevrazii v drevnosti i srednevekov'ye. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2011. S.228-248. [in Russian].
19. Parunin A.V. Svedeniya ob Ak-Orde i Kok-Orde v svete ustnoy istoricheskoy traditsii [Information about Ak-Horde and Kok-Horde in the light of the oral historical tradition] Zolotaya Orda: istoriya i kul'turnoye naslediyе. Astana: IP «BG-PRINT», 2015. S.51-61 [in Russian].
20. Parunin A.V. «Chingiz-name» kak istochnik po istorii Zolotoy Ordy [“Genghis-name” as a source on the history of the Golden Horde] Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2017. S.3-9. [in Russian].

21. Pachkalov A.V. O lokalizatsii monetnogo dvora Orda-Bazar (XV v.) [On the localization of the mint Orda-Bazar (XV century)] *Rossiyskaya arkheologiya*. 2005. №2. S.87-92. [in Russian].
22. Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy 1489-1508 gg [Ambassadorial Book on the Relations of Russia with the Nogai Horde 1489-1508]. M.: Institut istorii AN SSSR, 1984. 88 p. [in Russian].
23. Pohekayev R.YU. Tsari Ordynskiye. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordyy [Kings of the Horde. Biographies of khans and rulers of the Golden Horde]. SPb.: YEVRAZIYA, 2012. 464 p. [in Russian].
24. PSRL. T.37. Ustyuzhskiye i Vologodskiye letopisi XVI-XVII vv. [PSRL. T.37. Ustyug and Vologda chronicles of the XVI-XVII centuries]. L.: Nauka, 1982. 235 p.
25. RGADA. Nogayskiye dela. F.127, op.1, d.1, l.30 [RGADA. Nogai affairs. F.127, op.1, d.1, l.30] [in Russian].
26. Sabitov ZH.M. Tarikhi Abulhair-khani kak istochnik po istorii khanstva Abulhair-khana [Tarihi Abulhair-hani as a source on the history of the khanate of Abulhair-khan] *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana*. №2. 2009. S.166-180. [in Russian].
27. Sabitov ZH.M. Mangytskiy yurt: ot Mansura do Vakkasa [Mangyt yurt: from Mansur to Vakkas] *Nauchnyy Tatarstan*. 2013. №2. S.53-62 [in Russian].
28. Sabitov ZH.M. Politicheskaya deyatelnost' Abulhair-khana v Vostochnom Desht-i Kipchake v 20-60-ye gody XV veka [Political activity of Abulhair Khan in East Desht-i Kipchak in the 20-60s of the XV century] *Sibirskiy sbornik*. Vyp. 3. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2015. S. 135-145. [in Russian].
29. Safargaliyev M.G. Raspad Zolotoy Ordyy [The collapse of the Golden Horde]. Saransk: Mordovskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1960. 279 p. [in Russian].
30. Semenov A.A. K voprosu o proiskhozhdenii i sostave uzbekov Sheybani-khana [On the origin and composition of Sheibani Khan] *Materialy po istorii tadjikov i uzbekov Sredney Azii*. Vyp. I. Stalinabad. Izdatel'stvo Akademii nauk Tadjikskoy SSR, 1954. S.2-37. [in Russian].
31. Stenogramma Kruglogo stola «Orda-Bazar: kohevaya stavka ili kohevoy gorod». Differentsirovannoye ponimaniye istorii [The shorthand record of the Round table "Horde Bazaar: nomadic rate or nomadic city". Differentiated understanding of history] *Zolotoordynskoye obozreniye*. №1. 2015. S.159-169. [in Russian].
32. Tavarikh-i guzida-Nusrat-name [Tavarikh-i guzida-Nusrat-nama] *Issledovaniye, kriticheskiy tekst, annotirovannoye oglavleniye i tablitsa svodnykh oglavleniy kandidata filol. nauk A. M. Akramova*. Tashkent. Izdatel'stvo «Fan» Uzbekskoy SSR, 1967. – 127 p. [in Russian].
33. Trepavlov V.V. Istoriya Nogayskoy Ordyy [History of the Nogai Horde]. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2002. 752 p. [in Russian].
34. Trepavlov V. V. Dzhuchiyev ulus v XV–XVI vv.: inertsia yedinstva [Dzhuchiev ulus in the XV – XVI centuries: inertia of unity] *Zolotoordynskoye naslediyeye*. Vyp. 1. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2009. S.11–15. [in Russian].
35. Trepavlov V.V. Litovskaya metrika kak istochnik po istorii tyurkskikh gosudarstv Vostochnoy Yevropy [Lithuanian metric as a source on the history of the Turkic states of Eastern Europe] *Zolotoordynskoye obozreniye*. №4. 2015. S.92-106. [in Russian].
36. Trepavlov V.V. Stepnyye imperii Yevrazii: mongoly i tatory [The steppe empires of Eurasia: Mongols and Tatars]. M.: Kvadriga, 2015. 368 p. [in Russian].
37. Shashkov A.T. Nachalo prisoyedineniya Sibiri [The beginning of the annexation of Siberia] *Problemy istorii Rossii*. Vyp. 4: Yevraziyskoye pogranich'ye. Yekaterinburg: Volot, 2001. S.8-51. [in Russian].

38. Utemish-khadzhi. Chingiz-name [Genghis Nama]. Alma-Ata: Gylym, 1992. 296 p. [in Russian].
39. Utemish-khadzhi. Kara tavarikh [Kara tavarich]. Kazan': Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT, 2017. 312 p. [in Russian].
40. Fasikh Akhmad ibn Dzhalal ad-Din Mukhammad al-Khavafi. Fasikhov svod [Fasikhov arch]. Tashkent. Fan. 1980. 346 p. [in Russian].

Information about the authors:

Alexey V. Parunin, Researcher at the Foundation for the Preservation of Cultural Heritage "Public Foundation" South Ural ", 456080, Chelyabinsk, ul. Soni Krivoy, d. 73, e-mail: therion12399@gmail.com, telephone 8-900-028-62-97

АНТИДЖУЧИДСКИЕ МОТИВЫ В "ТАЙНОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛОВ"

Порсин А.А.

Россия, город Магнитогорск.

Аннотация: в статье рассматриваются два сюжета, содержащиеся в "Тайной истории монголов" и касающиеся Джучи и его сына и наследника Бату. Во-первых, речь идет о семейном совете перед началом монголо-хорезмийской войны, на котором произошел конфликт между Джучи и Чагатаем, после чего наследником Чингиз-хана был объявлен Угедей. Во-вторых, рассматривается сюжет о ссоре между Бату с одной стороны, и Гуюком, Бури и Харкасуном с другой, возникшей на пиру после захвата Руси, кыпчаков и столицы кавказских алан Магаса, после которой Гуюк был отправлен к Угедею и получил от отца унижительный выговор. Автор статьи приходит к выводу о том, что оба сюжета были сконструированы автором или редактором источника с определенными политическими мотивами, и при этом использовалась сходная методика. Он брал действительно произошедший и известный среди монгольской элиты конфликт, и помещал его в нужный социальный, политический и хронологический контекст, демонстрируя тем самым неспособность ни одной из чингизидских ветвей, кроме Тулуидов, эффективно управлять империей.

Ключевые слова: Тайная история монголов, Джучи, Бату, Чагатай, Бури, Гуюк, конфликт.

Введение. Одной из ключевых проблем в изучении "Тайной истории монголов"⁴ является неопределенность в вопросе о том, когда конкретно был создан этот памятник. Также неясно, было ли его создание более или менее одномоментным актом, или же формирование единого текста проходило в несколько этапов и растянулось на десятилетия. Единственным прямым хронологическим маркером является указание на то, что работа была составлена во время созыва Великого собрания в год Крысы [Rachewiltz, 2015, p. 206]. Исходя из содержания текста, подходящими годами Крысы могут быть 1228, 1240, 1252 и 1264 год. Вокруг них обычно и строится обсуждение вопроса.

Ряд исследователей считает, что Великое собрание года Крысы произошло в 1228 году, и именно на нем был избран кааном Угедей. Таким образом, дата в тексте относится только к описанию жизни и деятельности Чингиз-хана, а описание событий правления Угедея было добавлено позднее [Rachewiltz, 1965, p. 185-206; Ratchnevsky, 1993, p. 91-92]. Но, так как текст все таки содержит описание правления каана Угедея, некоторые ученые полагают, что он был составлен в самом конце его правления в 1240 году [Peliot, 1940-1941, p. 1-2; Козин, 1941, с. 17-19]. Впервые Р. Груссе предположил, что текст памятника мог быть написан в правление каана Менгу [Grousset, 1941, p. 22]. Эту точку зрения развил К. Этвуд в своей статье, где он системно изложил все аргументы, доказывающие написание основной части текста ТИМ в 50-е годы XIII века [Atwood, 2007, p. 1-48]. У. Хунг предложил одну из наиболее поздних дат - 1264 год [Hung, 1951, p. 489-490]. Наиболее радикальную версию предложил Окада Хидехиро, с точки зрения которого, ТИМ является историческим романом, написанным в 1324 году [Okada, 1972, p. 61-67; 1989, p. 284-292].

Обсуждение. В этой работе я не буду высказывать конкретную позицию по вопросу датировки текста. Основной целью статьи является рассмотрение двух сюжетов ТИМ,

⁴ Далее ТИМ.

которые, на мой взгляд, являются результатом прямого и сознательного конструирования исторического повествования ее автором или одним из редакторов. То, что в тексте ТИМ встречается достаточно много анахронизмов, которые не позволяют однозначно датировать памятник ранним периодом, известно давно. Наиболее явным из них является сообщение об отправке Угедеем Есудера Корчи в Корею [Rachewiltz, 2015, p. 194]. Перевод туда Есудера и замена им на посту командующего Джалаиртая Корчи произошли в 1258 году при Мунке [Ledyard, 1964, p. 1-22; Henthorn, 1963, 137, 150–51]. Наиболее полно проблема анахронизмов в ТИМ была исследована К. Этвудом, который справедливо отметил, что некоторое из них не включены в структуру повествования и могли возникнуть при последующей редакции текста. Но другие анахронизмы включены в текст очень глубоко, и их возникновение нельзя объяснить случайностью [Atwood, 2007, p. 7]. Сами анахронизмы хорошо известны, и я построюсь рассмотреть один из возможных механизмов их появления.

Речь идет о двух сюжетах, сложный исторический характер которых был отмечен исследователями уже давно. Во-первых, это сюжет о назначении Угедеем наследником престола, перед началом монголо-хорезмийской войны, содержащийся в параграфах 54 и 55. Общая структура повествования такова:

1. Происходит убийство монгольских послов в Хорезме и Чингиз-хан решает отправиться туда войной;

2. Его жена Есуй-хатун напоминает о возможности его смерти и о необходимости назначения наследника;

3. Чингиз-хан предлагает высказаться Джучи, после чего происходит крайне жесткий конфликт между ним и Чагатаем. Чагатай называет Джучи "ублюдочным потомком Меркита", чем бросает тень не только на происхождение брата, но и на честь своей матери, заявляя об ее изнасиловании. Схватившихся братьев разнимают Боорчу и Мухали, а Коко-Цос произносит гневную речь в защиту Борте (254);

4. Чингиз-хан пресекает спор, резко выговаривает Чагатаю, который предлагает кандидатуру Угедеем. Чингиз-хан назначает наследником Угедеем, указывая, что если его потомки будут неспособны править, то власть должна перейти к потомкам других его сыновей (255);

Все описание монголо-хорезмийской войны в ТИМ изобилует анахронизмами и неточностями. Однако именно описание семейного совета, основным вопросом на котором был вопрос наследования, считается полностью сконструированным. И. де Рахевильц отметил, что само описание почти наверняка является более поздней интерполяцией, отражающей взгляды той части монгольской элиты, которая выступала против претензий потомков Джучи и Чагатая на власть [Rachewiltz, 2004, p. 923, 937]. Прежде всего сомнения вызывает историчность зафиксированного "завещания Чингиз-хана" о том, что в случае недееспособности или некомпетентности потомков Угедеем власть должна перейти к представителям другой ветви Чингизидов. В тексте Рашид ад-Дина приводится совершенно иной вариант формулы, использованной в ТИМ. Она была высказана во время полемики о престолонаследии после смерти Гуюка как аргумент в пользу притязаний на власть потомков Угедеем. И хотя в приведенном варианте используется тот же символический ряд, он имеет прямо противоположный смысл - Чингизиды клялись передавать престол именно оставшимся потомкам Угедеем, даже если те были абсолютно некомпетентны и недееспособны [Thackston, 1998-1999, p. 39]. Формула приведенная Рашид ад-Дином абсолютно уместна и логична, в отличие от формулы, содержащейся в ТИМ. Поэтому большинство исследователей признают, что первоначальным вариантом был тот, который закреплял права Угедеемидов на трон, а не распространял их на всех Чингизидов. Вариант же содержащийся в ТИМ рассматривается

как поздняя интерполяция, совершенная в правление Менгу и обосновывающая права Тулуидов на власть [Rachewiltz, 2004, p. 935-937; Atwood, 2007, p. 11-12; Kim, 2005, p. 324-326].

Итак, определенная часть описания монголо-хорезмийской войны сознательно конструировалась автором или редактором ТИМ. Я не буду рассматривать здесь все анахронизмы данного сюжета, имеющие некое политическое значение, а остановлюсь лишь на тех, которые имеют прямые параллели в дальнейшем повествовании.

Судя по всему, автор или редактор сконструировали описание самого семейного совета, на котором якобы произошла ссора между Джучи и Чагатаем, а также объявление Угедея наследником, с возможностью передачи власти другой семье. К такому выводу подталкивают следующие наблюдения.

1. У Рашид ад-Дина перед вторжением в Хорезм Чингиз-ханом также созван был курултай, однако ни о каких решениях, связанных с престолонаследием, назначением наследников и ссорах между принцами он не упоминает [Thackston, 1998-1999, p. 241]. В тексте «Джами' ат-таварих» дается несколько иная последовательность событий, которая частично подтверждается другими источниками. Рашид ад-Дин четко относит тайное совещание Чингиз-хана с его сыновьями на котором Угедей был назначен наследником к 1226 году. Во время похода против тангутов Чингиз-хану приснился сон предвещающий смерть, и он созвал своих сыновей для последних наставлений и объявления наследника. При этом специально подчеркивается, что эмиры были к совету не допущены, Джучи к тому времени уже умер, а Чагатай не приехал, и Чингиз-хан переживал, предполагая его возможную непокорность семейному решению [Thackston, 1998-1999, p. 241]. Джуейни также относит семейный совет, на котором Угедей был объявлен наследником, ко времени завершения похода против тангутов [Juvaini, 1997, p. 178-183].

2) Рашид ад-Дин также упоминает о ссоре между сыновьями Чингиз-хана. Он относит ее ко времени осады Ургенча, то есть к зиме или весне 1221 года [Thackston, 1998-1999, p. 254]. Описание захвата Ургенча у Рашид ад-Дина очень подробно, но в то же время содержит определенные противоречия, содержащиеся в разных частях его работы, а также в разных ее списках. В повествовании о Чингиз-хане присутствует отдельный рассказ об «отправлении Чингиз-ханом своих сыновей Джочи, Чагатая и Угедея в Хорезм и о захвате его». Там сообщается, что после завоевания Мавераннахра, Чингиз-хан отправил к Ургенчу своего старшего сына Джучи вместе с Чагатаем и Угедеем. До подхода царевичей близ города происходили отдельные столкновения нападавших и защитников. Когда прибыли Джучи, Чагатай и Угедей, началась осада города. Туда было отправлено посольство с предложением о сдаче. Затем подошли подкрепления, и началась подготовка к штурму. В какой-то момент между Джучи и Чагатаем произошел конфликт, который привел к ослаблению боеспособности монгольских войск и к большим потерям. Из-за этого осада растянулась на семь месяцев. Когда Чингиз-хан осаждал Таликан, к нему пришло известие о том, что Ургенч не удастся взять из-за конфликта его сыновей. Он отправил в Хорезм Тулуя, который, прибыв туда, достаточно быстро навел порядок в войсках, и приступил к штурму города. Далее идет рассказ о взятии города, расправах над жителями и грабеже. Однако затем, в рассказе о погоне Чингиз-хана за султаном Джалал ад-Дином говорится о том, что когда он закончил захват Таликана, царевичи вернулись из Ургенча, а Тулуй из Хорасана [Thackston, 1998-1999, p.253-256].

В тексте, на котором основан перевод О.И. Смирновой, это противоречие выражено еще более очевидно. В рассказе о завоевании Ургенча, человеком возглавившим командование штурмом после возникновения конфликта, назван Угедей. Но, в «Рассказе о выступлении Чингиз-хана из пределов Самарканда...» сообщается, что весной в то время, когда их отец осаждал Таликан, Джучи, Чагатай и Угедей занимались осадой Ургенча, которая была в самом разгаре. Тулуй в это время захватывал Мерв, всю

территорию до Нишапура, и сам город. В конце весны Чингиз-хан приказал Тулую возвращаться, что тот и сделал, по пути захватив Герат. К моменту возвращения Тулуя, Таликан был уже захвачен. Его осада продолжалась семь месяцев. Вскоре после этого к Чингиз-хану прибыли Чагатай и Угедей. Джучи же вернулся к своим обозам [Рашид ад-Дин, 1952(2), с. 217-219]. Согласно этому сообщению, в захвате Ургенча участвовали Джучи, Чагатай и Угедей, а Тулуй действовал самостоятельно на другом направлении. Таликан и Хорезм были захвачены примерно в одно время, следовательно, уход Джучи на север и возвращение Чагатая и Угедея к Чингиз-хану произошли в конце весны - начале лета 1221 года.

В «Повествовании о Джучи-хане» сообщается о том, что из-под Самарканда Чингиз-хан отправил его вместе с Чагатаем и Угедеем для захвата Ургенча. Однако взятие города затягивалось из-за конфликта между Джучи и Чагатаем. Тогда Чингиз-хан назначил старшим Угедея, после чего Ургенч был захвачен. Чагатай и Угедей направились в Таликан к отцу, а Джучи направился к Иртышу, где находились его обозы и орды. Далее идет рассказ о том, что Чингиз-хан приказал Джучи захватить северные страны, такие как Келар, Башгирд, Урус, Черкес и Дешт-и-Кыпчак. После чего сообщается об уклонении Джучи от этой обязанности, его конфликте с отцом и смерти. В «Повествовании о Чагатае» Рашид ад-Дин, по сути, повторяет этот рассказ, при этом датируя возвращение Чагатая и Угедея к Чингиз-хану летом 619 г.х., то есть 1222 года [Рашид ад-Дин, 1960, с. 78-79, 94-95; Thackston, 1998-1999, p. 359, 374].

Исследователи уже неоднократно отмечали, что при внешней схожести описания осады и штурма Хорезма, источники кардинально расходятся в вопросе о том, кто из царевичей руководил осадой, и при каких обстоятельствах право на это руководство было получено. С точки зрения И. Тоган, эти противоречия объясняются тем, что подчинение Хорезма было очень важным событием для дальнейшего обоснования права на власть той или иной ветви внутри династии Чингизидов [Тоган, 2001, с. 168-172]. П. Джексона, считает, что основной причиной постоянно развивающегося конфликта внутри монгольской правящей династии, был вопрос о том, какая ветвь Чингизидов будет возглавлять присоединение западных территорий [Джексон, 2017, с. 52]. К. Этвуд поддержал эту точку зрения, заключив что этот конфликт этот велся, в том числе, и в рамках монгольской историографии. Родоначальником династии, заложившим основы ее легитимности, являлся Чингиз-хан, поэтому крайне важным был реальный или сконструированный факт того, кто из четырех сыновей был выбран отцом для покорения запада, и как он справился со своей задачей. Завоевание Хорезма было одним из ключевых этапов монгольского продвижения на запад. И статус каждого из участников во время похода определял обоснованность его претензий и претензий его потомков на власть после смерти основателя империи. Он выделяет «стандартное повествование» о жизни Джучи, сформированное монгольскими, китайскими и персидскими источниками. В нем роль старшего сына Чингиз-хана всячески принижалась и затушевывалась. «Стандартное повествование», окончательно сформировавшееся по результатам «тулуидской революции» 1251 года, вступает в противоречие с данными, содержащимися, прежде всего, в биографиях отдельных персон этого периода.

Автор предлагает следующую реконструкцию. И Юань Ши⁵, и Рашид ад-Дин в сообщениях, касающихся раннего этапа карьеры Джучи, содержат информацию о том, что до определенного момента он считался официальным наследником Чингиз-хана. Это же подтверждают и самостоятельные действия Джучи в начале монголо-хорезмийской войны. Ранее и, видимо, не ангажированное сообщение ан-Насави подтверждает, что Джучи по приказу отца возглавлял осаду Ургенча и должен был получить его во владение.

⁵ Далее ЮШ

Конфликт с Чагатаем и неудачные действия во время штурма привели к потере им статуса наследника престола. Впоследствии возникли разные версии этих событий, так или иначе скомбинированные в разных источниках. Джувеини отрицает прямое участие Джучи во взятии города, тем самым ослабляя претензии Джучидов на власть. В тексте Рашид ад-Дина совмещаются сразу несколько версий, одна из которых обосновывает лидерство Угедея, а другая Тулуя [Atwood, 2017, p. 35-36, 50-54].

Действительно, в таком раннем и авторитетном источнике, как ан-Насави, говорится о том, что именно Джучи вел переговоры с элитой осажденного Ургенча в качестве лидера вторгшегося войска. Более того, старший сын Чингиз-хана первоначально не хотел разрушать город, так как он должен был стать частью его владений [Шихаб ад-дин ан-Насави, 1996, с.132-134]. Конечно, это сообщение не устраняет противоречие с текстом Рашид ад-Дина полностью, но частично подтверждает его. Сообщения Рашид ад-Дина о передвижениях Тулуя, не позволяют принять версию о его участии в штурме. Сейчас сложно сказать, действительно ли Джучи был единственным руководителем осады на первом ее этапе, или его полномочия с Чагатаем были поделены менее конкретно и однозначно, что и привело к конфликту. Для нас важно, что независимые от ТИМ источники подтверждают два ключевых момента. Во-первых, в разгар хорезмийской войны Угедей еще не был признанным лидером, скорее до определенного момента им считался Джучи. Во-вторых, кажется совершенно невероятным, чтобы опытный Чингиз-хан отправил братьев воевать вместе, после отвратительных оскорблений брошенных Чагатаем в лицо Джучи. Ход операции скорее говорит о том, что в ее начале отношения между ними не были конфликтными или, по крайней мере, неприязнь не переходила на уровень открытой вражды. На то, что конфликт, ключевыми темами которого были лидерство и происхождение Джучи, произошел во время, когда вместе находились три старших брата, а Тулуй отсутствовал, возможно, намекает Рашид ад-Дин. В главе, посвященной Джучи он пишет, что несмотря на постоянные ссоры между Джучи с одной стороны и Чагатаем и Угедеем с другой, Тулуй никогда не оскорблял старшего брата, признавая его законность [Thackston, 1998-1999, p. 347-348].

3) Велика вероятность того, что как минимум два лица, согласно ТИМ являвшихся участниками семейного совета перед началом монголо-хорезмийской войны, вообще на тот момент не находились в Монголии. Во-первых, речь идет о Мухали. К. Этвуд справедливо отметил, что его нахождение в лагере Чингиз-хана в 1221 году в Центральной Азии было совершенно невозможно, так как все остальные источники, сообщают о том, что с 1217 года до своей смерти в 1223 году она находился в Северном Китае [Atwood, 2007, p. 10]. Согласившись с этим, отметим, что по той же причине его нахождение на семейном совете в Монголии перед началом вторжения в Хорезм так же вызывает вопросы. Согласно ЮШ начиная с 1217 года он вел активные боевые действия в Северном Китае. В августе-сентябре 1218 года он захватил города Тайюань и Пиньян вместе с округами Синьчжоу, Дайчжоу, Цзэчжоу, Лучжоу, Фэньчжоу и Хочжоу. Решение о походе на запад принималось в июле-августе 1219 года, а уже осенью того же года Мухали захватил округа Кэланьчжоу, Цзичжоу и Сичжоу, Цзянчжоу [Храпачевский, 2009, с. 155-156]. По всей видимости, оба эпизода участия Мухали в "хорезмийском сюжете" не соответствуют действительности.

Вторым человеком, который, скорее всего, не участвовал в ссоре, описанной в ТИМ, был сам Джучи. Подробно рассмотревший передвижения Джучи в это время П. Буэль заключил, что он в 1218-1219 годах продвигался на запад, и потом двинулся на юг и ударил по Дженду, вынудив хорезмшаха Мухаммада воевать на два фронта [Buell, 1992, p. 23-29]. Впервые И. Тоган отметила, что во время "отрарского инцидента" Джучи находился далеко на западе, и поэтому вряд ли мог участвовать в обсуждении вопроса о престолонаследии и ссоре с Чагатаем [Тоган, 2001, с. 171]. К. Этвуд пришел к выводу о

том, что столкновение войска во главе с Джучи с армией хорезмшаха Мухаммада на территории современно Западного Казахстана и убийство монгольских послов Отраре, ставшее официальной причиной войны, произошли практически одновременно и стали для монголов неожиданностью [Atwood, 2017, p. 47-49].

Конечно, и участие Мухали в боевых действиях в Северном Китае, и присутствие Джучи в Западном Казахстане не исключает возможности их вынужденного появления на семейном совете, но делает саму ситуацию крайне маловероятной. Тоже можно сказать и об уже упоминавшемся присутствии Мухали в ставке Чингиз-хана в 1221 году. В это время Яньцзине (Пекине) с ним общался южнокитайский посол Чжао Хун [Мэн-да бэй-лу, 1975, с. 55]. Интересно, что здесь в каком-то смысле повторяется рассмотренный выше сюжет. Мухали упоминается в ТИМ в контексте очередного внутрисемейного конфликта, не зафиксированного другими источниками. Согласно ТИМ, Джучи, Чагатай и Угедей, захватив Ургенч, разделили добычу между собой, не выделив причитающуюся долю отцу. Узнав об этом, Чингиз-хан три дня не допускал сыновей к себе. Только после заступничества приближенных, в числе которых был и Мухали, он встретился с Джучи, Чагатаем и Угедеем и сделал им строгий выговор [Rachewiltz, 2015, p. 181]. И здесь участие Джучи крайне сомнительно. Нельзя даже с уверенностью сказать виделся ли он с отцом после взятия Ургенча. Два основных источника по теме дают прямо противоположные сведения на этот счет. Джувеини сообщает, что Чингиз-хан провел зиму 1222-1223 года в окрестностях Самарканда, послав оттуда гонцов в Дешт-и-Кыпчак к Джучи с просьбой прибыть к нему. Весной он встретился с Угедеем и Чагатаем и провел курултай у реки «Фенакет», откуда двинулся дальше, пока в районе Кулан-баши их не нагнал Джучи. Он пригнал отцу тысячу серых лошадей и стада диких ослов. В другом месте автор сообщает, что Джучи умер после встречи с отцом, вернувшись из Кулан-баши [Juvaini, 1997, p. 139-140, 266].

Согласно Рашид ад-Дину, Чингиз-хан выдвинулся в 621 г.х. (1224 год). Причиной возвращения стало восстание тангутов. Дойдя до реки «Банакет», он созвал курултай, на котором присутствовали все сыновья, кроме Джучи. Чингиз-хан провел в пути весь 1224 год, и в начале 1225 года вернулся в Монголию [Рашид ад-Дин, 1952(2), с. 226, 229-230; Thackston, 1998-1999, p. 258, 260-261].

В «Повествовании о Джучи-хане» он сообщает о том, что после захвата Хорезма Джучи отправился на Иртыш, где находились его обозы, имея приказ от Чингиз-хана начать захват западных территорий, и в том числе Дешт-и-Кыпчака. После отказа Джучи начать поход вспыхнул его конфликт с отцом, который стал требовать его к себе. Джучи из-за болезни не смог приехать. После нескольких призывов Чингиз-хан решил пресечь неповиновение старшего сына, отправив против него Чагатая и Угедеев с войском. Он собирался выступить и сам, но тут пришло известие о смерти Джучи от болезни [Thackston, 1998-1999, p. 359-360].

Близкую к ТИМ версию предлагает ЮШ согласно которой в когда Чингиз-хан находился в Парване (1221 год) Джучи, Чагатай и Угедей соединились с войском Баланонойна [Храпачевский, 2009, с. 159]. То есть речь идет о том, что Джучи присоединился к отцу на какое-то более или менее продолжительное время. Это сообщение можно с уверенностью считать ошибочным, так как в той же ЮШ, в "Биографии Исмаила" прямо говорится о том, что в 1223 году Джучи находился где-то на севере, так как именно ему Джебе через Исмаила передал русского князя Мстислава (Мечжисыле) [Храпачевский, 2005, с. 522]. Таким образом, вне зависимости о того, прав ли Джувеини, утверждающий, что Джучи виделся с отцом во время его возвращения в Монголию, или верно сообщение Рашид ад-Дина, описанная в ТИМ сцена не могла произойти, по крайней мере при участии старшего сына Чингиз-хана.

Возвращаясь к рассмотренному сюжету можно, хотя и в самом общем виде, выделить конструктивные примы, которыми пользовался автор или редактор ТИМ создавая нужную ему сцену. Он взял имевшее место и видимо широко известное элите империи событие - ссору Джучи и Чагатая, возникшую из-за того, что один не хотел подчиниться другому в ходе осады Угенча. Нельзя с уверенностью сказать, были ли оскорбительные обвинения Чагатая в адрес Джучи произнесены именно тогда, или он объединил несколько имевших место конфликтов. Но, кажется вполне допустимым, что именно в контексте выяснения вопроса о старшинстве при захвате Хорезма Чагатай высказал брату то, о чем не принято было говорить в слух. Это событие автор или редактор текста поместил в нужный ему хронологический и политический конспект - на семейный совет, на котором наследником был назван Угедей и который в реальности произошел после монголо-хорезмийской войны, когда Джучи уже не было в живых. Таким образом, создавалась композиция, дискредитировавшая всех сыновей Чингиз-хана кроме Тулуя. Хронологический перенос события был важен, так как тогда ссора предвляла наступление монголов на запад и становилась фактом, влияющим не только на решение вопроса о престолонаследии, но и на основания для властных притязаний на владения на западе.

Эти достаточно общие соображения, могут быть хотя бы частично подтверждены тем, что аналогичный набор конструктивных приемов с той же целью автор или редактор текста применяет еще раз:

1. Во время великого западного похода Бату присылает каану Угедею письмо, в котором содержится жалоба на поведение его сына Гуюка, сына Чагатая Бури⁶ и сына Элджигидея Харкасуна. В послании сообщалось, что, когда была покорена Русь и еще одиннадцать народов, а также захвачен город "Мегет", монголы решили повернуть назад. Перед возвращением был устроен пир и установлен большой шатер. Как старший среди принцев Бату первым выпил чашу. Это оскорбило Гуюка, Бури и Харкасуна которые покинули пир, при это публично оскорбив Бату. Общий смысл их достаточно грязных выпадов сводился к указанию на женоподобность Бату и его окружения, и то что Бату не имеет право на заявленное старшинство (275).

2. Узнав о произошедшем Угедей был разгневан и обещал сослать своего сына Гуюка за неповиновение старшему, Бури отправить на суд к его отцу Чагатаю, а Харкасуна сослать или казнить (276).

3. Но за Гуюка, Бури и Харкасуна вступился принц Менгу и эмиры, указав на то, что военные дела должны разрешаться действующим командующим армией, то есть Бату. Угедей согласился, однако еще раз отчитал Гуюка, указав на излишнюю жестокость к подчиненным воинам во время похода и на отсутствие его заслуг в деле завоевания русских и кыпчаков. Он отправил Гуюка и Харкасуна на суд к Батыю, а Бури передал Чагатаю (277) [Rachewiltz, 2015, p. 194-197].

То, что этот сюжет, как и содержание параграфов 254-255, является более поздней вставкой в текст ТИМ, произведенной после смерти Угедея с целью дискредитации его потомков предположил Л. Лигетти. Эту точку зрения подержал И. де Рахевильц [Rachewiltz, 2004, p. 1014]. Хорошо известен факто того, что Гуюк просто не мог вернуться с войны для встречи с отцом, а затем отправится обратно на запад [Yü Da-Djün, 1986-1987, p. 297-300; Atwood, 2007, p. 13-14]. Три независимых друг от друга источника выстраивают события в совершенно иной ряд. Во-первых, Джувеини сообщает, что Гуюк узнал о смерти отца находясь в пути в Монголию. Только достигнув реки Эмиль на которой находилась его орда наследник престола узнал о мятеже Темуге-Отчигина. То есть, известие о смерти отца он получил еще раньше [Juvaini, 1997, p. 248]. Во-вторых,

⁶ О противоречиях в источниках по поводу степени родства Бури и Чагатая [Джексон, 2017, с. 56].

согласно ЮШ, Угедей приказал Гуюку возвращаться вместе с войскам только в начале 1241 года [Храпачевский, 2009, с. 176]. В-третьих, имя Гуюка фигурирует в списке лидеров монгольского войска, осаждавшего Киев конце 1240 года. Список этот, согласно Ипатьевской летописи, русские получили от попавшего в плен монгола Товрула [Ипатьевская летопись, 1908, с. 536-537]. Учитывая, что каан Угедей умер 11 декабря 1241 года, данные всех приведенных выше источников хорошо подкрепляют друг друга. В декабре 1240 года Гуюк находился под стенами Киева. Примерно в тоже время его отец Угедей издал указ о его возвращении. Учитывая время, за которое приказ должен был доставлен Гуюку через недавно покоренные территории, то что он узнал о смерти отца находясь в пути идеально укладывается в эту схему.

Много внимания этому сюжету ТИМ уделил Ким Ходонг. Признавая невозможность возвращения Гуюка с фронта к отцу и возвращения обратно после унижительного выговора, он указывает на то, что факт какого-то инцидента между руководителями похода подтверждается и другими источниками. По мнению исследователя, какой-то конфликт между Бату и Гуюком действительно имел место. Предположительно он произошел летом 1241 года после победы над венграми, на что намекает сообщение ЮШ о трениях между Бату и Субедеем на произошедшем в это время пиру. Причиной конфликта автор считает некомпетентность Бату в военных вопросах, которая привела к многочисленным ошибкам в командовании войсками [Kim, 2005, p. 314-320].

Но, если применить к этой ситуации выделенные конструктивные приемы, которые ранее использовал автор и редактор текста, можно реконструировать происхождение этого сюжета более точно и уверенно. Исследователями уже отмечалось, что до нас дошли два других упоминания об этом конфликте. В обоих речь идет об эпохе Менгу, когда Джучиды и Тулуиды, победив своих конкурентов, начали расправляться с проигравшими. Ранее исследователями уже отмечалось, что Бури и Харкасун были казнены в 1251 году по настоянию Бату, что подтверждает тенденциозный характер всего сюжета [Yü Da-Djün, 1986-1987, p. 300; Atwood, 2007, p. 13-14].

Что известно о произошедшем из других источников? Гильом де Рубрук, проезжавший в 1254 году по бывшим владениям Бури, сообщал, что у него были очень плохие пастбища. Однажды, находясь в опьянении, Бури стал публично возмущаться тем, что он как потомок Чингиз-хана также, как и Бату имеет право кочевать на Волге и иметь там пастбища. Узнав об этом, Бату приказал людям Бури привезти их господина к нему. Бату спросил, произносил ли Бури подобные слова. Тот признал вину, оправдываясь тем, что был пьян, но несмотря на это был казнен [Jackson, Morgan, 199, p. 144-145].

Рашид ад-Дин так же упоминает об этом конфликте в контексте казни Бури. По его словам, в эпоху правления Менгу Бури находясь в опьянении стал оскорблять Бату, который узнав об этом, потребовал его к себе. По приказу Менгу Бури был доставлен к Бату и казнен [Thackston, 1998-1999, p. 368-369].

Рашид ад-Дин относит нанесение оскорблений к эпохе правления Менгу и это очевидная ошибка, так как Бури был казнен сразу после прихода нового каана к власти. Здесь цепочка событий сильно сжата, но указание на то, что оскорбления наносились из-за какой-то обиды, говорит о том, что автор слышал о его предыстории. На основе этих сообщений можно сделать три вывода, важных для нашей темы. Во-первых, оба автора говорят о том, что оскорбления наносились Бури в опьянении, что подкрепляет версию ТИМ о пире. Во-вторых, оба автора подчеркивают, что Бату там не присутствовал. Оскорбления, в отличие от версии ТИМ, не были прощены Бури ему в лицо. Бату узнал о факте их нанесения, и в варианте Рубрука даже допрашивал Бури, требуя подтверждения обвинения. В-третьих, авторитет версии ТИМ полностью затмил иную причину

конфликта, названную Рубруком. А ведь она куда более логична и хорошо вписывается сложившуюся на момент завершения великого западного похода ситуацию. Бури был недоволен не самим фактом старшинства Бату, а тем что захваченные территории переходят под власть Джучидов.

Сложно сказать, когда конкретно произошел конфликт между Бату и Бури. Проблема эта осложняется тем, что в источниках помимо ТИМ нет прямых указаний на участие в нем Гуюка или Харкасуна. Джувейни и Рашид ад-Дин сообщают о казни последнего вне какой-то связи с казнью Бури и ничего не говорят об оскорблениях [Juvaini, 1997, p. 587; Thackston, 1998-1999, p. 407]. Так же обстоит дело и с Гуюком. Можно с уверенностью говорить о факте вражды между Бату с одной стороны и Гуюком или Харкасуном с другой, но соотнести эту вражду с пьяными оскорблениями Бури нельзя. То есть нельзя сказать действительно ли Гуюк и Харкасун присутствовали в момент их произнесения, как это описано в ТИМ, или же последние были искусственно включены в инцидент, в котором в реальности участвовал только Бури.

Можно лишь делать осторожные предположения на этот счет. Гипотеза Х. Кима вполне допустима, но она содержит в себе определенное противоречие. Если автор текста или поздней интерполяции в него действительно основывал сюжет на реальных событиях, лишь дополняя его нужными деталями, то почему, с его точки зрения, западный поход завершался захватом Руси и города "Мевет"? Почему ничего не сообщается о вторжении в Венгрию и Польшу, хотя имеемо в ходе него, согласно исследователю, и произошел инцидент? К тому же, участие Гуюка в боевых действиях, происходивших после взятия Киева, не подтверждаются ни одним известным источником. На самом деле, единственной причиной датировки ссоры между Бату и Гуюком летом 1241 года является то, что только в этот период можно обнаружить упоминание о пире, на котором присутствовало все руководство монгольской армии. Но, ситуация со ссорой Джучи и Чагатая и упоминания Рубрука и Рашид ад-Дина, позволяют предположить, что автор или редактор текста вполне мог встроить ссору Бату и Бури в контекст некоего внутрисемейного, а точнее элитного мероприятия, в данном случае, прощального пира.

Сами события, описанные в ТИМ достаточно, четко датируются зимой 1239-1240 годов. В. Минорский доказал, что речь идет о городе Магас – столице кавказских алан [Minorsky, 1952, p. 232-238]. После разгрома Владимиро-Суздальской Руси монголы сосредоточились на южном направлении, стремясь покорить народы способные оказать сопротивление у них в тылу, а также добить уцелевших кыпчаков, бежавших в Крым или на Кавказ. В этом направлении происходят сразу несколько военных операций. Т. Оллсен предполагал их скоординированность [Allsen, 1987-1991, p. 18].

Вот как события описывает Рашид ад-Дин: зимой 1238-1239 годов Менгу и Кадан захватили черкесов. Шибан, Бучек и Бури разгромили кыпчаков в Крыму. Берке разбил кыпчаков «беркути». В 1239 году Гуюк, Менгу, Бури и Кадан осадили столицу аланов Магас и взяли его через полтора месяца. Весной они послали войско во главе с Букадаем к Дербенту, а осенью 1240 года Менгу и Гуюк двинулись назад по приказу Угедея, и в 1241 году были уже в своих ордах [Thackston, 1998-1999, p. 327-328]. Также, зимой 1239-1240 года взятие Магаса датирует ЮШ [Храпачевский, 2009, с. 175]. Единственное серьезное отклонение в хронологии у Рашид ад-Дина - это дата получения Менгу и Гуюком приказа о возвращении. Как уже указывалось выше в декабре 1240 года Гуюк и Менгу участвовали в осаде Киева, а приказ о возвращении Гуюка был издан Угедеем только в начале 1241 года, и соответственно мог достигнуть адресата в лучшем случае весной.

Однако если жалоба Бату по результатам инцидента действительно имела место, то необходимо учитывать время ее следования от Бату к Угедею. Конечно, все расчеты тут предельно условны, но если письмо Бату действительно стало причиной или одной из

причин отзыва Гуюка, то оно должно было быть отправлено летом или осенью 1240 года. То есть оскорбления, если только Гуюк был к ним причастен, должны были быть произнесены в первой половине 1240 года, действительно сразу или через какое-то время после взятия Магаса. Интересно то, что если операция против кыпчаков была совместной чингизидской операцией: в Крыму действовали Шибан, Бучек и Бури, и видимо где-то неподалеку с кыпчаками воевал Берке, то в конце 1239 году Бучек оказывается под стенами Магаса, где он и встречается с Гуюком. Был ли его переход запланирован заранее, стали ли результатом изменения тактической обстановки или имела место ссора с Джучидами, неизвестно. Но, вряд ли случайно, что именно под Магасаом встретились два участника сцены, описанной в ТИМ. Возможно, что Бури произнес свои пьяные оскорбления именно там.

Выводы. В заключении хочется отметить, что автор или редактор ТИМ сконструировал два сюжета по одному шаблону. Он взял два известных среди элиты империи конфликта, между Джучи и его сыном и наследником с одной стороны, и Чагатаем и его сыном, а также сыном и наследником Угедея Гуюком с другой. Во-первых, он поместил их в соответствующий социальный контекст - семейный совет по назначению наследника и праздничный пир в честь завершения великого западного похода. Во-вторых, он разместил их в соответствующем хронологическом и политическом контексте - решение вопроса о престолонаследии, происходящее в то же время начало покорения запада и завершение западного похода, за которым отчетливо вырисовывалась перспектива дележа территорий и добычи. Завоевание западных территорий и дальнейшие права на них действительно являлись для него важным вопросом. Крайне интересным в этом плане является замечание И. де Рахевильца о том, что список стран и народов, покоренных Субедеем во время его знаменитого рейда, в ТИМ спутан со списком стран и народов, коренных в ходе великого западного похода [Rachewiltz, 2004, p. 958-959]. В-третьих, оба сконструированных сюжета сопровождаются максимально грязными и абсолютно не завуалированными оскорблениями представителей правящего рода, не характерными для восточной исторической литературы. Конечно, мотивы и цели автора или редактора текста можно предполагать лишь предельно условно. Судя по всему, он пытался показать атмосферу жесткой, грубой и плохо сдерживаемой вражды между сыновьями и внуками Чингиз-хана, и всячески дискредитировал их перед читателем, при этом соблюдая видимость честного повествования о семейных делах. При этом Тулуй и его потомки в обоих случаях деликатно обходятся стороной. А ведь по крайней Менгу находился у стен Магаса, в то время, когда туда прибыл Бури. Совершенно неясно почему именно Менгу был отозван с фронта вместе с Гуюком. При этом ТИМ подтверждает версию Рашид ад-Дина о том, что Менгу был отозван в Монголию вместе с Гуюком. Ведь именно он вместе с эмирами вступает за провинившегося принца перед его отцом и убеждает Угедея передать дело на суд Бату. Надо заметить, что в каком-то смысле так и произошло, и, по крайней мере, Бури на суд к Бату был действительно отправлен причем именно Мену. Причем автор помещал "взрывы между Чингизидами" в политически важный хронологический конспект: начало продвижения монголов на запад и конец западного похода. Надо заметить, что и за конфликтом между Чингиз-ханом и его сыновьями из-за неправильного дележа добычи, также следуют анахронизмы выгодные Тулуидам и ущемляющие права и интересы Джучидов. Можно предположить, что и другие сюжеты ТИМ о Джучи и о других представителях монгольской элиты подверглись той же обработке, следы которой можно выделить в историческом и литературном плане.

ANTI-JOCHID MOTIVES IN "THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS"

A.A. Porsin

Magnitogorsk, Russian Federation

Abstract. The article deals with two stories contained in "The Secret history of the Mongols", concerning Jochi and his son and the heir Batu. First, the family Council before the beginning of the Mongol-Khorezm war is depicted, at which there was a conflict between Jochi and Chagatai, after which Ogedei was declared the heir of Genghis Khan. Secondly, the story is about a quarrel between Batu on the one hand, and Guyuk, Buri and Harkasun on the other, which arose at a Banquet after the capture of Russia, the Kipchaks and the capital of the Caucasian Alans Magas, after which Guyuk was sent to Ogedei and received a humiliating reprimand from his father. The author of the article comes to the conclusion that both stories were constructed by the author or editor of the source with certain political motives, and a similar technique was used. He took a conflict that had actually occurred and was known among the Mongol elite, and placed it in the right social, political, and chronological context, thus demonstrating the inability of any of the genghis branches, except the Tuluids, to effectively manage the Empire.

Keywords: secret history of the Mongols, Jochi, Batu, Chagatai, Buri, Guyuk, conflict.

REFERENCES

1. Allsen T. Mongols and North Caucasia // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1987-1991. P. 5–40. [in English].
2. Atwood C. The Date of the 'Secret History of the Mongols' Reconsidered. // *Journal of Song-Yuan Studies*. 2007. No. 37. pp. 1–48. [in English].
3. ANTI-JOCHID MOTIVES IN "THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS" // *Mongolia Matters: War, Law, and Society*. Leiden. Brill. 2017. pp. 35-56. [in English].
4. Buell P. Early Mongol Expansion in Western Siberia and Turkestan (1207-1219): A Reconstruction // *Central Asiatic Journal*. No. 36. 1992. pp. 1-32. [in English].
5. Grousset R. État actuel des études sur l'histoire genghiskhanide // *Bulletin of the International Committee of Historical Sciences*. 12. 1941. pp. 22-40. [in English].
6. Henthorn W.E. Korea: The Mongol Invasions. Leiden. E.J. Brill. 1963. 252 p. [in English].
7. Hung W. The Transmission of the Book Known as The Secret History of the Mongols // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 14. 3/4. 1951. pp. 433–492. [in English].
8. Jackson P. Raspad Mongol'skoj imperii [The Collapse of the Mongol Empire] // *Zolotoordynskaya civilizaciya - Golden Horde civilization*. 2017. 10. pp. 50-83 [in Russian].
9. Jackson P., Morgan D.O. The mission of Friar William of Rubruck: his journey to the court of the Great Khan Möngke, 1253-1255 / translated by Peter Jackson; introduction, notes and appendices by Peter Jackson with David Morgan. London. Hakluyt Society. 1990. 312 p. [in English].
10. Juvaini Ata-Malik. The History of the World Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D.O. Morgan. Manchester, 1997. 763 p. [in English].
11. Kim Hodong A Reappraisal of Güyüg Khan // *Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Edited by Reuven Amitai and Michal Biran. Brill. Leiden. 2005. P. 309–338. [in English].

12. Kozin S. A. Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya hronika 1240 g. [The Hidden legend. Mongol chronicle 1240]. Vol. 1. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1941. 611p. [in Russian].
13. Ledyard G. The Mongol Campaigns in Korea and the Dating of The Secret History of the Mongols // *Central Asiatic Journal*. 9. 1964. pp. 1–22. [in English].
14. Meng-da Bay-Lu (Full description of the Mongol-Tatars). TRANS. with kit., no., comment. and ADJ. N. C. Moncheva. Moscow: Nauka. 1975. 285 p.
15. Minorsky V. Caucasia III: The Alan Capital Magas and the Mongol Campaigns // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. University of London. Vol. 14, No. 2. 1952. pp. 221-238. [in English].
16. Okada H. The Secret History of the Mongols, a Pseudo-Historical Novel // *Ajia Afurika gengo bunka kenkyū* 5. 1972. pp. 61–67.
17. Okada H. The Chinggis Khan Shrine and the Secret History of the Mongols // In *Religious and Lay Symbolism in the Altaic World and Other Papers*, ed. Klaus Sagaster and Helmut Einer. Weisbaden: Otto Harrassowitz. 1989. pp. 284–292. [in English].
18. Pelliot P. Deux lacunes dans le texte mongol actuel de L'Histoire secrète des Mongols // *Mélanges asiatiques*. 1940-41 pp. 1-18.
19. De Rachewiltz I. Some Remarks on the Dating of the Secret History of the Mongols // *Monumenta Serica*. 24. 1965. pp. 185-206. [in English].
20. De Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. 2 vols. Leiden: Brill, 2004. 1347 p. [in English].
21. De Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. The Australian National University, 2015. 268 p. [in English].
22. Ratchnevsky P. Šigi Qutuqu // In *the Service of the Khan*, ed. Igor de Rachewiltz, Hok-lam Chan, Hsiao Ch'i-ch'ing, and Peter W. Geier. Wiesbaden: Otto Harrassowitz. 1993. pp. 75-94. [in English].
23. Rashid ad-Din. Sbornik letopisej [Collection of Chronicles]. Vol. 1. kN. 2. M. L.: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. 1957(2). 281 p. [in Russian].
24. Rashid ad-A.A. Porsin
demi publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1960. 214 p. [in Russian].
25. Thackston W. (trans.). Rashiduddin Fazlullah's Jami'u'tawarikh: Compendium of Chronicles. Cambridge, Harvard University Department of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998-1999. 819 p. [in English].
26. Togan I. Dzhuchi han i znachenie osady Horezma kak simvoly zakonnosti [Jochi Khan and the meaning of the siege of Khorezm as symbols of legality] source *Studies of the history of the Ulus of Jochi (Golden Horde): from Kalki to Astrakhan: 1223-1556*. Kazan. 2001. pp. 146-187. [in Russian].
27. Shihab ad-Din an-Nasawi. Sirat as-Sultan Jalal ad-DIN Mankburny (life Of Sultan Jalal ad-Din Mankburny). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1996. 798 p. [in Russian].
28. Khrapachevskiy R. P. Military power of Genghis Khan. Moscow, 2005. 557 pp. [in Russian].
29. Khrapachevskiy R. P. Golden Horde in the sources. Vol. 3. Chinese and Mongolian sources. M:ZIVOI. 2009. 336 p. [in Russian].
30. Yü Da-djün On the Dating of the Secret History of the Mongols // *Monumenta Serica*. 37. trans. Wilhelm K. Mueller. 1986–1987. pp. 277–303.

Information about the authors:

Artem A. Porsin, Candidate of Historical Sciences, Magnitogorsk, Russian Federation, porsinart@gmail.com

IRSTI 03.01.09

КНЯЗЬ КОТЯН И ЭПИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О НЁМ

Ю.В. Селезнёв

Воронежский государственный университет
г. Воронеж, Россия

Аннотация: вниманию читателей предлагается реконструкция биографии половецкого князя Котяна. Память о нём сохранилась в устной традиции кочевых народов Евразийской степи, в частности, сведения о нём отложились в эпосе «Эдигей». Выявление исторической информации из памятников устной традиции требует особого внимания и комплексного подхода. Сравнительный анализ свидетельств письменных источников и эпического произведения позволяет, во-первых, соотнести исторического князя Котяна с эпическим Котеном. Во-вторых, такое отождествление позволяет выявить особенности сохранения памяти в устной традиции кочевых народов. В-третьих, иллюстрируется глубина памяти устной традиции, которая прослеживается в истории степи от половцев-кипчаков XI-XIII вв. через завоевание монголов и ордынское время (XIII-XV вв.) к постоордынским народностям и этносам XV-XVI вв.

Ключевые слова: Котян, половцы, кипчаки, эпос «Эдигей», монголо-татарское нашествие, битва на реке Калка.

Введение. Эпическая традиция, как одна из форм исторической памяти сохраняет свидетельства о произошедших событиях и отражает реальность прошлого. Тем не менее особенности устной памяти, состоят в том, что она (устная память) часто доносит информацию о далеком прошлом в таком виде, в котором поддается идентификации с большим трудом. Именно особенности устного творчества и памяти людей – влияние на них забывания и внесения сюеминутных деталей иных времен и событий – приводят к путанице и искажениям.

В рамках широкого бытования эпоса «Эдигей» в среде кочевых народов Евразийской степи представляет интерес упоминание среди правителей Джучиева Улуса такого имени, как Котен:

Тёрном поросшую пустошь (*коьгев*)
создал (*на новом месте*) или оставил (*после себя*) Котен-хан,
Когда покинул эти места,
Когда гяуром стал (*веру сменил*).
Его видевший старец я.
Это говорит Сыбра-йырау...⁷ [15, с. 210].

Обсуждение. Имя Котена помещено в окружении обширного перечня реально правивших в Улусе Джучи ханов после Бердибека. В приведённом отрывке обращает на себя внимание, что среди джучидских правителей подобных имен мы не находим. Не встречается известий и о том, чтобы кто-то из правителей Орды этого времени поменял веру и перешел в разряд гяуров/кафиров.

Зато ко времени нашествия монголо-татар относится деятельность одного из половецких князей, который в русских летописях носит имя Котян. Показательно, что именно он, укрываясь от армий Батыя при дворе короля Белы IV в Венгрии, принял

⁷ Выражаю искреннюю благодарность за помощь с переводом Н.Х. Суюновой. Ср. с вариантом И. Капаева: «Когда предавший землю Котен-хан // Гяуром стал и так бесславно сгинул, // Я, старец, видел миг его паденья» [14, с. 317].

католичество. Таким образом, он перешел в разряд не мусульман и его поведение могло рассматриваться, как измена вере предков. Надо полагать, что устная эпическая традиция сохранила свидетельства именно об этом правителе и его судьбе.

Какими же известиями о половецком князе Котяне мы обладаем?

Итак, князь **Котян** – (? – 1241 г.) сын Сутоя, брат Сомогура [12, с. 136-140]. Впервые его имя встречается в Ипатьевской летописи под 6710 (1202) в связи с событиями 1205 г. В это время, в прямой связи и после смерти князя Романа Мстиславича Галицкого (19 июня), князь Рюрик Ростиславич призвал половецкие войска братьев Котяна и Сомогура и направился к Галичу. Однако местные (галицко-волынские) бояре оказали вооруженное сопротивление, не желая передавать власть князю Рюрику. В боевом столкновении на реке Серет у города Микулина князь Рюрик понес серьёзные потери. Летописец подчеркивает, что сражение было настолько упорным, что под князьями Котяном и Сомогуром были убиты лошади: знатным половецким князьям пришлось сражаться спешившись. Тем не менее, в плен их захватить не удалось – половецкие отряды отступили в степь [4, Стб. 717-718; 6, С. 51; 7, С. 43; 8, С. 81]. Князю Рюрику Ростиславичу не удалось закрепиться в Галицко-Волынских землях.

Для того, чтобы связать имя князя Котяна с разгромом крестоносцев под Адрианополем в 1205 г. совместными половецко-болгарскими войсками, как это делают некоторые авторы [2, с. 32-43], нет достаточной источниковой базы [подробности событий и свидетельства источников см.: 16, с. 9-10].

Вновь имя половецкого князя Котяна появляется на страницах источников лишь во время описания событий 1223 г., которые отражают события, связанные с битвой на реке Калка. Причем, летописец отводит Котяну в этом описании одну из ведущих ролей. Разгромленные половецкие отряды, ища помощи против монголо-татар, прибывают ко двору русских князей именно во главе с князем Котяном. При этом известно, что Котян был тестем князя Мстислава Мстиславича Удатного, занимавшего в тот момент галицкий стол. Дабы убедить старейших русских князей в острой необходимости оказать им помощь, половцы сделали следующее заявление: «аще не поможета намъ, мы нынѣ исѣчени быхомъ, а вы наутрѣ исѣчени боудете» (если не поможете нам, мы сегодня будем порублены, а вы завтра посечены будете). Из летописного рассказа можно сделать вывод о том, что сам Котян, князья Даниил Кобякович и Юрий Кончакович уцелели в битве с полками Субедея и Джеббе на Северном Кавказе (по крайней мере вероятность такого вывода отвергать нельзя). В то же время, Юрий Кончакович – представитель именитой половецкой княжеской династии [9, с. 20; 11, с. 20] – «не може стати противу лицу имъ» (выставить боеспособные отряды против монголо-татар) и вынужден был бежать. В излучину Дона и к берегу Азовского моря бежали и другие половецкие князья – «и тамо измороза оубиваемі гнѣвомъ Божьимъ»; и далее – к Днепру («не могоша противитися имъ побѣгоша до реки Днѣпра»). Добравшись до границ русских княжеств половцы во главе с князем Котяном стали попросить русских князей помощи для боевых действий против нового противника. К этому времени в летописи отмечается гибель в бою половецких князей Даниила Кобяковича и Юрия Кончаковича [4, Стб. 503-509; 5, Стб. 740-745].

Именно от имени князя Котяна русским князьям были представлены подарки: «коні, вельблуды и буиволы, и дѣвки».

Русские князья собрались на совет в Киеве, где приняли решение помочь Котяну и половцам. Коалиция русских дружин, состоящая из войск Мстислава Романовича Старого (киевского князя и верховного правителя Руси), Мстислава Святославича (черниговского князя), Мстислава Мстиславича Удатного (князя Галицкого и Торопецкого), Владимира Рюриковича (князя Смоленского), Даниила Романовича (князя Владимиро-Волынского),

Мстислава Ярославича Немого (князя Луцкого), Олега Игоревича (князя Курского), князя Михаила Всеволодовича, князя Андрея, Александра (князя Дубровского (Дубровицкого)), Святослава (князя Каневского), князя Изяслава Ингваревича, Святослава (князя Шумского), Юрия (князя Несвижского), выдвинулась глубоко в степь. На реке Калка объединенные русско-половецкие [3, с. 123-126] войска столкнулись с главными силами монголо-татар. Источники отмечают, что половцы во главе с Котяном, воеводой Яруном и Даниилом Волынским переправились через воды Калки и вступили в сражение. Однако половцы не выдержали натиска монгольских всадников, дрогнули и побежали, смятая и расстраивая ряды русских полков [4, Стб. 503-509]. Более того, добравшись до Днепра беглецы предпочли уничтожить средства переправ, отрезав путь не только преследователям, но и другим русским войскам, которые ещё сохранили строй и сопротивлялись монголам. В итоге князья Мстислав Мстиславич Галицкий и Даниил Романович Волынский, князь Котян уцелели, а другие князья объединенной армии погибли. [6, С. 51; 7, С. 43; 8, С. 81].

Монголо-татары отступили, что позволило Котяну расположить свои кочевья в южном Поднепровье.

Вполне закономерно, что отсюда, из южного Поднепровья, князь Котян и подконтрольные ему половцы выступают в 1226 г. союзниками Мстислава Удатного в его борьбе за Галицкий стол. Мстислав привлёк в коалицию как своих союзников князя Владимира Рюриковича Киевского и Александра Всеволодовича Бельзского. Объявив, что его противником является князь Лешко Краковский, коалиция выдвинулась в галицкие земли. Князь Александр Всеволодович Бельзский надеялся использовать армию князя Мстислава и военную мощь его союзников против волынских князей Даниила и Василько Романовичей. Однако князь Мстислав Мстиславич Галицкий отказался от боевых действий против своего зятя – князя Даниила Романовича. Надо полагать, что не последнюю роль здесь сыграла и позиция половецкого князя Котяна. Ведь князь Мстислав был женат на дочери половецкого правителя, а Даниил Романович был женат на его внучке. Князь Александр Всеволодович Бельзский вынужден был примириться с Даниилом и Васильком Романовичами [5, Стб. 746].

Однако два года спустя, в 1228 г., половцы во главе с князем Котяном оказались на стороне противников князя Даниила Романовича. Князь Владимир Рюрикович Киевский и князь Михаил Всеволодович Черниговский вторглись в Галицкую землю, которую после смерти Мстислава Удатного наследовал его зять Даниил (правда, в самом Галиче в это время располагался венгерский гарнизон). Даниил Романович направил посла к Котяну и тот, не соединяясь с противниками князя, отступил в степь, разорив Галицкую землю [5, Стб. 753].

Уже летом 1230 г. летописцы фиксируют, что половцы во главе с князем Котяном выступают на стороне Даниила Галицкого во время обороны стольного города княжества – Галича, от венгерских войск. Показательно, что союзниками венгерского короля названы Беговарсови половцы. Князю Даниилу Романовичу, собратами которого были половцы Котяны, удалось отстоять свой стольный город [5, Стб. 761].

Вновь союзником Даниила против войск венгерского королевича во главе с воеводой боярином Судиславом половцы Котяна выступают в 1233 г. Однако сформированная против венгров коалиция русских князей, распалась: князем Изяславом Владимировичем Путивльским (внук князя Кончака) была разорена Галицкое княжество. Князь Котян со своими половцами отступил в степь [5, Стб. 770-771].

В период нашествия монголо-татар на Восточную Европу в 1237-1240 гг. князь Котян со своей сорокатысячной ордой отступил в Венгрию [10, С. 1-2].

Король Бела IV принял половцев в подданство и позволил им занять земли в пределах венгерского королевства. Главным условием данных событий являлось переход

половцев Котьяна в католическую веру. В 1239 г. князь Котьян был официально крещён по латинскому обряду. Его дочь была помолвлена и впоследствии вступила в брак с сыном Белы IV (Стефаном (Иштваном) V Венгерским) и стала известна как Елизавета Куманская.

Несмотря на династический брак на самом высоком уровне, венгерская аристократия смотрела на правителя половцев и на них самих с большим недоверием. В результате заговора венгерской знати, незадолго до монголо-татарского вторжения в Венгрию, князь Котьян с сыновьями был убит. Их обвинили в симпатиях к Батью и намерениях перейти на его сторону (вполне очевидно, что эти обвинения были безосновательны). При этом значительная часть уцелевших половцев Котьяна, потеряв своих лидеров, предпочла отречься от католицизма и уйти в подданство к болгарскому царю Коломану I. Тем не менее часть половцев (включая и Елизавету Куманскую) осталась в Венгрии [16].

Известен сын Котьяна Мангуш [13, с. 26-27; 14, с. 21], погибший в ходе усобиц накануне нашествия монголов, а также дочери: в крещении Елизавета, королева Венгрии (жена Стефана (Иштвана) V); в крещении Мария, жена Галицкого князя Мстислава Удатного (Удалого), дочь (не известная по имени) — жена регента Латинской империи, француза Наруа де Тузи (Narjot de Toucy).

Выводы. Таким образом, в биографии Котьяна есть эпизоды, которые можно связать со свидетельством эпического произведения «Эдиге». В частности, перекочевав в Венгрию и приняв католичество, Котьян стал «неверным» - кафиром/гяуром. Известно, что князь Котьян погиб в ходе заговора, что для воинской культуры у всех народов, и в особенности у кочевых, рассматривается как бесславный конец. Следовательно, есть определенные основания для отождествления Котена эпического произведения с половецким князем Котьяном русских летописных памятников эпохи.

PRINCE KOTYAN AND EPIC MEMORY ABOUT HIM

Yu. V. Seleznev

Voronezh, Russian Federation

Abstract: the article is dedicated to the biography of the Polovtsian Prince Kotyan . His memory is preserved in the oral tradition of the nomadic peoples of the Eurasian steppe, in particular, information about him was described in the epic "Edigey". The identification of historical information from the monuments of oral tradition requires special attention and a comprehensive approach. A comparative analysis of the evidence of written sources and the epic work allows, first, to correlate the historical Prince Kotyan with the epic Koten. Secondly, this identification allows us to identify the features of memory preservation in the oral tradition of nomadic peoples. Third, it illustrates the depth of memory of the oral tradition, which can be traced in the history of the steppe from the Kipchak Polovtsians of the XI-XIII centuries through the Mongol conquest and the Horde time (XIII-XV centuries) to the post-Horde peoples and ethnos of the XV-XVI centuries.

Keywords: Kotyan, Polovtsy, Kipchaks, epic "Edigey", Mongol-Tatar invasion, battle on the Kalka river.

REFERENCES

1. Gumilev L. N. Drevnyaya Rus' i Velikaya step' [Ancient Rus and the Great steppe]. Moscow: Astrel, 2012. 839 p. [in Russian].
2. Капаев I. S. Istoricheskie lica v nogajskom fol'klore [Historical persons in Nogai folklore] Bulletin of the Karachay-Cherkess Republic Institute of advanced training of educational workers. Cherkessk, 2017. 8. pp. 32-43. [in Russian].

3. Kumeck Yu. V. Seleznev m
istochnikam [About the ethnic composition of the Kipchaks of the XI-beginning of the XII centuries. according to Arabic sources]. Problems of ethnogenesis and ethnic history of the peoples of Central Asia and Kazakhstan. Vol. II . 1990. p. 123-126. [in Russian].
4. Complete collection of Russian Chronicles (hereinafter-PSRL). T. I. Vol. 1: Laurentian chronicle. Vol. 2-3: the Laurentian chronicle of Suzdal in the list. L., 1927-1928; M., 1962; M., 1997. [in Russian].
5. PSRL. Vol. II: Ipatiev's chronicle. Moscow, 1962. [in Russian].
6. PSRL. T. X: Nikon's chronicle. Moscow, 1965; 2000. [in Russian].
7. PSRL. Vol. XVIII: Simeon's chronicle. Moscow, 2007. [in Russian].
8. PSRL. Vol. XXX: Vladimir chronicle. The Novgorod second chronicle. Moscow, 1965. [in Russian].
9. Seleznev Yu. V. Poloveckij "knyaz" Konchak [Polovetsky "Prince" Konchak]. Questions of history. 2012. 12. pp. 156-165. [in Russian].
10. Seleznev Yu. V. Osobennosti smeny elit v kochevom obshchestve v XIII v. [Features of elite change in nomadic society in the XIII century]. Electronic scientific and educational journal "History". 2012. 7 (15). pp. 1-2. [in Russian].
11. Seleznev Yu. V. Poloveckaya elita i eyo funkcii [Polovtsian elite and its functions] Electronic scientific and educational journal "History". 2015. 1 (34). p. 20. [in Russian].
12. Seleznev Yu. V. Elita Poloveckoj stepi [Elite of the Polovtsian steppe]. Voronezh: "Scientific book", 2019. 188 p. [in Russian].
13. Tizengauzen V. G. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. T. I. SPb., 1884. [in Russian].
14. Tizengauzen V. G. Collection of materials related to the history of the Golden Horde. Vol. II. M.; L., 1941. [in Russian].
15. Edige: Nogajskaya epicheskaya poema [Edige: the Nogai epic poem]. Moscow: Nauka, 2016. 512 pp. [in Russian].
16. Uzelac A. Cumans in the Latin Empire of Constantinople // the Golden Horde review. 2019. Vol. 7, no. 1. pp. 8-21. [in English].
17. Vásáry István Az Arany Horda. Budapest, Kossuth Könyvkiado, 1986. 318 p. [in Hungarian].

Information about the authors:

Yurij V. Selenznev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Voronezh State University, Voronezh, Russia

IRSTI 03.09.23

РОЛЬ ДРЕВНИХ ТЮРОК В РАЗВИТИИ ВОЕННОГО ДЕЛА СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ю.С. Худяков

Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация: В развитии военного дела средневековых кочевников Евразийских степей в течение эпохи раннего Средневековья весьма значительная роль принадлежала кочевому этносу, известному под своим этническим названием «тюрки». Из источников известно, что ранние тюрки происходили из хуннской этнической среды. Их возглавляли представители правящего аристократического рода Ашина. В середине I тыс. н. э. они были переселены жужанскими каганами на Алтай. После разгрома восставших против жужаней телесских племен, правители древних тюрок подавили их выступление и стали претендовать на более высокое положение в жужанском государстве. Однако, после грубого отказа со стороны жужаней они восстали и разгромили жужаней, основав свое мощное государство – Первый Тюркский каганат, подчинивший многие кочевые племена Степного пояса Евразии. Комплекс вооружения и военное искусство древних тюрок стали образцом для развития военного дела в кочевом мире. Важная роль в развитии военного дела древнетюркских кочевников принадлежала отрядам панцирной конницы. В период существования Второго Восточного и Западного Тюркских каганатов древнетюркские кочевники продолжали господствовать в кочевом мире Степного пояса Евразии. В дальнейшем, несмотря на утрату своей государственности, они оставили заметный след в военной истории кочевых народов.

Ключевые слова: средневековые кочевники, древние тюрки, Степной пояс Евразии, эпоха раннего Средневековья, тюркские каганаты.

Введение. В истории войн и военного искусства древних и средневековых иранских, тюркских и монгольских кочевых народов, населявших обширные пространства Степного пояса Евразии в периоды поздней древности и раннего Средневековья, важная историческая роль принадлежала древним тюркам, которые, благодаря высокому уровню развития своего военного дела смогли создать несколько крупных, могущественных в военном отношении, развитых государственных образований.

Из китайских источников известно, что во второй четверти и середине I тыс. н. э. древние тюрки, которых можно назвать «ранними тюрками», возглавляемые правящим аристократическим родом Ашина, мигрировали с территории Восточного Туркестана, расположенного в пределах современного Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая на Алтай, где должны были добывать «железо для жужаньцев» [Бичурин, 1998. С. 225]. В китайском источнике по этому поводу отмечено, что они «вместо подати» должны были «добывать железо» для правителей Жужаньского каганата [Бичурин, 1998. С. 230]. Вероятнее всего, они должны были поставлять в качестве дани жужанским каганам разнообразные и высококачественные железные изделия, в том числе, разнообразные и эффективные предметы вооружения.

Обсуждение. Судя по сведениям источников, на территориях современного Казахстанского Алтая и Горного Алтая ранние тюрки смогли создать достаточно развитую, для своего времени, базу оружейного производства, подчинив своей власти местных ремесленников, мастеров - оружейников. Наличие в древнетюркском арсенале необходимого набора высокоэффективного наступательного оружия дистанционного и ближнего боя и средств индивидуальной металлической защиты воинов позволило ранним тюркам подчинить своим правителям из правящего аристократического рода

Ашина многочисленные кочевые скотоводческие телесские племена, а в дальнейшем, одержать уверенные победы в ходе военных действий против войск кочевого государства жужаней. Характерные особенности погребальной и поминальной обрядности, и в том числе, прежде всего, развитого предметного комплекса древнетюркской культуры, включая, как уже было отмечено, разнообразные предметы наступательного и защитного вооружения, вполне вероятно, сформировались в течение исторического периода второй четверти I тыс. н. э. и на рубеже эпохи раннего Средневековья, в течение тех эпох, когда ранние тюрки проживали в пределах Восточного Туркестана и на территории современного Казахского Алтая, а также ряда районов Горного Алтая. Этот исторический период принято определять в качестве «берельской» исторической эпохи [Гаврилова, 1965. 54-55; Тетерин, 2004. С.46-47, 55]. На вооружении у ранних тюрков данной «берельской» эпохи были характерные сложносоставные луки двух типов, деревянные основы которых были дополнены концевыми боковыми и срединными боковыми роговыми, или костяными накладками, а также кибити луков, оформленные концевыми, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками, были на вооружении и боевые стрелы с железными трехлопастными и прямоугольными в сечении наконечниками различных форм и размеров. Среди них были трехлопастные наконечники ярусной, вытянуто-прямоугольной, асимметрично ромбической, удлинненно-ромбической формы, предназначенные для поражения легковооруженных, не защищенных металлическими доспехами, противников. Некоторые трехлопастные стрелы были дополнительно снабжены костяными шариками-свистунками с округлыми отверстиями [Тетерин, 2004. Рис. 4, 3; 56 4]. Считается, что стрелы, снабженные такими свистунками, издавали в полете пронзительный свист, который угнетающе воздействовал на врагов и пугал вражеских лошадей. Железные наконечники стрел с прямоугольным пером, имели затупленное острие [Тетерин, 2004. Рис. 4, 8-11]. Вероятно, они могли использоваться как для стрельбы по легковооруженным, так по противникам, защищенным металлическими доспехами. На вооружении у ранних тюркских воинов были железные палаши с прямым однолезвийным клинком, изогнутым перекрестьем и кольцевым навершием. Некоторые ранние тюркские воины имели в своем распоряжении железные мечи с прямыми, двулезвийными клинками. Для защиты ранними тюркскими воинами использовались нагрудные панцири, составленные из железных пластин прямоугольной формы с одним закругленным краем [Худяков, 1986. С. 126-132]. В ходе раскопок памятника Дялян в Горном Алтае были найдены роговые накладки от различных типов луков, железные и костяные наконечники стрел, а также железный меч с прямым, двулезвийным клинком, металлические кинжалы и боевые ножи [Тетерин, 2004. С. 46-57]. Среди железных наконечников стрел, обнаруженных в составе сопроводительного инвентаря в памятниках берельского типа, преобладают железные наконечники с трехлопастным в сечении пером, предназначенные для поражения легковооруженных, незащищенных металлическими доспехами противников, а также стрелы с прямоугольным в сечении пером и затупленным острием. Вполне вероятно, что они представлены в составе берельского набора железных наконечников в качестве стрел универсального назначения, предназначенных для поражения как легковооруженных, так и защищенных металлическими доспехами противников. Судя по некоторым находкам разнообразных предметов вооружения, обнаруженным в составе предметных комплексов памятников берельской эпохи на территории Казахского Алтая и Горного Алтая, в середине I тыс. н. э. ранние тюрки обладали широким спектром поражения своих противников в дистанционных боях, а также владели некоторыми, весьма эффективными видами длинного и короткого клинкового оружия ближнего и рукопашного боя и достаточно надежными средствами индивидуальной металлической защиты [Худяков, 2007. С. 19-24]. Такой оружейный комплекс должен был способствовать утверждению ранних тюрков в качестве ведущего в

военном отношении кочевого этноса среди древних кочевников, относящихся к булан-кобинской культуры, археологические памятники которой расположены на территории Горного Алтая.

С переселением на пространства Алтайской горной страны некоторые исследователи связывали само принятие ранними тюркскими кочевниками своего известного этнического самоназвания - «Тюрк». В свое время еще известный исследователь китайских летописных сочинений Н.Я. Бичурин высказал предположение, согласно которому этот этноним соответствует монгольскому названию шлема. По его мнению, горы Алтая похожи на шлем, поэтому было принято такое этническое название [Бичурин, 1998. С. 225]. Конечно, такую версию трудно признать в должной мере обоснованной. Согласно другой версии, приписываемой известному средневековому автору Махмуду Кашгари, термин «тюрк» буквально означает «войско» [Худяков, 2007. С. 29]. Наконец, по третьей трактовке, именем «Тюрк» был назван первый легендарный правитель тюрков Надулу-шад, происходивший из правящего аристократического рода Ашина, который был избран своими соплеменниками древнетюркских правителем с таким наименованием [Бичурин, 1998. С. 226]. Вероятнее всего, из перечисленных версий ближе всего к истине то средневековое сообщение, согласно которому термин «Тюрк» интерпретируется как «войско». Важные сведения о военном деле и военной истории древних тюрков содержатся в китайских летописных сочинениях. Часть из них переведена на русский язык [Бичурин, 1998. С. 231-232; Кюнер, 1961. С. 182-186].

В течение последующего исторического периода, соответствующего начальному этапу эпохи раннего Средневековья, войска древних тюрков смогли одного за другим, поочередно сокрушить всех своих противников в кочевом мире, подчинить власти своих тюркских правителей - каганов многие другие, в том числе, упомянутые ранее, телесские кочевые племена, населявшие степные районы Евразии. В результате этих непрерывных войн и побед они смогли создать свое могущественное кочевое государство - Первый Тюркский каганат и на некоторое время стали основными соперниками ведущих мировых держав того времени, Китайской, Иранской и Византийской империй. С этого времени их можно именовать традиционным термином «древние тюрки» [Худяков, 2007. С. 32]. Согласно представлениям самих древних тюрков, образование тюркской государственности было сопоставимо с началом мироздания: «Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои пращуры – Бумын-каган, Истеми-каган» [Кляшторный, 2006. С. 438].

Основной причиной для достигнутых в течение этого времени древними тюрками выдающихся военных успехов, помимо сложившейся к этому времени в степном поясе Евразии благоприятной для них внешнеполитической обстановки, было формирование у древних тюрков высокоразвитого комплекса боевых средств, способствовавшего созданию боеспособных, весьма эффективных на полях сражений, военных отрядов древнетюркской тяжеловооруженной панцирной конницы [Худяков, 1986. С. 160]. Древнетюркские панцирные всадники были вооружены сложносоставными луками с роговыми, концевыми боковыми, срединными боковыми и фронтальной накладками различных типов, стрелами с разнообразными трехлопастными и трехгранными в сечении железными наконечниками различных типов, которые хранились в берестяных колчанах. Среди древнетюркских сложносоставных луков были представлены формы с концевыми и срединными боковыми накладками, а также кибити, дополненные одной парой концевых, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками, луки, снабженные только одной парой срединных боковых накладок [Худяков, 1986. Рис. 71]. Увеличение типологического разнообразия форм кибитей луков, вероятнее всего, было связано с необходимостью вести интенсивную стрельбу во время конных атак на войсковые построения противников. В составе

колчаных наборов стрел с железными наконечниками у древних тюркских воинов преобладали проникатели с трехлопастным сечением пера асимметрично-ромбической, удлиненно-ромбической, удлиненно-треугольной, вытянуто-пятиугольной, удлиненно-шестиугольной, симметрично-ромбической, шипастой формой пера, а также стрелы с трехгранными удлиненно-ромбической формы наконечниками и четырехгранными наконечниками удлиненно-треугольного типа [Худяков, 1986. С. 160; Рис. 71]. Некоторые железные трехлопастные наконечники были снабжены костяными шариками – свистунками с округлыми отверстиями. Считается, что они не только издавали пронзительный свист в полете, но и способствовали движению стрелы. В ближних и рукопашных боях древнетюркские панцирные всадники атаковали своих противников с помощью копий, увенчанными железными, втульчатыми наконечниками с уплощенно-ромбическим, а также линзовидным в сечении удлиненно-ромбическим по форме пером. Древнетюркские всадники умело фехтовали и наносили поражающие удары своим противникам мечами с прямыми двулезвийными клинками и палашами с прямыми однолезвийными клинками, а также стремились поразить своих противников в рукопашных боях кинжалами и стилетами. В качестве средств индивидуальной металлической защиты древнетюркские тяжеловооруженные воины использовали железные шлемы сфероконической формы, склепанные из пластин, а также защищали себя ламеллярными панцирями, составленными из прямоугольных железных пластин с одним закругленным окончанием, соединенных между собой ремешками через округлые отверстия и кольчугами, составленными из склепанных между собой, сравнительно небольших железных колец. Древнетюркские тяжеловооруженные воины использовали для защиты деревянные округлые щиты, снабженные металлическими умбонами и железными накладками. Легковооруженные конные воины из состава древнетюркского войска вели интенсивные обстрелы противников разнообразными стрелами из своих сложносоставных луков с дистанции полета стрелы. В условиях ведения ближних военных столкновений они использовали свое длинное и короткое клинковое оружие для атак на противников, а для защиты от вражеских ударов применяли деревянные щиты округлой формы с металлическими деталями [Худяков, 1986. С. 160]. В средневековых источниках утверждается, что древние тюрки из «оружия имеют: роговые луки со свистящими стрелами, латы, копыя, сабли и палаши, знамена с золотою волчьей головою». При этом они очень «искусно стреляют из лука с лошади» [Бичурин, 1998. С. 233]. Своих отборных воинов, из состава которых древние тюрки предпочитают набирать телохранителей для охраны своих правителей, они называют терминами «Фули», или «Буре», что буквально означает «Волки», в память своего легендарного происхождения от мифической волчицы, прародительницы всех древних тюрков [Бичурин, 1998. С. 233]. Как свидетельствуют средневековые китайские источники, древние тюрки считали для себя за «славу умереть на войне», а в тоже самое время, как они стыдились окончить свои дни от болезни [Бичурин, 1998. С. 235]. Вероятно, такое отношение к участию в войнах и боевых столкновениях весьма способствовало достижению многих военных успехов древнетюркскими войсками в противостояниях со многими противниками в кочевом мире.

В дальнейшем, после раздела единого тюркского государства на два каганата, в период существования на территории Саяно-Алтая и Центральной Азии Второго Восточного Тюркского каганата, возглавляемого каганом - представителем правящего аристократического рода Ашина, в VII – VIII вв., в составе комплекса предметов вооружения восточных тюрков произошли некоторые изменения, хотя большая часть прежнего древнетюркского оружейного набора сохранила свое значение в рамках их воинского арсенала. Важное значение для реконструкции военной истории тюркских государств этого времени стали играть тюркские рунические памятники, созданные

представителями тюркских кочевых этносов [Кляшторный, Савинов, 1994. С. 76-81]. В условиях ведения дистанционных боев панцирные всадники из отрядов тяжеловооруженной кавалерии восточных тюрков использовали во время стрельбы по противникам сложносоставные луки с концевыми и срединными боковыми накладками, а также подобные по конструктивным особенностям луки с одной парой концевых и срединными боковыми накладками, а также близкие по форме луки с двумя парами концевых, срединными боковыми и срединной фронтальной накладками. Древнетюркские воины применяли во время стрельбы по противникам сложносоставные луки с одной парой срединных боковых накладок. Наличие значительного разнообразия среди форм сложносоставных луков у восточных тюркских воинов в период существования Второго Восточного Тюркского каганата может свидетельствовать в пользу поиска наиболее оптимальных форм кибитей, предназначенных для ведения скорострельной стрельбы. При стрельбе по противникам применялись стрелы с железными трехлопастными и трехгранными в сечении наконечниками разных форм. У древнетюркских стрелков сохранилось значительное разнообразие форм стрел с трехлопастными железными наконечниками. Помимо применявшихся в течение предшествующего периода стрел с трехлопастными наконечниками и асимметрично-ромбической, удлинненно-ромбической, удлинненно-треугольной, вытянуто-пятиугольной, удлинненно-шестиугольной и ромбической шипастой формами стали использоваться трехлопастные стрелы с секторной формой пера. Лопasti некоторых наконечников были снабжены округлыми, или полуовальными отверстиями. Наряду с трехгранными наконечниками для пробивания панцирной брони стали применяться стрелы с четырехгранным пером удлинненно-треугольной формы [Худяков, 1986. Рис. 71]. Для хранения и ношения своих стрел тюркские воины использовали колчаны различных типов, в том числе открытые и закрытые берестяные чехлы, внутрь которых стрелы помещались либо наконечниками внутрь, в берестяной приемник, или наружу. В первом случае, на древки стрел близ ушка наносились узкие цветные пояски – метки, с помощью которых можно было легко определить назначение наконечника, не доставая для этого стрелу из приемника.

В условиях ведения ближних боев со своими противниками древнетюркские панцирные воины использовали копья с железными наконечниками, удлинненно-ромбической формы, использовали для атак железные палаши с длинными, прямыми однолезвийными клинками, перекрестьем и рукоятью, а также применяли сабли со слабоизогнутыми металлическими клинками, съемной гардой и рукоятью, изогнутой в сторону лезвия клинка. Появление и определенное распространение сабель в арсенале средств ведения ближних и рукопашных боев древнетюркских конных воинов свидетельствует о повышении роли данной фазы боевых столкновений. В рукопашных боях древнетюркские воины могли применять для нанесения ударов по противникам свои боевые топоры с приостренными, неширокими лезвиями и выступающими обушками, а также могли использовать для нанесения колющих ударов кинжалы с прямыми двулезвийными клинками, или боевые ножи с прямыми однолезвийными клинками. Древнетюркские тяжеловооруженные воины использовали в качестве металлической защиты шлемы сфероконической формы, а также применяли ламеллярные панцири, составленные из железных пластин прямоугольной формы с одним закругленным окончанием, соединенных между собой ремешками, использовали и железные кольчуги, защищали себя от ударов округлыми деревянными щитами с металлическим покрытием и умбоном, расположенными с внешней стороны в центральной части данного средства защиты воина. Своих боевых коней древнетюркские тяжеловооруженные воины стремились прикрывать защитными попонами. Легковооруженные всадники использовали для обстрела противника сложносоставные луки и стрелы с железными наконечниками

различных форм. Легковооруженные воины владели длинным клинковым оружием. Они могли защищать себя с помощью деревянных щитов округлой формы [Худяков, 1986. С. 160]. В течение исторического периода существования Второго Восточного Тюркского каганата среди древнетюркских воинов и полководцев появились выдающиеся батыры и военачальники.

Воины западных тюрок из состава войск Западного Тюркского каганата в условиях ведения дистанционных боев использовали для стрельбы по противникам сложносоставные луки со срединными боковыми накладками и стрелы с разнообразными железными трехлопастными наконечниками удлинненно-ромбической, удлинненно-шестиугольной, вытянуто-пятиугольной формы, а также с бронебойными, трехгранными, четырехгранными и округлыми в сечении стрелами. Во время проведения ближних боев западные тюркские воины атаковали своих врагов копьями с железными, округлыми, ромбическими или линзовидными в сечении железными наконечниками разных форм, а также наносили им удары саблями со слабоизогнутыми однолезвийными клинками. В ходе рукопашных военных столкновений они могли наносить своим противникам удары своими кинжалами и боевыми ножами. Для защиты от вражеских ударов западные тюркские воины могли использовать свои металлические панцири, составленные из вертикально расположенных зубчатых железных пластин прямоугольной формы, соединенные между собой ремешками [Худяков, Табалдиев, 2009. 108-122]. Вполне возможно, что на вооружении у западных тюрок были и некоторые другие виды защитного вооружения, среди которых, вероятнее всего, для защиты использовались железные кольчуги и металлические шлемы сфероконической формы, составленные из железных пластин [Худяков, Табалдиев, 2009. Рис. 98]. Вероятно, в распоряжении западных тюркских воинов были деревянные щиты округлой формы, дополненные металлическими пластинами и умбонами.

В дальнейшем, воинские традиции западных тюрок были восприняты и развиты тюркешами, создавшими в конце VII в. н. э. свое государственное образование на территории Притяньшанья, которые ранее входили в состав государства западных тюрок [История, 1984. С. 238-249].

С утратой своей государственности древние тюрки были вынуждены лишиться некоторых, характерных для них особенностей своего вооружения и типичных компонентов структуры самостоятельной военной организации, в числе которых, вероятнее всего, могли быть отряды тяжеловооруженной панцирной конницы. Вполне вероятно, что в период существования Уйгурского каганата представители правящей элиты уйгуров не слишком доверяли древним тюркам, чтобы позволить им создавать свои военные отряды. Судя по характерным чертам погребальной обрядности, в последующий период существования Кыргызского каганата, минусинские кок-тюрки, оставшиеся жить на территории Минусинской котловины после крушения своей государственности, могли формировать в составе войск государства енисейских кыргызов только сравнительно небольшие подразделения, созданные из легковооруженных всадников. Военные отряды кок-тюрок могли включать в свой состав подразделения, образованные из представителей некоторых вассальных кочевых племен. Судя по находкам предметов вооружения, обнаруженных в процессе раскопок археологических памятников кок-тюрок на территории Южной Сибири, тюркские воины этого времени были вооружены сложносоставными луками, дополненными срединными роговыми, или костяными боковыми накладками, стрелами с трехлопастными и плоскими железными наконечниками, которые хранили в берестяных колчанах открытого типа. Вполне вероятно, что на вооружении у них были и некоторые виды оружия ближнего и рукопашного боя. По уровню своей вооруженности минусинские кок-тюрки вполне соответствовали другим этническим группам кыргызских кыштымов. С течением времени

минусинские кок-тюрки, проживавшие на территории степей Среднего Енисея, постепенно ассимилировались среди енисейских кыргызов. Возможно, что потомки могли составить особую родо-племенную группу в составе алтайских кочевых племен. Постепенно, они в значительной степени утратили свое этническое и культурное своеобразие и вошли в состав некоторых тюркских народов Степного пояса Евразии.

Выводы. На протяжении всего исторического периода существования культуры древних тюрок, со времени их переселения на территорию Алтайской горной страны, они оказывали заметное воздействие на развитие вооружения и военного искусства других тюркских кочевых этносов, обитавших на территории Центрально-Азиатского историко-культурного региона и Саяно-Алтая. Наследие древнетюркской культуры в военной сфере деятельности сохранилось у тюркских народов, населявших степные и горные районы на территории Внутренней части Евразии в течение последующих исторических периодов.

THE ROLE OF ANCIENT TURKS IN THE DEVELOPMENT OF MILITARY AFFAIRS OF MEDIEVAL CENTRAL ASIAN NOMADS

Yu. S. Khudyakov

Novosibirsk, Russian Federation,

Abstract: The significant role in military science development of Eurasian Steppe medieval nomads during era of the Early Middle Ages belonged to nomadic population, known by their ethnic title of «Turks». It is known from the sources, that the early Turks had origin from the Xiongnu ethnic backgrounds. They were headed by representatives of the ruling aristocratic family of Aşina. They were relocated by the Rourans to the Altai Mountains in the middle of the 1st millennium A.D. After defeat of the Teles tribes, who rebelled against the Rourans, rulers of the Old Turks suppressed their rebellion and did claim for higher position in the Rouran Khaganate. Nevertheless, after blunt denial from the Rourans, the rebelled and defeated Rourans, and then established their own powerful state – Turkic Khaganate, that subdued many nomadic tribes of Eurasian Steppe. Armament complex and military science of the Old Turks have become an instance for development of military science in nomadic societies. Significant role in development of military science of the Old Turkic nomads belonged to troops of armoured cavalry. During the period of Eastern and Western Turkic Khaganates the Old Turkic nomads continued dominating in nomadic societies of Eurasian Steppe. Subsequently, despite the loss of statehood, the left a substantial mark in military history of nomadic people.

Keywords: medieval nomads, Old Turks, Eurasian Steppe, era of Early Middle Ages, Turkic Khaganates.

REFERENCES

1. Bichurin N. I. *Sobranie svedenij o narodah, obitavshih v Srednej Azii v drevnie vremena* [Collection of information about the peoples inhabiting Central Asia in ancient times]. Almaty: Zhalyn baspasy LLC, 1998. Vol. I. 390 p. [in Russian].
2. Gavrilov A. A. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altajskih plemen* [The repository Kadirga as a source on the history of Altai tribes]. Moscow; L.: Nauka, 1965. 143 p. [in Russian].
3. *Istoriya Kirgizskoj SSR. S. drevnejshih vremen do serediny XIX v.* [History of the Kyrgyz SSR. From ancient times to the middle of the XIX century]. Frunze: "Kyrgyzstan", 1984. Vol. I. 798 p. [in Russian].
4. Klyashtorny S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii Evrazii* [Steppe empires of Eurasia]. SPb.: Farn publishing house, 1994. 165 p. [in Russian].

-
5. Klyashtorny S. G. Pamyatniki drevnetyurkskoj pis'mennosti i etnokul'turnaya istoriya Central'noj Azii. [Monuments of ancient Turkic writing and ethno-cultural history of Central Asia]. SPb.: Science, 2006. 591 p. [in Russian].
  6. Kuehner N. V. Kitajskie izvestiya o narodah YUzhnoj Sibiri, Central'noj Azii i Dal'nego Vostoka [Chinese news about the peoples of southern Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow: publishing house of Eastern literature, 1961. 392 p. [in Russian].
  7. Teterin Yu. V. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya berel'skoj epohi [Armament of nomads of the Mountain Altai of the Berel epoch]. Military Affairs of the peoples of Siberia and Central Asia. Novosibirsk: Novosibirsk. state University, 2004. Vol. 1. pp. 37-82. [in Russian].
  8. Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie srednevekovyh kochevnikov YUzhnoj Sibiri i Central'noj Azii [Armament of medieval nomads of southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka, 1986. 268 PP. [in Russian].
  9. Khudyakov Yu. S. Drevnetyurkskij kul'turnyj fenomen v Central'noj Azii. Ucheb. Posobie [Ancient Turkic cultural phenomenon in Central Asia. Studies'. Stipend]. Novosibirsk: Novosibirsk state University, 2007. 156 p. [in Russian].
  10. Khudyakov, Y. S., K. S. Tabaldiev Drevnie tyurki na Tyan'-SHane [Ancient Turkic people in the Tien Shan]. Novosibirsk: Publishing house of iaet SB RAS, 2009. 292 p. [in Russian].

Information about the authors:

Yuliy S. Khudyakov, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation); Professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), khudjakov@mail.ru, ORCID 0000-0002-4741-9971

THE SABER OF THE MONGOL TIME FROM AKMOLA REGIONAL HISTORICAL AND LOCAL MUSEUM

L. A. Bobrov¹, A. K. Kushkumbayev²

¹ *Novosibirsk, Russia*

² *Nur Sultan, Kazakhstan*

Annotation. The article tells about a saber stored in the Akmola Regional Museum of Local History (Inv. No. GIK 2322/1, AOIKM, Kokshetau, the Republic of Kazakhstan). The weapon comes from a number of random finds from the territory of Northern Kazakhstan. The saber entered the collection in the 50-60s., XX century. More detailed information on the time and circumstances of its transfer to the museum is absent in the AOIKM documentation. The blade has a barely noticeable bend, which allows you to attribute the weapon to sabers, and not to broadswords. A holder with a long iron “tongue” is welded on to the heel of the blade. A rivet is inserted into the shank hole for attaching the “cheeks” of the handle. Garda has a characteristic elongated-rhombic shape. Based on a typological analysis, it was established that the saber under consideration differs from the traditional sabers of the Turkic nomads of Kazakhstan of the Kimak and Kipchak periods (X – XII centuries). The closest analogues of the saber from AOIKM come from the territory of South Siberia and date from the XIII – XIV centuries. It is most likely that the appearance of this saber on the territory of Northern Kazakhstan is associated with the events of the Mongol invasion of the XIII century and the incorporation of Eastern Dasht-I Kipchak into the Mongol Empire. Most likely, the saber was made by masters of the Yenisei Kirghiz and got to Northern Kazakhstan together with the troops of the Genghisids. At the same time, it is impossible to exclude the possibility of local production of weapons based on South Siberian models during the existence of the Mongol Empire. A small number of finds of long-barrelled weapons of the XIII-XIV centuries. The situation that is happening on the territory of Kazakhstan determines the high scientific value of the saber in question.

Keywords: Kazakhstan, Mongol conquests, Mongol Empire, Mongol weapons, long-barreled weapons, saber.

Thanks’: The study was conducted as part of the implementation of the state task of the Ministry of education and science.

Introduction. The military skills of the Mongol and Turkic nomads of the Great Conquests era of the 13th century are recognized by experts as the highest stage in the development of traditional military affairs of the medieval Central Asian population. The study of Genghis Khan’s and his political successors’ military and cultural heritage continues to be a topical area of modern scientific research in many countries all over the world. However, it should be noted that the core problems have been studied discretely. The military history of Genghis Khan and Genghisids, Mongolian weapons used for distant fights, as well as the Mongolian armour have been under research for a long time. Nevertheless, at the same time some other questions were studied to a much lesser extent. For instance, the issue of the evolution of the long-blade weapons of the Eastern Dasht-i Kipchak nomads of the XIII – XIV centuries remains unanswered fully. The publication of previously widely unknown materials makes it possible to clarify many issues related to the specifics of the development of the Central Asian peoples’ military affairs of the period indicated before.

The fond of Akmola Regional History and Local Lore Museum (ARHLLM, Kokshetau, The Republic of Kazakhstan) holds an iron saber (Inv. N GIK 2322/1), which provides a significant interest for weapon experts, archeologists and military historians. According to the ARHLLM staff dates, the given sample of long blade weapon entered the museum collection in 50-60s of XX century. The sable refers to ransoms finds from the territory of Northern Kazakhstan (supposedly, from the former Kokshetau Region of KazSSR). Unfortunately, the ARHLLM documentation doesn't have any information about the circumstances and the exact results of the weapon appearing in museum. The aim of this article is description of design and the saber design system from ARHLLM, also, clarify its dating and attribution.

The result of research and discussion Here and throughout East Dasht-i Kipchak (Eastern Kipchak steppe) is understood to mean the historical (predominantly steppe) region from the river Volga and the Caspian Sea in the west to the river. Irtysh and Lake Balkhash in the east. Currently, most of East Dasht-i Kipchak is located in the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation.

Research results and discussion. Structurally considered saber consists of a blade with a shank, as well as an iron guard (Fig. 1, 1–4). The total length of the saber (from the end of the shank to the tip) is 90.5 cm. The total weight is ... g. According to the shape of the saber strip, the specimen under consideration can be attributed to blades with a weak bend, a triangular section and, presumably, an acute-angled point (without elmani). The length of the blade (from the base of the blade to the tip) is 82.2 cm. The width/thickness of the blade at the handle is 3.5/0.6 cm, in the central part - 3.4/0.5 cm, in the lower part - 3, 0/0.26 cm. The slopes of the blade are straight, the bend of the blade is slight. However, the fact of its presence allows us to attribute the considered weapon to sabers, not to broadswords. The blade of the sword (especially its lower third) has significant damages, including potholes and chips (Fig. 1, 1, 2). Some damage can be attributed as consequences of chopping blows on a hard surface. Unfortunately, the surface of the blade is highly corroded, which makes it difficult to study the features of its design and, the manufacturing technology (Fig. 2).

The upper part of the blade (at the shank) is provided with a clip (width-3.6 cm) with a sharp-angled "tongue" (length-9.5 cm, width: 0.9-0.7 cm), covering part of the saber blade (Fig. 1, 3, 4). On the left side, the iron "tongue" is decorated with a semicircular cutout and a tooth (Fig. 1, 4). The clip with a "tongue" prevented damage to the mouth of the scabbard on the sharp edge of the saber blade, provided "... dense, without loosening, the stay of the blade in the scabbard" (Gorelik, 2004, p. 86) and also strengthened the heel (Ricasso) of the blade. In addition, a saber with a clip and a tongue on the blade allowed using a special grip of the weapon, in which the index finger of the warrior was placed on top of the guard rod (Gorelik, 2004, p. 86).

The saber band is equipped with pronounced sharp-angled "shoulders". Converging almost at right angles they form a narrow shank elongated-trapezoid shape, bent to the side of THE SABER OF THE MONGOL TIME FROM AKMOLA REGIONAL shank is 8.3 cm, the width is 2.8 cm, and the thickness is 0.3 - 0.5 cm.

A rounded through hole is punched in the upper part of the shank, into which a rivet is inserted, consisting of a pin (length 1.8 cm, diameter about 0.3 cm) and a hat, which has been preserved fragmentarily (Fig. 3). It is most likely that the rivet was used for fastening paired "cheeks" of a saber handle made of bone, horn or wooden plates. The shank is highly corroded and thinned and has deep caverns, places where metal stratification is noticeable. The saber guard has an elongated rhombic shape with a massive rim along the perimeter (Fig. 1, 3, 4; 4). The length of the guard is 8.1 cm, the thickness in the central part is 3.3, along the side: from 3.5 cm (in the central part of the guard) to 2.2 cm (at the edges). Guards of this design are sometimes referred to in the Soviet and Russian historiography as "scaphoid", as they visually resemble an early medieval vessel with low sides (Khudyakov, 1980, p. 36). Garda served as an emphasis for

the brush and, at the same time, protected it from chopping blows of enemy weapons. In turn, the recess and the sides in the upper part of the guard were an additional fixator of the organic "cheeks" of the handle.

As noted above, the saber from the AOIKM collection comes from random findings. However, it can be dated and attributed based on typological analysis. Sabers with a slightly curved acute-angled blade equipped with a clasp with a "tongue" and an elongated rhombic guard of a "scaphoid" shape, in general, are not typical for long-blade weapons of the peoples of Central Asia of the Ancient era, the early and late Middle Ages, as well as the New Age (Khudyakov, 1986; Bobrov, Pronin, 2012, pp. 572–581). However, they are quite widely represented among materials dated to the period of the developed Middle Ages.

Numerous Kimak and Kipchak broadswords and sabers of the XX-XII centuries, found in archaeological sites of Kazakhstan and adjacent territories, have repeatedly attracted the attention of researchers (Khudyakov, 1986, p. 190-195; Gorbunov, 2016, p. 131-147). Long-blade weapon of the nomads of Kazakhstan of the XIII - XIV centuries studied to a much lesser extent. Some of the findings dated by this period have not been put into scientific circulation yet. In exceptional cases, the long-blade weapons of the Eastern Dasht-i-Kipchak of the Mongolian time are typical materials of the archaeological site of the Queen (Khudyakov, 1997, p. 114, 116, Fig. 75, 1). However, in our case, materials from the territory of Southern Siberia and Eastern Europe are used. (see below).

Analysis of the long-bladed weapons of the nomads of Kazakhstan of the Kimak and Kipchak periods showed that this is a genetically close saber considered. So, in particular, many Kimak and Kipchak sabers from the territory of Kazakhstan have slightly curved acute-angled blades elongated towards the tail blade, equipped with the same spell accordion, as well as elongated rhombic guards (Khudyakov, 1986, p. 192–195; Gorbunov, 2016, p. 131–147). However, significant differences are also recorded. So KIMAK sabers aren't characterized by the presence of wide clips on the blade with long pronounced "tongues".

Of considerable interest are the results of a comparative analysis of a saber from the ARMLH found in Northern Kazakhstan with samples of long-bladed weapons from neighboring territories, the Mountainous and forest-Steppe Altai of the developed middle Ages.

From the mound of the Besh-Ozek mound destroyed by construction works (Gorny Altai), which did not contain a burial, there is a slightly bent saber with an elongated rhombic guard with blade-shaped cross bars, a single rivet on the shank, a narrow clip and a miniature "tongue" on the blade. According to V. Gorbunov: "On the typological characteristics of this instance of bladed weapons can be dated to the IX – XII centuries, and in the framework of Turkic culture from the second half of IX – first half of X centuries ad" (Gorbunov, 2006, p. 68, 122, 185, Fig. 50, 6; Gorbunov, 2014, pp. 390, 391, Fig. 2, 3, p. 392). The size of the clip and tongue suggest that this sample of long-bladed weapons is much older than the considered saber from the ARMLH.

From the territory of the forest-steppe Altai there is a slightly bent saber with an elongated rhombic guard, a single rivet on the shank bent to the blade, a clip and a fairly long elongated-rectangular "tongue" on the blade (Gorbunov, 2006, p. 67, 203, Fig. 58, 4). The saber is attributed by the authors of the publication to the weapon of the Srostkin culture, that is, the X–XII centuries (ibid., p. 70). Without rejecting this possibility in principle, at the same time, we note that the specified saber comes from a number of random finds and is not tied to someone specific reliably dated archaeological monument. At the same time, all other well-known sabers, as well as swords and broadswords of the Srostkin culture do not have clips with "tongues" (ibid., pp. 197-203, 208). This suggests that the saber from the forest-steppe Altai can be dated to a somewhat later historical period.

The closest analogs of the saber from ARMLH are slight-curved sabers or broadswords from the territory of the Minusinsk hollow, accruing from the 1 mound of monument Samokhval II, 1 mound of the monument Soyans-see, 12 mounds of the Chernovo burial ground (Khudyakov, 1997, p. 16, 17, 22, 23; Gorelik, 2004, p. 98, fig. 3, 4-6). Blade-holders with long tabs of elongated triangular shape are welded onto their blades. Shanks are supplied with single rivet holes. Elongated rhombic guards have a characteristic "navicular" design. All three samples of long-bladed weapons from the Minusinsk hollow date from the 13th – 14th centuries (Khudyakov, 1997, p. 16, 17, 22, 23; Gorelik, 2004, p. 98, fig. 3, 4-6). From the territory of the south of the Krasnoyarsk region, Khakassia, the Kuznetsk Basin, and Tyva, a whole series of similar in design weakly curved sabers and broadswords from among random finds, also dating mainly to the Mongolian time, occurs (Khudyakov, 1980, p. 37, tab. V, fig. 2, p. 41, tab. VII, fig. 1; Soloviev, 2003, p. 166, fig. 18; Skobelev, Ryumshin, 2010, p. 146, 148-150).

M. V. Gorelik, who studied the design features and design systems of sabers of the population of Eastern Europe, the North Caucasus, Siberia, Central and Eastern Asia, came to the conclusion that the clips with tongues first appeared in Central Asia and by the IX century and were borrowed by the Khazars. After the fall of the Khazar Khaganate, this structural element, according to M. V. Gorelik, quickly disappears from the blade weapons of the Western part of Eurasia. Its reappearance and spread on sabres and broadswords of the region was associated with the Mongol conquest of the XIII century. At the same time, in southern Siberia, as well as in continental East Asia, the tradition of making clips with "tongues" was not interrupted. So, in particular, they are present on long-link weapons of the Song and Jin eras, as well as sabers and broadswords of nomads of southern Siberia (Gorelik, 2002, p. 63, 64; Gorelik, 2004, p. 86-101; Gorelik, 2008, p. 161). It is very likely that sabres with a slightly curved blade with wide clips and "tongues", "elongated-rhombic" "navicular" guards were formed on the territory of southern Siberia and Central Asia before the Mongol era. However, their spread across Eurasia in the XIII–XIV centuries is largely due to the Genghis military expansion.

Another argument in favor of Dating the saber from the ARMLH to Mongol time is the presence of a semicircular cutout on the "tongue" of the clip in combination with a sharp-angled tooth. Such a decorative element is very typical for long-link weapons of the peoples of the great steppe and neighboring territories of the XIII–XIV centuries (Gorelik, 2004, p. 98, Fig. 3, 1, 3; The Arts..., 2008, p. 38, 39; Rivkin, 2017, p. 74, 76, 77, 84, 86).

Conclusion. Thus, the typological analysis allows us to date the saber from the ARMLH to the Mongol time, that is, the XIII–XIV centuries. Given that the vast majority of it is analogues come from the territory of southern Siberia, we can assume that the saber is an imported product. Most likely, it was made by the masters of the Yenisei Kirghiz or their neighbors. The appearance of the saber on the territory of Northern Kazakhstan could be associated with the inclusion of Eastern Dasht - I Kipchak in the Mongol Empire. At the same time, it is impossible to completely exclude the possibility of making a saber by local craftsmen on the popular model of long-barreled weapons of South Siberian production. Judging by the state and degree of preservation of the guard and blade, the saber could have been used for a long historical period.

The high scientific value of weapons from the ARMLH is also due to the fact that the finds of sabers of the XIII–XIV centuries on the territory of Kazakhstan are extremely small. The introduction of new samples into scientific circulation makes it possible to clarify important issues related to the formation of the weapons complex of the nomads of the region in the era of the great Mongol conquests.

САБЛЯ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ АКМОЛИНСКОГО ОБЛАСТНОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Л. А. Бобров¹, А. К. Кушкumbaев¹

¹Новосибирский государственный университет, Новосибирск, России,
E-mail: spsml@mail.ru,

²Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Нур-Султан, Казахстан, E-mail: kushkumbaev.magyar2011@yandex.kz

Аннотация. В статье рассмотрена сабля, хранящаяся в Акмолинском областном историко-краеведческом музее (Инв. № ГИК 2322/1, АОИКМ, г. Кокшетау, Республика Казахстан). Оружие происходит из числа случайных находок с территории Северного Казахстана. Сабля поступила в собрание в 50–60-х гг. XX в. Более подробная информация о времени и обстоятельствах ее передачи в музей в документации АОИКМ отсутствует. Клинок имеет едва заметный изгиб, что позволяет отнести оружие к саблям, а не к палашам. На пяту клинка наварена обоймица с длинным железным «язычком». В отверстие хвостовика вставлена заклепка для крепления «щечек» рукояти. Гарда имеет характерную удлинненно-ромбическую форму. На основании типологического анализа установлено, что рассматриваемая сабля отличается от традиционных сабель тюркских кочевников Казахстана Кимакского и Кипчакского периода (X–XII вв.). Ближайшие аналоги сабли из АОИКМ происходят с территории Южной Сибири и датируются XIII–XIV вв. Наиболее вероятно, что появление данной сабли на территории Северного Казахстана связано с событиями Монгольского нашествия XIII в. и включения Восточного Дашт-и Кипчак в состав Монгольской империи. Скорее всего, сабля была изготовлена мастерами енисейских кыргызов, и попала в Северный Казахстан вместе с отрядами Чингизидов. В то же время не стоит исключать и возможность местного производства оружия по южносибирским образцам в период существования Монгольской империи. Малочисленность находок длинноклинкового оружия XIII–XIV вв. происходящих с территории Казахстана обуславливает высокую научную ценность рассматриваемой сабли.

Ключевые слова: Казахстан, Монгольские завоевания, Монгольская империя, оружие монголов, длинноклинковое оружие, сабля.

REFERENCES

1. Belorybkin G. N. Zolotarevskoe poselenie [Zolotarevskoye settlement]. SPb.- Penza: PSPU Publishing house. 2001. 200 p. [in Russian].
2. Bobrov L. A., Pronin A. O. Tipologiya kazakhskikh sabel' XVI – serediny XIX v. [Typology of the kazakh cavalry XVI – the middle of XIX century]. Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiyami [Culture steppe of Eurasia and their interaction with the ancient civilizations]. St.-Petersburg, IHMC RAS, Periferiya Publ., vol. 2, p. 572–581. [in Russian].
3. Gorbunov V. V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Chast' 2. Nastupatel'noe vooruzhenie (weapon) [Military arts of the population of the Altai region in the 3th – 14th Centuries. Part 2. Offensive armaments (weapons)]. Barnaul, Altai State Univ. Publ., 2006, 232 p. [in Russian].
4. Gorbunov V. V. Dlinnoklinkovoe oruzhie tyurkskoj konnicy [Long-Link weapons of the Turkic cavalry]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy - War and weapons. New*

research and materials. Part I. St. Petersburg. By : MHMAECT, 2014. pp. 385-401. [in Russian].

5. Gorbunov V. V. *Vojna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy* [Swords of the Kimaks of East Kazakhstan]. *Vojna i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy - War and weapons. New research and materials*. Part II. SPb. By : MHMAECT, 2016. pp. 131-147. [in Russian].

6. Gorelik M. V. *Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie* [The Mongol-Tatar armies of X–XIV centuries. Military art, munitions and weapons]. Moscow, Eastern horizon Publ., 2002, 84 p. [in Russian].

7. Gorelik M. V. Cherkesskie voiny Zolotoi Ordy (po arkheologicheskim dannym) [Circassian warriors of the Golden Horde (based on archeological data)]. *Vestnik Instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva KBR i KBNTS RAN* [Bulletin of the Institute of the humanities research of the government of the Republic of Kabardino-Balkaria and Kabardino-Balkarian Research Center of the RAS]. Nal'chik, 2008, vol. 15, p. 158–189. [in Russian].

8. Skobelev S. G., Ryumshin M. A. *Novye materialy po dlinnoklinkovomu oruzhiyu enisejskikh kyrgyzov v razvitom i pozdnem Srednevekov'e* [New materials on long-link weapons of the Yenisei Kyrgyz in the developed and late middle Ages]. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2010. Vol. 9. Part.7: Archeology and Ethnography, 2010. pp. 144-154. [in Russian].

9. Solovyov A. I. *Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do sredne-vekov'ya* [Weapons and armor. Siberian weapons: from the stone age to the middle ages]. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2003. 224 p. [in Russian].

10. Hudyakov Y. S. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov VI–XII vv.* [The armaments of the Yenisey kirghiz in 6th – 12th Centuries]. Novosibirsk, Science, 1980, 176 p. [in Russian].

11. Hudyakov Y. S. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii* [The armaments of the medieval nomads in South Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Science, 1986, 286 p. [in Russian].

12. Hudyakov Y. S. *Voennoe delo kochevnikov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epohu razvitogo srednevekov'ya* [Warcraft of the nomads in South Siberia and Central Asia in the era of the developed middle ages]. Novosibirsk, 1995, 98 p. [in Russian].

13. Rivkin K., Isaac B. *A Study of the Eastern Sword*. Printed in Mankato, 2017, 360 p.

14. *The Arts of the Muslim Knight*. The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan, Skira, 2008, 416 p.

List of abbreviations

Akmola regional Museum of local history - ARMLH

Military history Museum of artillery, engineering and communications troops - MHMAECT

State Museum of Oriental art, Moscow -SMOAM

Kabardino-Balkar scientific center – KBSC

Kabardino-Balkar Republic – KBR

Novosibirsk state University – NSU

Penza state pedagogical University – PSPU

Siberian branch of the Russian Academy of Sciences. – SBRAS

Information about the Authors

Leonid A. Bobrov, Doctor of History, leading researcher at the Laboratory for Humanitarian Studies; Associate Professor of Department of Archaeology and Ethnography in Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, spsml@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5071-1116

Aibolat K. Kushkumbaev, Doctor of History, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, kushkumbaev.magyar2011@yandex.kz

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ РАСКОПОК ИЗ МОГИЛЬНИКА УЛУГ-ЧОЛТУХ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Ю.С. Худяков, А.Ю. Борисенко
Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье анализируются находки нескольких костяных наконечников стрел, которые были обнаружены в ходе проведения раскопок в 2007 г. на памятнике Улуг-Чолтух, расположенном в долине р. Эдиган, правого притока р. Катунь, на территории Горного Алтая. В течение этого полевого сезона на данном памятнике было исследовано несколько курганов с мужскими погребениями, в составе сопроводительного инвентаря которых находились костяные накладки луков, а также железные и костяные наконечники стрел. В статье прослеживаются и анализируются основные результаты предшествующих исследований подобных наконечников стрел из памятников второй четверти I тыс. н. э. на территории Горного Алтая. Костяные наконечники стрел из раскопок памятника Улуг-Чолтух были рассмотрены и классифицированы по формальным признакам на отделы, группы и типы. Среди данных костяных наконечников по способу насада было выделено два отдела: черешковые стрелы и наконечники с раздвоенным насадом. В числе таких стрел было определено несколько групп наконечников с трехгранным и ромбическим сечением пера. В рамках выделенных групп было выделено несколько самостоятельных типов стрел, различающихся между собой по форме пера. Прослежены некоторые особенности размещения костяных и железных наконечников стрел в могильных ямах в составе раскопанных мужских захоронений, исследованных в полевом сезоне 2007 г. на памятнике Улуг-Чолтух. Отмечено, что костяные стрелы помещались в погребения в тех же самых местах, что и железные наконечники стрел.

Ключевые слова: Горный Алтай, долина р. Эдиган, могильник Улуг-Чолтух, памятники айрыдашского типа, костяные наконечники стрел.

Введение. В числе разнообразных предметов вооружения дистанционного боя, применявшихся для стрельбы по целям в течение второй половины «хунно-сяньбийского» исторического периода, или «предтюркского времени», представлен достаточно широкий, разнообразный набор не только железных, но также костяных или роговых наконечников стрел, различающихся между собой по способу насада на деревянное древко, а также по сечению и форме пера.

В течение рассматриваемого хронологического периода, охватывающего вторую четверть I тыс. н. э., в составе предметных комплексов некоторых этнокультурных образований на территории Горного Алтая, в пределах Центрально-Азиатского историко-культурного региона были распространены костяные наконечники стрел различных форм [11. с. 34–37].

Изучение роговых деталей луков и железных наконечников стрел в составе сопроводительного инвентаря из состава оружейного комплекса археологических памятников берельского типа было предпринято в 186-х гг. на современной территории Казахстанского рудного Алтая [4. с. 470].

Находки железных наконечников стрел с костяными шариками-свистунками из памятников берельского типа были упомянуты в монографическом исследовании, посвященном народам Южной Сибири древнетюркской эпохи [5. с. 29].

О некоторых предметах вооружения, включая наконечники стрел, упомянуто в сочинении, посвященном изучению памятников хунно-сяньбийского времени на территории Горного Алтая [7 с. 19-29].

Разнообразный набор втульчатых и черешковых костяных наконечников стрел, различающихся между собой по сечению и форме пера, был рассмотрен на материалах предметных комплексов из памятников хунно-сяньбийской эпохи на территории района Верхней Катунь [6. с. 53].

В составе сопроводительного инвентаря из памятников булан-кобинской культуры хуннского времени, которые были распространены в пределах Горного Алтая, представлены костяные, или роговые втульчатые и черешковые наконечники стрел различных форм [12. с. 36].

В составе предметного комплекса, выявленного в кок-пашских памятниках второй четверти I тыс. н.э., которые изучены на территории Восточного Алтая, представлены разнообразные костяные черешковые наконечники стрел с ромбическим, трехгранным или трапециевидным в сечении пером различных типов [1. Рис. 6, 3–5, 32–33; 15, 10–12; 18, 3–6; 19, 15; 20, 2].

В наборе костяных стрел, обнаруженных в составе сопроводительного инвентаря археологических погребальных комплексов берельского типа, относящихся к середине I тыс. н. э., которые в прошлом были исследованы на территориях Восточного Казахстана и Горного Алтая, в них были выявлены различные по форме наконечники, изготовленные из кости, или рога. Некоторые из этих находок удлиненно-треугольной формы с округлым отверстием в центральной части из памятника Берель на территории Восточного Казахстана были отнесены к стрелам, применявшимся для стрельбы из самострела [2. с. 55; Рис. 5, 1].

Костяные наконечники стрел из состава предметов метательного вооружения в наборе сопроводительного инвентаря памятника Дялян, исследованного в долине р. Катунь на территории Горного Алтая, были включены в состав комплекса средств ведения дистанционного боя из памятников берельского типа [10. с. 47–50; Рис. 7, 1, 2, 7, 8, 10, 11, 14–17].

Некоторые археологические памятники, изученные в районе Средней Катунь, были отнесены к хронологическому периоду, охватывающему хронологический этап в пределах III – V вв. н. э. Они были выделены в составе археологических комплексов айрыдашского типа, изученных на территории Горного Алтая [9. с. 92–93]. В то же время, эти материалы были включены в состав предметного комплекса кудыргинской культуры, что не нашло поддержки у других исследователей археологических памятников второй четверти I тыс. н. э. [9. с. 94–97].

Сложносоставные луки с роговыми или костяными накладками, а также различные формы железных наконечников стрел булан-кобинской культуры Горного Алтая были проанализированы в специальном монографическом исследовании [3. с. 10–13; 28–37].

В составе сопроводительного инвентаря памятника Айрыдаш I, расположенного в среднем течении р. Катунь в Горном Алтае, представлены различные предметы вооружения и их детали, в том числе костяные накладки луков, а также железные и костяные наконечники стрел [1. Рис. 26, 6–12].

Согласно предположению, высказанному в сочинении одного из известных исследователей в области оружейведения, анализировавших военное дело древних племен большереченской культуры раннего железного века на территории Западной Сибири, формы боевой части некоторых костяных стрел имитировали бронзовые стрелы [8. с. 67, Рис. 32].

Среди костяных стрел, обнаруженных в составе сопроводительного инвентаря в погребальных памятниках айрыдашского типа, исследованных в районе Средней Катунь, были выявлены разнообразные втульчатые и черешковые предметы вооружения дистанционного боя, а также роговые наконечники с раздвоенным насадом [12. с. 47].

В 2016 г. несколько находок костяных наконечников стрел с втульчатый и раздвоенным насадом различных форм из состава сопроводительного инвентаря из нескольких мужских погребений из могильника Улуг-Чолтух на Средней Катунь были введены в научный оборот [13.с. 24–25].

Некоторые характерные особенности разнообразных форм наконечников прослеживаются в составе набора костяных стрел, обнаруженных в ходе раскопок памятника Улуг-Чолтух в полевом сезоне 2007 г. Этот археологический памятник расположен в долине р. Эдиган, правого притока р. Катунь, на территории Горного Алтая. По характерным особенностям надмогильных и внутримогильных сооружений, по некоторым, типичным чертам погребальной обрядности, а также набору и характерному облику сопроводительного инвентаря, в том числе принадлежностей сложносоставных луков, а также различных форм железных и костяных, или роговых наконечников стрел, могильник Улуг-Чолтух, в том числе археологические объекты, раскопанные в полевом сезоне 2007 г., которые можно отнести к числу памятников айрыдашского типа.

Обсуждение. Описание и классифицирование костяных наконечников стрел. Костяные, или роговые наконечники стрел были обнаружены в нескольких мужских захоронениях в курганах, раскопанных на исследуемом памятнике Улуг-Чолтух в 2007 году. Среди таких стрел представлены наконечники, различающиеся между собой по способу насада при их креплении на деревянные древки стрел.

Костяные наконечники, обнаруженные в ходе раскопок на выше названном могильнике в 2007 г. могут быть отнесены по форме насада к разным отделам предметов вооружения дистанционного боя.

К первому отделу должны относиться костяные наконечники стрел с черешковым насадом. Один такой наконечник был найден в составе сопроводительного инвентаря, обнаруженного во время раскопок на могильнике Улуг-Чолтух, в кургане № 40. По сечению этот наконечник можно отнести к группе стрел с трехгранным в сечении пером. Данный наконечник имеет остроугольное острие, удлиненно-треугольное перо, вогнутые плечики. Одно из плечиков этого костяного наконечника сохранилось не полностью. Оно было повреждено и частично обломано. Наконечник снабжен коротким, уплощенным черешком. На основании черешка имеется небольшая полукруглая выемка. Вероятно, она появилась в результате механического повреждения. Длина пера – 3,5 см, ширина сохранившейся части пера – 1,5 см, длина черешка – 2,1 см (Рис. 1, б).

Ко второму отделу необходимо отнести костяные наконечники с раздвоенным насадом, различающиеся между собой по сечению и форме пера.

По сечению пера среди них выделяются две группы. К первой группе должны быть отнесены наконечники с ромбическим в сечении пером. У некоторых наконечников на одной из сторон пера имеются пологая выемка, которая является естественным углублением на костяной заготовке. По форме пера среди стрел данной группы выделяется два типа. К первому типу необходимо отнести наконечники удлиненно-пятиугольной формы. Два экземпляра наконечников этого типа обнаружены в кургане № 36 на могильнике Улуг-Чолтух. Наконечники данного типа имеют остроугольное острие, удлиненно-пятиугольное перо, выступающие, прямые плечики, узкое треугольное углубление в качестве раздвоенного насада. У каждого из этих наконечников сохранилось только по одному выступу такого насада, в то время как другой такой выступ у каждого из них обломан. Еще один наконечник данного типа был обнаружен в ходе раскопок кургана № 40 в составе этого же могильника. У данного костяного, или рогового, наконечника остроугольное острие, перо вытянуто-пятиугольной формы, прямые плечики, полуовальное по форме углубление, расположенное между двумя окончаниями раздвоенного насада. Оба эти окончания обломаны. Длина пера – 3,5–4,5 см, ширина пера

– 1,5–1,8 см, длина сохранившихся окончаний раздвоенного насада – 1,5–1,7 см (Рис. I, 1, 2, 3).

Ко второму типу костяных стрел в составе данной группы проникателей дистанционного боя можно отнести один наконечник с пером удлинненно-треугольной формы из состава сопроводительного инвентаря в захоронении из кургана № 40 могильника Улуг-Чолтух. Данный наконечник имеет остроугольное острие и удлинненно-треугольное перо с частично сохранившимся, остроугольным раздвоенным насадом. У данного наконечника стрелы одно из окончаний раздвоенного насада обломано. Длина пера – 1,9 см, ширина пера – 1,1 см, длина сохранившегося окончания раздвоенного насада – 1,7 см (Рис. I, 4).

Ко второй группе костяных стрел с раздвоенным насадом необходимо отнести один наконечник с трехгранным в сечении острием, обнаруженный в составе сопроводительного инвентаря в кургане № 36 из могильника Улуг-Чолтух. Его можно выделить в самостоятельный тип вытянуто-пятиугольных костяных наконечников стрел. У данного наконечника выделяется остроугольное острие, вытянуто-пятиугольное перо с полукруглым углублением в качестве раздвоенного насада. Одно из боковых окончаний данного раздвоенного насада обломано. Длина пера – 3,3 см, ширина пера – 0,9 см, длина сохранившегося окончания раздвоенного насада – 1,6 см (Рис. I, 5).

В составе набора костяных стрел, полученных в процессе проведения археологических раскопок на площади исследуемого погребального памятника Улуг-Чолтух в долине р. Эдиган в Горном Алтае в течение полевого сезона 2007 г., данные предметы удалось классифицировать по способу насада на два отдела, в составе одного из которых представлены костяные наконечники с черешковым насадом, а в состав другого отдела выделены стрелы с раздвоенным насадом. Среди тех и других костяных наконечников по сечению и форме пера было выделено несколько отдельных групп, а в составе этих групп некоторое количество типов стрел.

Размещение наконечников стрел в погребальных комплексах. Расположение костяных, или роговых накладок луков, также как железных и костяных наконечников стрел, помещенных в качестве сопроводительного инвентаря в захоронениях взрослых мужчин, исследованных на могильнике Улуг-Чолтух в 2007 г., отличается в разных погребальных комплексах, раскопанных в тот же полевой сезон.

В кургане № 36 скелет погребенного взрослого мужчины находился на дне могильной ямы, между массивных камней, установленных вдоль стен данной могилы. Погребенный был уложен на спину, в вытянутом положении, кисти рук, в том числе, фаланги пальцев находились на костях таза. Умерший был ориентирован головой на северо-восток. Срединная накладка лука находилась между бедренных костей скелета погребенного человека. Она лежала вдоль левой бедренной кости погребенного, ближе к коленному суставу умершего. На костях правой руки данного мужчины находились сильно истлевшие обломки накладок лука. Железные наконечники стрел находились на правой подвздошной, тазовой и на правой бедренной костях и были ориентированы остриями в сторону верхней части скелета погребенного мужчины. Рядом находились обломки костяных шариков с округлыми отверстиями – свистунок. Костяной наконечник стрелы с раздвоенным насадом находился рядом с черепом погребенного, поблизости с его нижней челюстью, между левой стороной черепа умершего и костями его левого плеча.

В кургане № 40 были обнаружены останки скелета погребенного взрослого человека, вероятнее всего, мужчины-воина, которые находились на дне могильной ямы, вдоль стен могилы были установлены массивные скальные обломки, окаймляющие могильную яму. Останки погребенного были положены на спине, и были ориентированы головой в юго-восточном направлении. Фрагменты срединной боковой накладке лука

находились в области, где должна была лежать левая бедренная кость погребенного человека. Железный наконечник стрелы находился рядом с черепом погребенного, с левой стороны от его лицевой части. Поблизости от железного наконечника в области левой плечевой кости скелета был помещен костяной наконечник стрелы с раздвоенным насадом.

Судя по местоположению не только костяных, но и железных наконечников стрел внутри могильных ям, в которых были погребены тела взрослых мужчин на могильнике Улуг-Чолтух, они могли помещаться в могилах в области левого плеча или пояса захороненных воинов. Вполне возможно, что подобное размещение было рассчитано на символическое применение как железных, так и костяных стрел, положенных в качестве сопроводительного инвентаря для того, чтобы в случае необходимости, воины могли использовать стрелы с разнообразными наконечниками для ритуального ведения скоростной стрельбы в загробном мире. Для этого они должны были быть специально извлечены из полости колчана и подготовлены для выстрелов. Совместное размещение железных и костяных наконечников в одних и тех же местах в составе оружейного сопроводительного инвентаря в погребальных комплексах в мужских захоронениях может свидетельствовать об их целенаправленном использовании в ходе символической стрельбы по определенным целям в ходе возможного ведения военных действий.

Выводы. Присутствие в составе набора стрел с железными и костяными наконечниками в комплексе сопроводительного инвентаря погребенных взрослых мужчин-воинов, захороненных в некоторых курганах, исследованных на могильнике Улуг-Чолтух, который находится в долине р. Эдиган, притока р. Катунь, в Горном Алтае в полевом сезоне 2007 г., различных по сечению и форме костяных проникателей дает основание предположить, что они могли применяться для стрельбы по противникам в условиях ведения регулярного обстрела вражеских воинов во время ведения дистанционных боев.

Вполне вероятно, что стрелы, увенчанные различными по своей форме костяными наконечниками, были рассчитаны для проведения интенсивного обстрела вражеских войск в ходе ведения боев, которые велись на разных дистанциях полета стрел с металлическими и костяными наконечниками. Проанализированный в настоящей статье сравнительно небольшой комплекс костяных наконечников стрел, вполне вероятно, (мог быть рассчитан) на поражение воинами своих легковооруженных противников, не защищенных какими-либо достаточно эффективными, защитными, металлическими, или кожаными панцирными доспехами, составленными из разнообразных пластин.

Помимо представленных в данной статье нескольких, достаточно типичных, находок костяных, или роговых наконечников стрел черешковым или раздвоенным насадом, различающихся между собой по сечению и форме пера, обнаруженных в айрыдашских погребальных комплексах памятника Улуг-Чолтух в 2007 г., в предыдущие годы на том же памятнике были зафиксированы костяные или роговые наконечники стрел, которые относятся к другим отделам, группам и типам проникателей, в том числе со втульчатым насадом. Вероятно, все подобные типы костяных наконечников стрел также могли использоваться для поражения разнообразных целей в условиях ведения массированного обстрела противников.

Благодарности Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

Acknowledgements The work was conducted within the frameworks of the government-commissioned research project 33.5677.2017/8.9

BONE ARROWS' TIPS FROM EXCAVATIONS AT THE BURIAL GROUND ULUG-CHOLTUH

Yu.S. Khudyakov, A.Yu. Borisenko

Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. It is analyzed in an article the findings of several bone arrows' tips, that were detected in the course of excavations during the year 2007 at the monument Ulug-Choltuh, that is located in the valley of Edigan River, right-hand-side tributary of Katun River in the territory of the Altai Mountains. It was researched at the monument over the course of this field season the several burial grounds with male entombments, where it was the bows' bone side plates as well as the iron bone arrows' tips as a part of accompanying equipment. It is traced and analyzed in the article the principal results of previous research of similar arrows' tips from the monuments of the second quarter of the 1st millennium A.D. in the territory of Altai Mountains. Bone arrows' tips from excavations of the monument Ulug-Choltuh were considered and classified on formal signs to sections, groups and types. It was singled out two sections among the bone tips to approach of haft element: pivot arrows and tips with forked haft element. It was determined among such arrows the several groups of tips with trilateral and rhombic section of feather. Within the singled out groups it was as well as singled out some autonomous arrows' types, which differ from each other to from of feather. It was traced several positioning specificities of bone and iron arrows' tips in sepulchral pits as a part of excavated male burial places, researched in the course of field season 2007 at the monument Ulug-Choltuh. It is pointed out that the bone arrows were put into burial places in that same locations as the iron arrows' tips.

Keywords: Altai Mountains, valley of Edigan River, burial ground Ulug-Choltuh, monuments of Airydaş type, iron arrows' tips.

REFERENCES

1. Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A. Vostochnyi Altai v epokhu velikogo pereseleniya narodov [East Altai during an Era of Great Resettlement of the People]. Novosibirsk, IAE SD RAS Publ., 2003, 224 p. [in Russian].
2. Gavrilova A.A. Mogilnik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen [Burial Ground Kudyrge as a Source on History of the Altai Tribes]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1965, 146 p. [in Russian].
3. Gorbunov V.V. Voennoie delo naseleki Altaia v III – XIV vv. Ch. II. Nastupatelnoie voorujenie (orujie) [Altai populations military science in III – XIV a.d. Part II Offensive weaponry (arms)], Barnaul. Alt. Gos. Un-t, 2006. 232 p. [in Russian].
4. Radloff W.W. Iz Sibiri. Stranici dnevnika [From Siberia. The pages of diary]. Moscwa, Nauka, Glav. Red. Vostochnoi literature, 1989. 749 p. [in Russian].
5. Savinov D.G. Narodi Yujnoi Sibiri v Drevneturkskuiy epokhu [Peoples of Southern Sberia in the Old Turkic times]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1984. 175 p. [in Russian].
6. Soenov V.I. Kompleks vooruxheniya naseleniya Verkhnei Katuni v gunno-sarmatskuyu epokhu [The complex of armament of population of the High Katun in the Xiongnu and Sarmatian times]. Snaryazhenie kochevnikov Evrazii [The equipment of the nomads of Eurasia]. Barnaul, AltGU Publ., 2003. P. 52–55. [in Russian].
7. Soenov V.I., Ebel A.V. Kurgani hunno-sarmatskoi epokhi na Verkhnei Katuni [Burial grounds of the Xiongnu and Sarmatian times in the Upper Katun Region]. Gorno-Altai, 1992. 116 p. [in Russian].
8. Soloviev A.I. Orujie I dospekhi. Sibirskoie voorujenie: ot kamennogo veka do srednevekovia [Armour and Weaponh: The Siberian armaments from the Stone Age till the Middle Ages]. Novosibirsk. INFOLIO-press Publ., 2003. 224 p. [in Russian].

9. Surazakov A.S. Pamyatniki Gornogo Altaya pervoi poloviny – serediny pervogo tysyacheletiya (Kudyrghynskaya kultura) [Objects of the Altai mountains at the Middle – the First Half of the First Millenium (Kudyrge Culture)]. Etnicheskaya istoriya turkoyazychnykh narodov Sibiri I sopredelnykh territorii (po dannym arkheologii). Materialy vserossiyskoi konferentsii [The ethnical history of Turkic-speaking people of Siberia and contiguous territories (on data of the archeology)/ The materials of All-Russian Conference]. Omsk, OmGU Publ., 1992, P. 92–97. [in Russian].
10. Teterin Yu.V. Vooruzhenie kochevnikov Gornogo Altaya berelskoi epokhi [The armament of nomads of the Altai Mountains of the Derel Time]. Voennoe delo narodov Sibiri I Tsentralnoi Azii [The military science of people of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Novosib. Gos. Un-t Publ. 2004, vol. 1. P.37–82. [in Russian].
11. Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoi Sibiri I Tsentralnoi Azii [Arms of the Middle Ages nomads in the Southern Siberian and Central Asian]. Novosibirsk, Nauka, 1986. 268 p. [in Russian].
12. Khudyakov Yu. S. Vooruzhenie tsentralno- aziatsnikh kochevnikov v II – V vv. n. e. [Armament Central Asian Nomads in the II - V Centuries AD]. Voennoe delo nomadov Tsentralnoi Azii v syanbiyskuyu epokhu [Military Affaires Central Asian Nomads in Syanbi Era]. Novosibirsk, Novosib.gos. un-t. Publ., 2005. P. 19–55. [in Russian].
13. Khudyakov Yu.S. Opit sistemastizacii predmetov vooruzhenia distancionnogo boja iz pamiatnikov airidashskogo tipa gunno-sianbiskoi epokhi v Gornom Altaie [On Systematizing Objects of Armament of Remote Combat from the Monuments of Airydash Type of the Xiongnu and Xianbei Times in the Altai Mountains]. Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seria: Istoria, filologia [Vestnik of NSU. Series: History and Philology]. 2016. vol. 15. № 5. Archaeology and Ethnography. P. 20–30. [in Russian].

Information about the authors:

Yuliy S. Khudyakov, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Professor at Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, khudjakov@mail.ru, ORCID 0000-0002-4741-9971.

Alisa Yu. Borisenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Humanities at the Novosibirsk State University, docent, Novosibirsk, Russian Federation, aborisenko2@mail.ru, ORCID 0000-0001-9558-5678